

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

I think English is very easy, don't you?
ты мне ланшу на удин ле беллин...
я тебе, как рускому человеку, скажу, никто не знает, а ты вечер!
Дорогие радиослушатели!

Оригинал...
сигу, никого не трогать.

Новости, как про...
Сологуд!

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЖАНРЫ РЕЧИ

— 2019 № 3 (23) —

SPEECH GENRES

INTERNATIONAL JOURNAL

Well...
Let me finish...
This is getting us no...

спост...
Добрый вечер!

а вот расскажу анекдот.

ты мне...
Why don't you take...

Дорогие радиослушатели!

Амм... Curiouser and curiouser.

No problem

See me!
а ну анекдот..
Da jaguo

Open the window?
come on!

my plate.
reservation.

you re-ober!
re-ober!

I think so.

примусы починаю

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2019 № 3 (23)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56513 от 24 декабря 2013 г.
- Журнал размещён на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Журнал включен в каталог «Пресса России», подписной индекс 70771
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки))
- Сайт журнала: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/>

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2019

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алпатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Ст. Гайда, доктор филол. наук, проф. (Ополе, Польша)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, доктор филологии, проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Р. Лакофф, доктор филологии, проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, доктор филол. наук, проф. (Каунас, Литва)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Беларусь)
А. Мустайоки, доктор филологии, проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
Б. Питерс, доктор филологии, проф. (Канберра, Австралия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, доктор филологии, проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
А. П. Сквородников, доктор филол. наук, проф. (Красноярск, Россия)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva, Ph.D, Ass.prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

Vladimir M. Alpatov, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Elena G. Elina, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Stanislaw Gajda, Ph.D, Prof. (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0002-2288-9723>

Olena I. Goroshko, Ph.D, Prof. (Kharkov, Ukraine), <https://orcid.org/0000-0002-8592-1022>

Vladimir I. Karasik, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Robin Lakoff, Ph.D, Prof. (Berkeley, USA)

Tat'yana V. Larina, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Eleonora Lassan, Ph.D, Prof. (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>

Valentina A. Maslova, Ph.D, Prof. (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0002-7856-0396>

Mei Huang, Ph.D, Prof. (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>

Arto Mustajoki, Ph.D, Prof. (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>

Boris Y. Norman, Ph.D, Prof. (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

Natalia V. Orlova, Ph.D, Prof. (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>

Bert Peeters, Ph.D, Prof. (Canberra, Australia), <https://orcid.org/0000-0001-8422-4156>

Valeri V. Prozorov, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Renate Rathmayr, Ph.D, Prof. (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>

Tat'yana V. Shmelyova, Ph.D, Prof. (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>

Vladimir A. Salimovsky, Ph.D, Prof. (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>

Olga B. Sirotina, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>

Alexandr P. Skovorodnikov, Ph.D, Prof. (Krasnoyarsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-0171-596X>

Tat'yana I. Steksova, Ph.D, Prof. (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Zifa K. Temirgazina, Ph.D, Prof. (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Maria Yelenevskaya, Ph.D, Prof. (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

- А. Соломоник**   Философия суперсимметрии..... 166
Иерусалим, Израиль

Исследования отдельных жанров

- Е. В. Бузальская**   Гипержанр «Дневник»: основные варианты модели..... 183
Санкт-Петербург, Россия
- Е. Г. Елина**   Устный рассказ студента-активиста как речевой жанр 193
Саратов, Россия
- А. В. Дегальцева**   Особенности употребления наречий образа действия
Саратов, Россия   в научной статье 200
- Лю Цзыхуэй,**
Е. В. Маркасова   Конструкция «я бы на твоём / ты бы на моём месте»:
Пекин, Китай   о связи между «я-сферой» и выбором речевого жанра 207

Интернет-жанры

- Л. Ю. Щипицина**   Веб-лекция как устный жанр интернет-коммуникации..... 215
Архангельск, Россия
- В. И. Карасик**   Комические аттрактивы в сетевом дискурсе 227
Москва, Россия
Тяньцзинь, Китай

Жанры в фило- и онтогенезе

- А. В. Сидоренко**   Отговорка и отговор в системе речевых жанров 234
Стерлитамак, Россия

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

- Abraham Solomonick**   Philosophy of Supersymmetry 166
Jerusalem, Israel

Studies of Individual Genres

- Elena V. Buzalskaya**   Diary: Main Variants of the Genre 183
Saint Petersburg, Russia
- Elena G. Elina**   The Oral Narrative of a Student Activist as a Speech Genre 193
Saratov, Russia
- Anna V. Degaltseva**   Aspects of the Use of Adverbs of Manner in an Academic
Saratov, Russia   Article 200
- Liu Zihui,**   The Russian Construction “ya by na tvoyom meste/ty by na
Elena V. Markasova   moyom meste” (“if i were you/if you were me”): about the
Beijing, China   Link between the I-sphere and the Choice of a Speech
Genre 207

Internet Genres

- Larisa Yu. Shchipitsina**   Web Lecture as an Oral Internet Genre 215
Arkhangelsk, Russia
- Vladimir I. Karasik**   Comical Attractives in Network Discourse 227
Moscow, Russia
Tianjin, China

Genres in Philo- and Ontogenesis

- Alexey V. Sidorenko**   The Otgovorka and the Otgovor in the System of Speech
Sterlitamak, Russia   Genres 234

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 165

ББК 87.22

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-166-182>

А. Соломоник
Иерусалим, Израиль

Abraham Solomonick
Jerusalem, Israel

Философия суперсимметрии

Philosophy of Supersymmetry

Настоящая статья посвящена новому видению философии познания и ее трансформациям на протяжении истории человеческой цивилизации. Вначале автор рассказывает, что он понимает под философией познания, смысл которой заключается в том, чтобы заполнить пробелы в процессе поиска, пробелы, еще не установленные в практическом опыте. Затем он рассматривает вопрос о том, как развивалась эта философия. В истории познания выделяются три этапа: религиозно-мистический этап; первый научный этап и второй научный этап, к которому мы переходим, по его мнению, сегодня. Этот второй научный этап характеризуется тем, что прежний прямой и ясный период, основанный на дуалистической логике исключения всех прочих решений, должен смениться допуском возможных альтернатив, которые постоянно появляются в нашей многообразной действительности. Этот этап предусматривает разрешение иных научных обобщений, а не только тех, которые нам первоначально подсказывает традиционная логика мышления, устойчивая и непоколебимая логика исключения третьего.

Ключевые слова: философия уже не «царица наук», исчезнет ли философия познания совсем?, дуалистическая логика противоположностей, философская суперсимметрия.

The article presents a new focus on philosophy of knowledge: its birth, development and transformations. A. Solomonick distinguishes three subsequent phases in its development: mystical-religious approach to people's knowledge acquisition; the first scientific stage in access to knowledge (from the middle of the second millennium until the XXth century); and the second scientific stage which is evolving in our time. The initial stage is based on the beliefs (faith) and on the authority of national leaders; the first scientific period deals with the observance of the phenomena in question in natural ambience or in experiment; the modern scientific period presents a multimodal approach to the observed matter and the acceptance of all its modifications, even those that encroach beyond strictly dualistic logic, because such logic discerns only two opposite realizations of various complex appearances. To obtain this goal the author suggests supersymmetric analysis of the discussed complexes and problems.

Keywords: philosophy is no more the «queen of all sciences», did it completely lose its influence?, dualistic logic, philosophy of supersymmetry.

Сведения об авторе: Соломоник Абрам, доктор педагогики, почетный профессор.

Место работы: Иерусалимский университет, Израиль.

E-mail: semiosol@netvision.net.il
<https://orcid.org/0000-0003-0476-8925>

About the authors: Solomonick Abraham, PhD, Professor Emerita.

Place of employment: University of Jerusalem, Israel.

E-mail: semiosol@netvision.net.il
<https://orcid.org/0000-0003-0476-8925>

Проблема определения философии началась с того момента, когда появились люди, объявившие, что предметом их занятий является «философствование». После возникновения в Древней Греции и до самого последнего времени многие считали философию «царицей наук». Виднейшие представители философского знания неизменно оказывались в центре внимания и оказывали серьезное воздействие на общество в целом и в особенности на ученых в различных областях знания. Однако с середины XX века влияние философии стало подвергаться сомнению, а в

теперешнем столетии и вовсе, кажется, сошло на нет. В чем же дело? Разберемся в этом по порядку.

В чем проблема современной философии?

Понятие «философия», как было сказано, возникло в Древней Греции. Само это слово дает первоначальное определение тому, что оно в то время означало: *phileo* в переводе с греческого значит *люблю*, а *sophia* – *мудрость*. В русском языке нашелся очень

точный аналог греческому образцу – *любомудрие*, то есть философами считались те, кто специально посвящал себя мудрым рассуждениям, в противоположность обыденным и незначительным разговорам. Темой для рассуждений могли оказаться самые различные предметы и явления, но философы в своих беседах должны были представить их в обрамлении последовательных обоснований. Вначале наиболее принятыми обоснованиями служили ссылки на литературных классиков типа Гомера или Гесиода либо на мнения мудрецов, высказывавших свои воззрения по поводу соотвествующих проблем. Через несколько столетий Аристотель (384–322 г. до н. э.) причислил такую аргументацию (т. е. «обращение к авторитету») к разряду логических ошибок, а впоследствии Джон Локк (1632–1704) дал ей латинское название *argumentum ad verecundiam* – «аргумент к скромности».

Известный российский философ начала XX века, Семен Людвигович Франк, специально занимавшийся выяснением употребления понятия «философия» в работах древнегреческих авторов, писал по этому поводу: «Впервые мы встречаем его у *Геродота* (V в. до Р. Хр.), где Крез говорит посетившему его мудрецу Солону: “Я слышал, что ты, философствуя, ради приобретения знания исходил много стран”. Здесь “философствовать” значит “любить знание, стремиться к мудрости”. У *Фукидида* (конец V в.) Перикл в надгробной речи над павшими в бою афинянами говорит, прославляя афинскую культуру: “мы философствуем, не изменяваясь”, т. е. “мы предаемся умственной культуре, развиваем образование”. У *Платона* (IV в.) мы встречаем слово “философия” в смысле, тождественном современному понятию науки, напр., в выражении “геометрия и прочие философии”. Вместе с тем у Платона мы встречаем указание, что Сократ любил употреблять слово “философия” как любомудрие, жажда знания, искание истины, противопоставляя его понятию мнимо-готового, законченного знания или мудрости софистов. У *Аристотеля* появляется термин “первая философия” в качестве основной или основополагающей науки, т. е. философии в современном смысле слова (или метафизики). В том смысле, в каком это слово употребляется теперь, оно вошло в употребление лишь в конце античной истории (в римско-эллинистическую эпоху)» [1: 6].

В так называемые Средние века философия под влиянием религии преобразилась; она либо пережевывала принятые ортодоксальные утверждения древних, либо высказывалась на религиозные темы. Мой любимый историк философии позднесоветской эпохи

А. Н. Чанышев отмечал: «В Средние века развитие философской мысли фактически прервалось. <...> Ведь в средние века философия была всего лишь служанкой теологии, этого философоподобного религиозного мировоззрения, сутью которого по-прежнему оставалась религиозная мифология, принимаемая на веру и воспитываемая у человека с самого раннего детства. Безверие было немыслимо. Инаковерие (ересь) жестоко наказывалось вплоть до изощренных пыток и максимального мучительного уничтожения» [2: 5].

Интерес к философии заново возродился в период Возрождения, но теперь он уже не мог игнорировать очевидные успехи науки. Философия бурно развивалась на фоне колоссальных достижений научного знания, сочетаясь и в какой-то мере конкурируя с ними за первенство в постижении законов природы. Когда к XX столетию наука окончательно утвердилась как законодательница моды на прогрессивное мышление, интерес к философии стал ослабевать – наука справлялась со своими задачами без помощи существовавшей философии, а философия в своих основных постулатах совершенно не изменялась. Философы лишь остроумно развивали старые устоявшиеся взгляды, сформулированные еще в греко-латинскую эпоху. Уменьшению роли философии в общечеловеческой копилке познания во многом способствовала так называемая *марксистская философия*, которая открыто провозглашала, что именно она и только она является абсолютно правильной, потому что она – «истинна по определению» («*правдива*», по словам В. И. Ленина).

Все это привело к сомнению в значении философии вообще и в частности – к философии познания. Вот некоторые тому примеры. В 1956 г. появилась книга Артура Хюбшера, позднее переведенная на русский язык [3: 49–54]. В ней мы находим следующие инвективы в адрес философии нашего времени:

«Картина современной философии, как мы видели выше, полна обещаний. Вспомним о прошлом: в XVI, XVII и XVIII веках носителем и хранителем философской мысли был светский человек – от Монтеня через Декарта и Лейбница до Юма и нисколько не профессионального, лишь очень благовоспитанного Канта. В XIX веке светский человек уступает место академическому философу, нарисованному во всей его красе в полемическом сочинении Шопенгауэра “Об университетской философии”. Творческое мышление отстает перед исследовательским и комментаторским повторением всех идей, из которых складывалась история идей, выдвинутых самостоятельно мыслящими (“*Selbstdenkern*”) от Платона до Аристотеля, от Аристотеля до Августина,

от Августина до Фомы, от Платона до Бруно, от Бруно до Спинозы. <...> Жизнь академического философа – это в лучшем случае работа, обучение, писание книг, полная поглощенность раз навсегда поставленной задачей, в которой остается все меньше общего с действительностью. Это мыслитель, далекий от мира, мы и теперь при случае видим его на какой-нибудь конференции: тихо, весь уйдя в себя, он говорит с нами из своей дали о том, что его занимало всю его жизнь. <...>

А все то, что можно было бы рассматривать как выигрыш в смысле широкого включения действительности, означает для философии лишь новую потерю (sic! – А. С.). С готовностью берущаяся за все современные задачи, она окончательно утратила свою роль царицы наук, верховного судьи и свободной руководительницы исследования. Она ничего не может теперь давать серьезному труду естествоиспытателей. Она истощает себя в подражании Гегелю, в кропотливой и в сущности бесцельной возне с понятиями, в тканье паутины все новых категориальных схем, на редкость абстрактных фантазий и конструкций. Страсть к формальному заставляет перекидываться на соседние области, изложение и обоснование метода представляется последней и самой скромной из целей мыслителя. За этим следует уже шаг в двойную область литературы и фельетона. Предательскую роль играет также частое соединение мыслителя с писателем. <...> Еще раз: где те мыслители, которые, благоговей перед наследием и в то же время служа современности, понесут факел в будущее?» [Там же].

Не в бровь, а в глаз, хотя и с некоторым переклестом: есть множество академических философов, которые пытаются приклеить к блистательному наследию сегодняшней науки, но безуспешно. «Бесцельная возня с понятиями», увы, необходима, равно как и «категориальные схемы и абстракции»; но по существу Хюбшер попал в самое яблочко. В наше время крайне необходимо, уважая старину, приспособить основные, существующие много сотен лет философские постулаты к современному уровню научных достижений, которые были достигнуты много позднее. Сыграв свою роль в прогрессе человеческой цивилизации, даже эти постулаты вынуждены изменяться, и к этому призывает нас более чем плачевное состояние современной философской науки.

Сегодня о бедственном положении философии говорят уже не единицы, но множество людей, – как принадлежащих по роду занятий к племени профессиональных философов, так и представители иных наук. Обратимся к доказательствам данного факта. Когда я открыл книгу Стивена Хокинга и Леонарда Млодинова «Высший Замысел», то был с первых же строк сильно обескуражен, ибо прочитал там следующее утверждение: «Традиционно все эти вопросы (о природе бытия. – А. С.) касаются философии, но философия мертва (курсив мой. – А. С.). Она не выдержала состязания с наукой, особенно с физикой. Ученые взяли в свои руки факел, освещающий процесс познания. Целью данной книги является предложить объяснение новейшим научным изысканиям, осветить их теоретическое значение. Они предлагают совершенно иную картину вселенной и нашего в ней места, картину, отличную от традиционной, даже от той, которая нам являлась пару десятков лет тому назад...» [4: 13]¹.

Я был поражен до глубины души словами о том, что на сегодняшний день «философия мертва». Один из ведущих физиков планеты, выдающийся проповедник и провозвестник научных открытий последних десятилетий, заявляет, что сегодняшняя философия никак не помогает ему толковать новейшие данные об устройстве вселенной и о роли человека в общей картине мира. В конце концов, философией занимались люди несколько тысяч лет, да и сегодня еще масса людей претендует на исполнение принятого ими на себя философского долга в объяснении новейших научных достижений.

Но, поразмыслив, я понял, что со своей колокольни авторы книги в определенной мере правы: физикам и представителям прочих точных наук прежние философские представления попросту не нужны, ибо выводы ученых и существующие философские постулаты в очень малой мере совпадают между собой: они как бы идут параллельным ходом, не пересекаясь друг с другом. Чаще всего философы просто берут новейшие достижения ученых и пытаются приспособить их *post factum* к существующим философским построениям. Что может дать такой подход для стимулирования новых открытий? Да и нужен ли он для науки, которая в основном питается своими внутренними источниками,

¹В оригинале: «Traditionally these are questions for philosophy, but philosophy is dead. Philosophy has not kept up with modern developments in science, particularly physics. Scientists have become the bearers of the torch of discovery in our quest for knowledge. The purpose of this book is to give the answers that are suggested by recent discoveries and theoretical advances. They lead us to a new picture of the universe and our place in it that is very different from the traditional one, and different even from the picture we might have painted just a decade or two ago».

своими же новейшими открытиями и их внедрением в практическую жизнь?

Тем не менее, вывод о том, что носителями философского знания становятся исключительно сами ученые *в рамках их конкретной науки*, меня не устраивает. Из него следует, что физики дадут картину мира в свете выведенных ими постулатов, биологи представят нам свою трактовку, ученые иных специальностей добавят к этому дополнительные оттенки и т. д. Как обобщить такие различные точки зрения и такое лоскутное знание в общую картину существующего мира? Мы просто получим разнообразные блюда, которые будет невозможно свести в единое полезное и удобоваримое целое. И, опять-таки, вся философия останется простым толкователем уже полученных результатов, но никак не заранее продуманным меню с соответствующими критериями отбора блюд.

Философия, к счастью, никуда не скрылась и не исчезла. Ярким тому доказательством является та самая книга Хокинга и Млодинова, которую я процитировал выше. Она в той же мере принадлежит как физике, так и философии; просто она толкует новейшие достижения физики, пытаясь придать им общефилософский характер. Фактически авторы пытаются создать современную философию вместо старой, которая их не устраивает, но делают это исключительно на материале физики и примыкающих к ней наук. Такой подход кажется мне недостаточным и не покрывающим те философские откровения, к которым можно прийти, ориентируясь на *общенаучный подход в оформлении современной философии, строящийся не только на выводах конкретных наук*. Не отрицая важность новых физических результатов, включающих достижения космологии и некоторых иных наук, я полагаю, что, ориентируясь только на них, мы не сможем сформулировать необходимые философские обобщения, касающиеся человеческого бытия в целом. Для этого требуется создать философию нового типа, базирующуюся на иных, чем прежде, постулатах.

Кстати, такой же точки зрения придерживаются и некоторые современные профессо-

нальные философы. В подтверждение своих слов я могу сослаться на длительную кампанию, которую ведет ради, так сказать, «спасения философии от ее окончательного исчезновения с научной арены» философ из Майами Сьюзен Хаак². В своей недавней статье «*Подлинная проблема: может ли философия быть спасена?*» она пишет: «Да, что-то прогнило в самой сути философии. Согласно замечанию моего коллеги: “Наша профессия пребывает в быстром падении (в штопоре)”. На вопрос “Как долго это падение может продолжаться?” ответ был: “До самого неба”» [5]³.

Причиной неблагополучия Хаак считает следующее: «Одна из причин – это стремление руководителей университетов к раздуванию бюрократического аппарата, который все больше требует практических выходов для научных трудов, ориентирующихся на выбивание грантов, вымалываемых далеко не только интеллектуально изложенными доводами, но сообщениями престижа и прочими не относящимися к исследованию причинами. Все сильнее сказываются изменения, произошедшие в издании научных трудов: возросший в них акцент на отвлекающие от дела, но необходимые для публикации издательские параметры оформления текстов, изматывающие авторов своими различными деталями, которые, якобы, совершенно необходимы, чтобы «рукопись продать». В результате мы получаем абсолютно выжатую и бледную академическую прозу, бесконечное рецензирование представленных текстов, которые становятся все более каноническими и повторяющимися до степени плагиата» [Там же]⁴.

Хаак приводит еще много иных важных причин снижающейся популярности сегодняшней философии, но она также останавливается и на призывах заменить философию простыми выводами из достижений точных наук: «Я также не верю, что мы можем просто передать разрешение философских проблем иным, нежели философия, наукам. Не верю я и заверениям, что только результаты этих

²Susan Haack (born 1945) is Distinguished Professor in the Humanities, Cooper Senior Scholar in Arts and Sciences, Professor of Philosophy, and Professor of Law at the University of Miami.

³В оригинале: «I don't believe *either* that we can simply hand philosophical questions over to the sciences to resolve, or that only questions resolvable by the sciences are legitimate».

⁴В оригинале: «How did this happen? Some of the problems are the result of changes in the management of universities affecting the whole academy: the burgeoning bureaucracy, the ever-increasing stress on “productivity,” the ever-spreading culture of grants-and-research-projects, the ever-growing reliance on hopelessly flawed surrogate measures of the quality of intellectual work, the obsession with “prestige,” and so on. And some of the problems are the result of changes in academic publishing: the ever-more-extensive reach of enormous, predatory presses that treat authors as fungible content-providers whose rights in their work they can gobble up and sell on, the ever-increasing intrusiveness of copy-editors dedicated to ensuring that everyone write the same deadly, deadpan academic prose, the endless demands of a time- and energy-wasting peer-review process by now not only relentlessly conventional but also, sometimes, outright corrupt, and so forth».

наук делают любые наши утверждения легитимными» [Там же]⁵.

Итак, мы ознакомились с некоторыми сомнениями по поводу ведущей роли философии в современной науке. На основании приведенных выше взглядов попробуем нарисовать общую схему развития философии во времени так, как я ее понимаю.

Как я понимаю роль философии в процессе научного познания

Философия возникла тогда, когда люди задумались о том, что человек может понять устройство мира и роли в нем разумных существ, когда они осознали, что такое понимание может привести нас к господству над природой и социумом. Наука еще не началась в том виде, в котором мы привыкли ее видеть сегодня, и речь шла лишь о первых попытках вычленить ее из безбрежного моря общих рассуждений. На этой стадии развития, когда научное знание еще не оформилось, основой понимания действительности могли служить лишь общие умозрительные рассуждения о том, как устроен мир, что лежит в его основе и как ко всему этому лучше и убедительней подойти.

Особое место в натурфилософии занимал вопрос о «первоначале всего сущего». *Фалес* из Милета в Средней Азии (ок. 625 – ок. 547 г. до н. э.), которого считают зачинателем научного познания, считал, что основой всего является вода. Он писал, что именно вода является «вечной, бесконечной, движущейся, вещественной первоосновой, из которой происходят все вещи и в которую они превращаются вновь» [wikipedia.org]⁶. *Анаксимандр Милетский* (ок. 610 – ок. 547 г. до н. э.) первоначально полагал первовещество, которое назвал «апейрон», т. е. неопределенное (беспредельное, бесконечное). «...у него (у беспредельного) нет начала, но оно само кажется началом остальных вещей. Оно объемлет все и само правит» [6]. *Анаксимен*, также из Милета (ок. 588 – ок. 525 г. до н. э.), материальным первоначалом сущего считал воздух. *Гераклит Эфесский* (ок. 520 – ок. 460 г. до н. э.) полагал, что основой всего является огонь. Было много иных теорий, в которых выделялась одна первопричина либо их комбинации. Пожалуй, можно сказать, что проблема первоосновы бытия была центральной для возникающей позитивной науки.

Чтобы обосновать свою аргументацию, философы ссылались не на ученых, а на авторов

эпических поэм, имена которых славились в веках, – Гесиода и Гомера, – а также на работы современных им и более ранних древнегреческих философов. Иных авторитетных прецедентов у них просто-напросто не было. Вновь возникавшие науки они рассматривали как проявление философского знания. Так, например, у Страбона (ок. 64/63 до н. э. – ок. 23/24 н. э.), сочинения которого являются для нас основным источником географических представлений двухтысячелетней давности, мы читаем: «Я считаю, что наука география, которой я теперь решил заниматься, так же, как и всякая другая наука, входит в круг занятий философа. Что этот наш взгляд правилен, ясно по многим основаниям. Ведь те, кто впервые взяли на себя смелость заняться ею, были, как утверждает Эратосфен, в некотором смысле философами: Гомер, Анаксимандр из Милета и Гекатей, его соотечественник, затем Демокрит, Евдокс, Дикеарх, Эфор и некоторые другие их современники. Философами были и их преемники: Эратосфен, Полибий и Посидоний» [7].

Философия оставалась «царицей наук» до самого последнего времени, пока не сменилась парадигма научного поиска и центр научных прорывов не был перенесен с априорного теоретизирования на практические методы изучения конкретных вопросов. Найденным таким образом фактов скопилось так много, что они перестали нуждаться в услугах сопровождающей их философии. В наше время претворение в жизнь размышлений по поводу той или иной научной проблемы отнюдь не ограничивается мыслительными процедурами; оно находит продолжение в исследованиях, наглядно решающих тот или иной вопрос, что кардинально меняет всю картину.

Философские размышления оказываются лишь начальной стадией процесса познания, а дальше все идет путем научного поиска, оставляющего теоретизирование на полях, а не в центре наших усилий. Именно поэтому в тандеме философии и позитивной науки лидерство постепенно перемещалось от первой ко второй. Когда позитивная наука стала играть центральную роль, она постепенно утвердилась в мнении, что притязания философии на объяснение мироустройства излишни и даже мешают научному прогрессу. Справедлива ли такая позиция на настоящем этапе развития познания мира человеком, предстоит обсудить ниже.

⁵В оригинале: «I don't believe either that we can simply hand philosophical questions over to the sciences to resolve, or that only questions resolvable by the sciences are legitimate».

⁶URL: <https://works.doklad.ru/view/A3oFfSGAnEM.html> (дата обращения: 10.12.2018).

Справедливо ли отказываться от философии вообще?

Выше я цитировал ученых, которые соглашались с критической оценкой роли гносеологии в сегодняшней науке, но указывали на разные причины такого состояния дел. Артур Хьюбшер отмечал отсутствие креативного подхода к устоявшимся давным-давно философским понятиям. Стивен Хокинг, увлеченный успехами физики и космологии в решении стоящих перед человечеством задач, решил, что этого вполне достаточно для дальнейшего развития человечества без всякой философии. Сьюзен Хаак сетует на всевозможные чисто административные препоны развитию философии. Думается, что все они правы в своих конкретных подходах к диагностике причин стагнации в современной гносеологии. Однако решающими для меня являются доводы Хьюбшера. Как и он, я считаю, что философия должна играть в человеческом познании если не решающую, то одну из главных ролей, но для этого она должна быть модернизирована в свете перемен, произошедших в науке и ее приложениях на протяжении последних столетий.

Ниже я предлагаю один из возможных вариантов изменений философской парадигмы научного познания. Я полагаю, что измененная в указанном мной направлении философия сможет остаться одной из основных составляющих процесса человеческого познания, – как природы, так и социума. Побудительной причиной предлагаемых изменений явилось то обстоятельство, что в своем прежнем виде заимствованная из давнего прошлого философия стала бесполезным довеском, мешающим реальному прогрессу в науке. Что же я предлагаю?

Во-первых, изменить понятие «сущего», прежде известного под названием «материя»

То, что является нашему взыскующему уму и подлежит изучению, я предлагаю разделить на три отличающиеся друг от друга части. Первая часть – *онтологическая реальность*; вторая – *семиотическая (знаковая) реальность*; третья – *реальность виртуального плана*. Ниже приводятся их краткие характеристики, которые могут быть развернуты в конкретные философские приложения (аппликации).

⁷Эти названия были предложены еще в Древней Греции.

Онтологическая реальность

Онтологическая реальность появилась еще до возникновения признаков живого на нашей планете и до сегодняшнего времени существует в начальном виде на иных, кроме Земли, небесных телах. Она существует и изменяется по своим природным законам. Самое интересное заключается в том, что онтологическая реальность существует не хаотично, а согласно каким-то правилам, которые присущи той или иной системе. Так, наша планета оказывается вовлеченной в Солнечную систему; Солнечная система включена в нашу галактику, а та, в свой черед, – в общую схему мироздания. Онтологическая реальность Земли состоит из двух частей – самой планеты со всем ее содержанием и нас самих, которые в своем материальном облике должны нами же изучаться и улучшаться. В материальном окружении можно выделить две составные части: ту, что осталась нетронутой людьми (*первая природа*), и ту, что подверглась человеческому влиянию (*вторая природа*)⁷.

То, что онтологическая реальность живет и развивается не хаотически, а в соответствии с присущими ей закономерностями, дает людям возможность их изучать и частично изменять саму онтологию на пользу человечества. Такое изучение позволяет нам формулировать полученные результаты в так называемых *законах природы*. Законы природы выражаются знаками, о которых пойдет речь ниже. Основной единицей всего происходящего в онтологическом мире являются *вещи-события* – так я назвал все объективно существующие предметы, явления и события.

Вещи-события изучаются в форматах той или иной научной дисциплины, что дает возможность подойти к процессу познания со специфическими для каждой науки методами и формулировками результатов исследования. Следует отметить, что из трех выделенных мной материальных сфер онтологическая реальность является начальной и иницирующей дальнейшее развитие. Она также выступает в роли контролирующей инстанции, которая оценивает любое исследование с точки зрения его практической ценности, – может ли оно помочь сделать жизнь более комфортной и целенаправленной. Полученные результаты могут касаться не только выводов в отношении самой онтологии, но и тех знаковых систем, которые мы в конкретном исследовании применили.

Семиотическая реальность

Семиотическая реальность состоит из знаков и знаковых систем, которые люди придумали для ориентировки в окружающем мире. Знаки и их системы имеют своей целью перенести в мозг все, с чем мы сталкиваемся в жизненной практике. Все это приобретает вид образов, которые возникают в мозгу, когда мы думаем о происходящем, но для думания приходится *называть* сами образы, их характеристики и связи между ними. Лишь с помощью знаков становится возможным соединять образы в продолженные и логически организованные мысли. Кроме функции организации мыслительной деятельности, знаки оказываются средством для перенесения наших мыслей вовне, их передачи другим людям, способствуя таким образом возникновению сотрудничества между индивидуумами.

Все придуманные людьми знаки и знаковые системы собираются в особой сфере бытия, которая изучается новыми поколениями и используется ими для дальнейшего продолжения и усовершенствования. Я называю эту сферу *материальной*, потому что содержание знака можно понять, если он встречался ранее или объясняется *ad hoc*, когда человек с ним сталкивается. Существуют знаки, содержание которых остается неизвестным (например, слова вышедших из употребления языков); тогда они не срабатывают, ибо знаки – это форма + закрепленный за ней смысл. *Знак* служит основной единицей этой сферы реальности.

Для объяснения законов природы знаки связываются в системы, параллельные онтологическим системам, которые тоже включают в себя множество объектов. Каждый закон природы регулируется знаковой системой, включающей свои специфические знаки. Таким образом, каждая наука, призванная объяснить ту или иную область реальности, включает в себя целый комплекс знаковых систем, состоящих из знаков, получивших повсеместное признание и распространение. Они одинаково изучаются по всему миру, несмотря на разные языки изложения данной дисциплины.

Следует подчеркнуть, что знаковые системы, хотя и претендуют на полное объяснение того или иного онтологического явления, представляют собой совершенно иной пласт действительности, развиваются по собственным законам и не всегда адекватно раскрывают предмет, который они представляют. Тому имеются многочисленные свидетельства, например, календари. В разных цивилизациях использовались различные календари, которые ориентировались на постоянные косми-

ческие явления. Ни одна из этих знаковых систем не смогла до конца совместить два фактора, которые представлены в календаре, – дни и годы.

Год не совмещается по протяженности с цельным количеством включенных в него дней, всегда остается какой-то остаток. Его приходится компенсировать, и лучшей календарной системой может считаться та, в которой наиболее простым образом осуществляется коррекция остаточных часов суток. В григорианском календаре коррекция выражается одним днем февраля, прибавляемым раз в четыре года, а в древнееврейском лунно-солнечном календаре она происходит за счет дополнительного месяца, добавляемого семь раз в 19 лет (т. е. в 19-летнем цикле семь високосных лет). Ясно, какой календарь предпочтительней, но религиозная традиция не позволяет сменить систему исчисления, и древний календарь существует в государстве Израиль еще и сегодня.

Можно привести иные примеры. Наиболее яркими с моей точки зрения являются апории, которыми философы удивляли несведущих людей со времен Древней Греции. Самые знаменитые апории были представлены в трудах Зенона из Элеи; еще в XX веке ими занимались Бертран Рассел и Анри Бергсон. Наиболее известной апорией является состязание в скорости между черепахой и Ахиллесом, который, по утверждению Зенона Элейского, никак не может догнать черепаху, вышедшую на дистанцию раньше него. За прошедший отрезок времени черепаха все же уходит вперед, так как она также движется, а математическая величина делится до бесконечности. В онтологической реальности Ахиллес, разумеется, легко обгоняет черепаху, и задача, через какой промежуток времени он ее догонит и перегонит, легко решается алгебраическим уравнением первой степени в пятом-шестом классе. Так что апория возникает из-за неправильно выбранной математической системы, применяемой в данном случае.

Эти и иные легко находимые примеры убеждают нас, что знаковые системы не всегда полностью совпадают со своими онтологическими аналогами, а вся знаковая реальность обладает собственными закономерностями, которые следует изучать и формулировать отдельно.

Виртуальная реальность, порожденная нашими мечтами и замыслами, является третьим компонентом материальной действительности.

Она существовала всегда, а в начале цивилизации играла решающую роль и имела преобладающее значение для развития че-

ловечества. Ведь поначалу мы еще очень мало знали об окружающей действительности и в ходу были знаки очень малой степени абстрактности. Тогда преобладали фантазии и мечты. По мере становления человеческого общества прежние мечты мало-помалу реализовывались на практике и обзаводились своими обозначениями. Таким образом, шагреновая кожа мечтаний постепенно суживалась за счет перехода мечты в реальные объекты и в их знаки. Возьмем в качестве примера мечту людей о полетах. Начав с мифа о Дедале и Икаре и сказок о полетах на ковре-самолете в фольклоре разных народов, люди впоследствии действительно поднялись в воздух, сконструировав машины, которые намного превзошли пернатых по всем параметрам полетов. То же самое происходило и в других областях приспособления людей к жизни на Земле.

Все шло своим ходом до нашего времени, только мы считали, что мечты – сугубо идеальная конструкция, выступающая как оппозиция материи. Ситуация изменилась с изобретением и усовершенствованием компьютера и с его появлением на столе почти у всех грамотных людей. Компьютер – всеобщий расчетчик и обработчик заданных ему программ – стал тем инструментом, который поднял виртуальную реальность на недостижимую прежде высоту по сравнению с остальными вышеупомянутыми видами реальности. Обращение к компьютеру стало *conditio sine qua non* для исследований в любой отрасли науки и практической деятельности.

Вот несколько разновидностей виртуальной реальности, которые бурно развиваются в наши дни.

Дополнительная к онтологической среде, когда, не выходя из рамок онтологии, мы оказываемся в виртуальном мире либо проникаем в невидимую для нас действительность, используя специальную аппаратуру. Примерами первого вида являются тренажеры: для обучения вождению автомобилей, управлению самолетами либо судами и пр. Пример второго рода – обращение хирургов к экранам, на которые выводятся данные о состоянии оперируемых. Они воспринимаются с помощью специальных датчиков, которые дополняют картину происходящего, воспроизводя невидимые детали средствами виртуальной действительности.

Дополнительная к знаковой реальности. Например, при возникновении теории, которая воспроизводит что-то основное, оставляя пробелы для будущих изысканий. Эти пробелы временно закрываются умственными мостиками, учитывающими начальные и конечные опорные логические ориентиры. Иван Лап-

шин называл такие допуски *фантазмами* [8: 105]. В качестве примера он приводил исследование Жоржа Кювье (1769–1832), основоположника палеонтологии, который, хорошо зная анатомию, мог восстановить строение тела животного по нескольким сохранившимся костям. Еще один яркий пример – теория Чарльза Дарвина, по которой эволюция видов в животном мире происходит в направлении их усложнения. В ней между уже известными науке видами были оставлены пропуски для тех видов, которые должны были обнаруживаться в процессе дальнейших исследований. Эта виртуальная реальность существовала до того момента, пока соответствующие останки неизвестных ранее видов не открывались в раскопах. Тогда они либо заполняли пробел, и объект из виртуальной переходил в семиотическую плоскость, либо прежние теоретические предположения отвергались и в них вносились поправки.

Виртуальная реальность, иницирующая исследования и открытия. Это самая интересная и самая плодоносная часть виртуальной реальности, примеров которой немало в истории любой науки. Так, в частности, массу соответствующих новшеств инициировали фантастические идеи Жюль Верна. Пока идея не реализована, она остается в пределах мечтаний, зато после своей реализации она переходит в онтологию либо в семиотическую действительность. Любопытна судьба идей, принявших в виртуальной стадии своеобразную культурную оболочку, которую впоследствии приходится изменять.

У всех народов с незапамятных времен складывались мысли о справедливости и о наказании неправедных деяний. В каждой культуре они принимали собственную форму, часто не совпадавшую с аналогичными представлениями в иных странах. На базе этих представлений в любой стране создавалось свое правовое поле, в котором разрозненные мысли превращались в конкретные законодательные нормы. В условиях глобального мира, в который мы постепенно переходим, выделяются случаи единогласного одобрения, ибо все люди ратуют за наказание виновных в особо жестоких преступлениях. Тогда *ad hoc* создаются соответствующие суды, как, например, Нюрнбергский процесс над нацистами после Второй мировой войны. В число участников процесса были приглашены выдающиеся юристы из разных стран, процессуальные нормы и составы преступлений появлялись по ходу дела, но нацисты были осуждены и получили справедливые приговоры. И все же это еще не окончательное решение вопроса, для него требуется создание постоянного международного суда

с закрепленным международным уголовным, гражданским и пр. кодексами и соответствующими формулировками принятых всеми участниками норм права. Только тогда проблема из виртуальной реальности перейдет окончательно в семиотическую и/или онтологическую сферу.

И, наконец, возможна *виртуальная реальность, которая всегда останется таковой*. К этому типу реальности относятся сны, которые вовсе не подчинены законам логики, и представления о сказочных и мифических существах, на самом деле не существующих и не могущих существовать. Все остальные фантазии, сколь бы нереальными они ни казались сегодня, имеют шанс в будущем получить статус подлинного онтологического или семиотического явления.

Виртуальная реальность своей базисной ячейкой имеет *виртуальную модель*, и обычный способ ее обработки состоит в следующем. Задумав виртуальную модель, мы вводим ее в компьютер, после чего она подвергается там обработке в соответствии с программой, опять-таки задающейся человеком. Компьютер работает с моделью и либо достигает необходимого результата, либо нет. В первом случае мы воплощаем модель в конечном продукте, и она становится объектом онтологии или семиотической реальности. Во втором – мы продолжаем поиск либо прекращаем его как неэффективный.

Совмещение трех видов реальности в процессе познания

При столкновении с новым явлением в любом из указанных слоев реальности оно обустроивается в человеческом сознании, которое пытается его понять и испытать на прочность и полезность. Я хочу подчеркнуть, что первоначальный образ предмета обсуждения в мозгу перестраивается в форму, удобную для его наглядного представления и дальнейшей обработки. При этом включается иной срез мышления, который я назвал *мета-мыслием*. Первый слой мышления посвящен содержанию того, что мы обдумываем, мета-мыслие же устанавливает порядок обдумывания, соответствие нового с уже существующим в мозгу знанием и способы наиболее полного и результативного использования этого симбиоза. Иначе говоря, первый слой мышления отвечает на вопрос «*что мы обсуждаем?*», второй – на вопрос «*как надо думать, чтобы прийти к правильному выводу?*», т. е. его логическому построению. Вот как это выглядит на схеме, помещенной на рисунке.

Я использовал знакомую всем модель Солнечной системы, в которой на центральном месте находятся метамысли. Они распоряжаются вращающимися вокруг данными из трех слоев реальности, сочетают их в необходимой пропорции и представляют полученный вывод на обсуждение заинтересованной публике. При этом возникает резонный вопрос: почему я придаю мыслям двойное подчинение, с одной стороны, подчеркиваю их несомненную идеальную природу, с другой – акцентирую их ведущую роль в построениях виртуальной реальности. Прежде всего потому, что мысли в виртуальной реальности действительно инициируют создание практических новаций. Они возникают как бы из ничего, а на самом деле из нашего прежнего практического опыта и нашей интеллектуальной изоэдренности. Кроме того, наш прежний опыт подвергается контролю со стороны уже имеющихся достижений в других пластах реальности. К тому же разбиение мышления на два слоя – по существу дела и по его кардинальной перестройке в логически корректном ключе – дает нам для этого основание. Вопрос «а нужно ли нам все это?» будет рассмотрен в следующем, заключительном параграфе.

Философия суперсимметрии

Итак, выше я наметил контуры нового понимания материальной реальности, теперь мне предстоит пояснить, как эта реальность изучается, то есть, как мы ее познаем. Мысленно я представляю себе историю гносеологии разделенной на три этапа развития: *мифологический, научный период первой ступени и научный период второй ступени*.

Прежде всего я считаю необходимым дать следующее предварительное пояснение. Человек, который определяется как «разумный» (*Homo sapiens*), на любой ступени своего развития интересуется свойствами своего окружения, своего места в нем и возможностью наилучшего к нему приспособления. Иными словами, он старается *познать* свое окружение и способы влияния на него. Этот

присущий человеку интерес проявлялся по-разному на трех последовательно сменявшихся друг друга ступенях развития. Смена ступеней развития выражалась не только в характере воздействия человека на среду обитания, она означала также прогрессивные изменения в самом человеке – в его мышлении и в образе жизни.

Религиозно-мистическая ступень познания мира

На начальном этапе люди полагали, что само человечество и среда его обитания возникли по воле неких внешних могущественных сил, которые наделялись статусом повелителей всего и вся. Соответственно, первая стадия гносеологии всецело находилась во власти мифологических либо религиозных представлений. Эта стадия длилась примерно до середины второго тысячелетия нашей эры, когда редкие мудрецы начали подвергать сомнению если не существование высшей силы, то, во всяком случае, ее неперемное вмешательство в жизнь людей. Это прежде всего были ученые – представители той или иной области знания: например, основоположник научной анатомии нидерландский врач Андреас Везалий (1514–1564) или физик и астроном Галилео Галилей (1564–1642). Были пророки и среди философов, скажем, англичанин Фрэнсис Бэкон (1561–1626), провозгласивший новую эру человеческого познания, – эру познания научного.

Научный период первой ступени

Эта стадия началась, как было сказано, в середине второго тысячелетия по григорианскому календарю и продолжается до наших дней. Появилось множество наук, которые в основу своей парадигмы положили отказ от религиозной доктрины мироустройства и человеческого развития. Вместо нее ученые уверовали в девиз Фрэнсиса Бэкона «знание – сила» и в то, что знание надо извлекать из постижения практической жизни: путем собирания фактов в своей области исследования и из специально поставленных экспериментов. Только это и должно служить базой для получения выводов о природе сущего и законов его развития. Кроме того, они объявили, что все выводы, которые провозглашают ученые, должны еще проходить верификацию опытом и только после этого (в случае их соответствия поставленной задаче) их можно считать истинными и окончательными.

Такой подход питал науку несколько последующих столетий, за это время она основательно изменила наш мир. Успехи науки

неоспоримы – они, и только они, составляют содержание школьного обучения в большинстве стран. В результате львиная доля человечества воспринимает сегодня мир через призму научного метода. Этому методу посвящено безбрежное море книг и иных пособий, ему же отдала дань и современная теория познания. Откуда же сомнения последних десятилетий в эффективности современной философии познания, часть из которых приведена в начале моей статьи? Не являются ли они свидетельством того, что период нынешнего понимания мироустройства подходит к концу? Думаю, что да.

Научный период второй ступени

Обращаю внимание читателей на то, что этот и предыдущие параграфы содержат слово «научный» в своих названиях. Я ни в коем случае не собираюсь отказываться от научного способа познания мира. Речь идет лишь о *степени проникновения в исследуемую реальность*, а что это такое, смотрите дальше.

Неполнота современного познания

Наука последних столетий сделала колоссальные успехи, но в основу мировоззрения ученых был, по-моему, априорно заложен неполный логический импульс – рассматривать только то, что соответствует *закону исключенного третьего* (лат. *tertium non datur*, то есть «третьего не дано»). Принцип этот логический и требует логического анализа. Человечество немало потрудились, чтобы выделить наиболее эффективные методы мышления. Для этого и была создана наука логики. Основоложник формальной логики Аристотель разработал теорию умозаключений – *силлогистику*. Тот, кто следовал ее правилам, – философ или оратор – мог составить рассуждение таким образом, что из приводимых утверждений (посылок) непротиворечивым образом вытекал последующий вывод. Аристотель иллюстрировал свои рассуждения языковыми примерами, которые остались в веках и дожили до нашего времени.

Любая знаковая система (каковой является и силлогистика) в процессе совершенствования изменяется в сторону увеличения абстрактности своих знаков. Не избежала этой судьбы и логика. Каждый член аристотелевского силлогизма получил буквенное обозначение, что расширило сферу их применения до любых возможных высказываний. Теперь можно было с помощью определенных правил, манипулируя буквами, обозначить целую последовательность мыслей. А в XIX столетии английский ученый Джордж Буль (1815–1864)

создал такую логику, которая с помощью простых операций могла служить для связи между людьми и машинами. Она стала прообразом компьютерного программирования.

Логика Буля еще называется Булевой алгеброй. Создание высказываний в ней (исчисление высказываний) покоится на двух принципах: *на принципе непротиворечивости* (высказывание не может быть одновременно и правильным, и ложным) и *на принципе исключенного третьего* (высказывание не может быть одновременно и неправильным, и неложным). Логический принцип исключенного третьего направляет наше мышление с юных лет и позволяет избежать множества ошибок, но в некоторых важных случаях он оказывается неработающим и ведет к ошибочным суждениям, ибо ряд жизненных ситуаций ему неподвластен. Они-то и подрывают веру в непогрешимость общепринятых принципов современной философии познания.

Вот некоторые примеры из различных наук и даже из практической жизни. Мы все верили в то, что люди могут быть двух полов, – мужского либо женского. Само слово «пол» произошло от слова «половина», и до XX века люди были уверены, что существуют лишь два пола. Сегодня мы являемся свидетелями борьбы против этого утверждения: люди меняют пол, вступают в однополые браки, даже существует целое племя людей, которые считают себя двуполовыми (не попеременно мужчиной и женщиной, а одновременно). В биологии есть определение живой материи, которое гласит: «Клетка – элементарная структурная и функциональная единица живого». В этом случае легко отделить живое от неживого: живое имеет в своей основе клетку, а неживое – атом. Не тут-то было; выяснилось, что вирусы и бактериофаги, которые явно принадлежат к живым существам, бесклеточны и размножаются делением, а не половым образом. Они, таким образом, относятся к промежуточной ступени между неживой материей и живой.

Наиболее показательным для моих рассуждений является современное определение света. С давних пор физики спорили о том, какова природа света, – то ли он имеет корпускулярную природу и распространяется прямолинейно отдельными порциями-корпускулами (Исаак Ньютон), то ли свет распространяется волнами (Гук, Гюйгенс и др.). Спор продолжался более двухсот лет, пока в 1923 г. Луи де Бройль не доказал, что свет имеет двойственную (дуалистическую) природу. По современным представлениям, свет обладает волновыми свойствами и представляет собой электромагнитные волны, но одновременно является и потоком частиц – фотонов. В зависимости от светового диапазона прояв-

ляются в большей мере те или иные свойства. Обратите внимание: два абсолютно противоположных свойства совмещаются в одном явлении природы.

На заре XX века физики начали изучать микромир атомных и субатомных частиц. К своему изумлению, они обнаружили, что он не подчиняется хорошо известным и проверенным законам механики и имеет отличную от них природу. Жаркие споры привели к появлению квантовой механики, которая базировалась на утверждении, что микромир является неопределенным по самой своей сути и что он может быть описан лишь в вероятностных, приблизительных терминах (Шрёдингер, Гейзенберг и др.). В это же время появились теории Альберта Эйнштейна об относительности проявлений макромира. Сегодня мы иначе описываем процессы, происходящие в трех сегментах природы: в мире мельчайших частиц, в мире космических масштабов и в нашем, так сказать, подлунном мире, на Земле.

Наконец, из конкретной повседневной практики. Все люди делятся на две группы: верующие в Бога (богов) и атеисты. Между ними происходят бесконечные споры, которые в ряде стран приобретают агрессивный характер. И в том, и в другом лагере есть люди, которые отказывают сторонникам противоположных взглядов в равных с ними правах, объявляя их «врагами народа». Они, мол, не патриоты, хотя живут и работают по законам страны, исправно платят налоги и служат в ее вооруженных силах. Эти споры, базирующиеся на принципе отрицания альтернативных взглядов и на двух непримиримых позициях, обычно ни к чему не приводят.

Преодоление указанного недостатка – философия суперсимметрии

Я полагаю, что нынешний этап развития цивилизации требует более изощренного подхода к уже существующему *научному способу изучения мира*. Он должен стать более чувствительным к изыскам природы. Нельзя втискивать все природные и социальные явления в строго формальные рамки «черного» против «белого» и в лозунг «кто не с нами, тот против нас». Можно представить себе историю философии познания как прошедшую два этапа развития: первый этап – *мифологический или религиозный*, и второй – *первичный научный*. За последние четверть столетия в результате активного научного натиска человечество добилось колоссальных успехов и во многом переделало условия существования людей. Пришло, однако, время для перехода к *следующему, более продвинуто-*

му научному подходу, который бы признал, что возможны отклонения от непреременных дуалистических «да» против «нет», а третьего не дано. Приходится допускать правомерность существования третьего, а может быть, и четвертого варианта одного и того же, проявлять толерантность к несогласным с тобой и признать в некоторых исключительных случаях возможность совместного существования «правдивого» ↔ «ложного».

Этот третий предполагаемый мной период я хочу обозначить термином «суперсимметрия». Термин этот уже применяется в физике высоких энергий и описывается в Википедии следующим образом: «Суперсимметрия, или симметрия Ферми – Бозе – гипотетическая симметрия, связывающая бозоны и фермионы в природе. Абстрактное преобразование суперсимметрии связывает бозонное и фермионное квантовые поля, так что они могут превращаться друг в друга.

<...> Основная физическая модель современной физики высоких энергий – Стандартная модель – не является суперсимметричной, но может быть расширена до суперсимметричной теории. <...> В любой реалистической суперсимметричной теории должен присутствовать сектор, нарушающий суперсимметрию. Наиболее естественным нарушением суперсимметрии является введение в модель так называемых мягких нарушающих членов. В настоящее время рассматриваются несколь-

ко вариантов нарушения суперсимметрии» [9: 153].

Меня особенно привлекает та часть определения, которая касается связи физической суперсимметрии с действующей Стандартной моделью строения мира. Последняя не является суперсимметричной, но допускает введение дополнительных оттенков с помощью новых теорий.

По моей модели в философии познания стандартный научный подход, который повсеместно принят сегодня, должен сочетаться с возможностью его расширения за счет допусков и альтернатив, которые природа нам постоянно открывает заново. Невозможно опираться только на жестко сформулированные логические принципы сегодняшнего дня; это приводит к конфликтам и недоразумениям. Новый подход еще предстоит сформулировать и уточнить как в философии познания, что является, по-моему, первостепенной задачей философов настоящего времени, так и в логике. Если говорить о логике, следует подчеркнуть, что уже существуют попытки создания «паранепротиворечивой логики»⁸, развивающейся именно в том направлении, о котором было сказано выше. Могу сослаться также на свои работы по *многофункциональной логике в знаковых системах*, которую я строил на протяжении многих лет в упомянутом мною ключе, например, монографию «Опыт современной философии познания» [10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Франк С. Л. Введение в философию в сжатом изложении. Пг. : Academia, 1922. 84 с. Цит. по репринту 1992 г. URL: <https://studfiles.net/preview/3565878/> (дата обращения: 10.12.2018).
2. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М. : Высшая школа, 1991. 512 с.
3. Хьюбер Артур. Мыслители нашего времени (52 портрета). М. : ЦТР МПИ ВОС, 1994. 315 с. Цит. по: URL: <https://vikent.ru/enc/7391/> (сентябрь 2018).
4. Hawking S., Mlodinow L. The Grand Design. L. : Bantam Books, 2001. 315 p.
5. Haack Susan. The Real Question : Can Philosophy Be Saved? URL: <http://againstprofphil.org/susan-haacks-the-real-question-can-philosophy-be-saved/> (дата обращения: 16.12.2018).
6. Философское учение Анаксимандра // Русская историческая библиотека. URL: <http://rushist.com/index.php/philosophical-articles/2116-filosofskoe-uchenie-anaksimandra> (дата обращения: 25.01.2019).
7. Страбон. География в 17 книгах. Репринтное воспроизведение текста издания 1964 г. Книга 1. 67 с. М. :

Ладомир, 1994. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1260010000> (дата обращения: 18.12.2018).

8. Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии (1922). Цит. по репринту: М. : Республика, 1999. 399 с.

9. Томилини К. А. Фундаментальные физические постоянные в историческом и методологическом аспектах. М. : Физматлит, 2006. 368 с.

10. Соломоник А. Опыт современной философии познания. URL: http://conpl.ru/pub2/as_mpin.php (дата обращения: 25.12.2018).

REFERENCES

1. Frank S. L. *Vvedeniye v filosofiyu v szhatom izlozhenii* [Introduction to philosophy in a concise statement]. Petrograd, Academia Publ., 1922. 84 p. Available at: <https://studfiles.net/preview/3565878/> (accessed 10 December 2018) (in Russian).
2. Chanyshv A. N. *Kurs lektsiy po drevney i srednevekovoy filosofii* [Course of lectures on ancient and medieval philosophy]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 512 p. (in Russian).

⁸«Паранепротиворечивая логика позволяет «локализовать» действие противоречия в том смысле, что наличие в теории противоречия не ведет последнюю к разрушению, что в известном смысле является реализацией тезиса о неуниверсальности непротиворечия законов обычной логики». См. на: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/> (дата обращения 25.12.2018).

3. Hübscher Arthur. *Mysliteli nashego vremeni (52 portreta)* [Thinkers of our time (52 portraits)]. Moscow, TsTR MGP BOC, 1994. 315 p. Available at: <https://vikent.ru/enc/7391/> (accessed September 2018).

4. Hawking S. & Mlodinow L. *The Grand Design*. London, Bantam Books, 2001. 315 p.

5. Haack Susan. *The Real Question : Can Philosophy Be Saved?* Available at: <http://againststprofphil.org/susan-haacks-the-real-question-can-philosophy-be-saved/> (accessed 16 December 2018).

6. Filozofskoye ucheniye Anaksimandra [The philosophical doctrine of Anaximander]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Available at: <http://rushist.com/index.php/philosophical-articles/2116-filozofskoe-uchenie-anaksimandra> (accessed 25 January 2019) (in Russian).

7. Strabo. *Geografiya v 17 knigakh. Reprintnoye vosproizvedeniye teksta izdaniya 1964 g. Kniga 1* [Geog-

raphy in 17 books. Reprint reproduction of the text of the 1964 edition. Book 1]. Moscow, Ladomir Publ., 1994. 67 p. Available at: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1260010000> (accessed 18 December 2018) (in Russian).

8. Lapshin I. I. *Filosofiya izobreteniya i izobreteniya v filosofii : Vvedeniye v istoriyu filosofii (1922)* [Philosophy of invention and invention in philosophy : Introduction to the history of philosophy (1922)]. Quoted reprint : Moscow, Respublika Publ., 1999. 399 p. (in Russian).

9. Tomilin K. A. *Fundamental'nyye fizicheskiye postoyannyye v istoricheskom i metodologicheskom aspektakh* [Fundamental physical constants in the historical and methodological aspects]. Moscow, Fizmatlit Publ., 2006. 368 p. (in Russian).

10. Solomonik A. *Opyt sovremennoy filosofii poznaniya* [The Experience of the Modern Philosophy of Knowledge]. Available at: http://conpl.ru/pub2/as_mpin.php (accessed 25 December 2018) (in Russian).

Декабрь 2018

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ АВТОРА

После согласования вопроса о публикации моей статьи в журнале «Жанры речи» я считал нужным добавить к ней несколько слов, обосновывающих причину такого решения. Мой новый подход к философии познания относится, конечно, не только к лингвистическим исследованиям, но и ко всем прочим видам познания, однако связи лингвистики и философии на протяжении всей истории цивилизации обеспечивают именно филологии особое место во взаимодействии этих двух наук.

На заре появления философского знания оно постоянно обращалось к языковым источникам и авторитетам, поскольку иных источников просто не было. Мнения философов и лингвистов совпадали и объясняли друг друга. Постепенно лингвистика стала отвоёвывать свою собственную территорию и разрабатывать свои независимые от философии закономерности. Философия не то чтобы исчезла из поля зрения языковедов, но явно отходила на второй план. Такое противостояние и взаимодействие продолжались на равных на протяжении всей истории развития наук, пока уже зрелая лингвистика не сочла возможным взять на себя в этом тандеме ведущую роль.

Сначала де Соссюр выступил в своих «Очерках общей лингвистики» (1916 г.) как основатель новой науки, названной им *семиологией*, и заявил, что лингвистика является частью семиологии. Семиология под названием *семиотики* продолжала укрепляться и развиваться, и одним из главных ее направлений стала опора на лингвистические понятия и представления. Во второй половине XX века выдающийся писатель Умберто Эко в «Трактате по общей семиотике» (1975 г.) систематизировал эту науку на тот период и придал ей сильный импульс для дальнейшего развития. Это полностью совпадает с моими взглядами на природу познания, которое должно подходить отдельно к познанию онтологии и семиотической реальностей.

Третьей составляющей материального мира по моей теории являются наши идеи о будущем. Они выступают как примерные параметры того, что потом реализуется в жизни и входит в наш быт в онтологической либо семиотической реальностях. Здесь зачинщиками выступают литераторы-фантасты. Они фантазируют по поводу того, каким образом их задумки могут быть воплощены в жизнь. Достаточно сослаться на книгу Томаса Мора «Утопия» (1516 г.) и на труд Томмазо Кампанеллы «Город Солнца» (опубликован в 1623 г.), которые явились провозвестниками ряда капитальных социальных преобразований в жизни человечества. Технические новшества часто предваряются в литературных либо научных трудах, высказанных задолго до своего вещественного воплощения; вспомним хотя бы Жюль Верна. Все это обеспечивает лингвистике и писательскому труду право первородства в создании проектов виртуальной реальности.

Наконец, моя идея о новом подходе к философии познания зиждется на передовых исследованиях в области лингвистики и теории коммуникации, таких как *теория непрямо́й коммуникации* В. В. Дементьева, которая, по-моему, дополняет, так сказать, «прямоточные» теории открытой и однозначной коммуникации. В ней подробно анализируются *речевые жанры*, которые, по мысли Дементьева, одновременно принадлежат и языку, и речи, составляя некоторое переходное между ними состояние, необходимое для межличностной коммуникации. Это уже веяния сегодняшнего дня, которые могут расцвести и разнообразить наши прежние лингвистические изыскания. И совершенно не случайно моя статья, нацеленная на разнообразие логик и подходов к познанию, появляется в журнале, основанном на пропаганде идей непрямо́й коммуникации в разнообразных жанрах речи.

**ПРИМЕЧАНИЕ ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ
ЖУРНАЛА**

Статья Абрама Соломоника затрагивает целый ряд актуальных, далеко не до конца решенных (причем часто принципиально не имеющих однозначного и общепризнанного решения) проблем общетеоретического, общенаучного, философского, семиотического и т. д. характера.

Суждения автора, как и в его работах прошлых лет, отличаются большой оригинальностью, далеко не всегда «вписываются в контекст» современной науки.

Поэтому данная статья, после поступления в редакцию, вызвала весьма бурную дискуссию у членов редколлегии.

Дискуссия эта, как думается (включая ответы автора), тоже может представлять интерес для читателей, в т.ч. читателей-жанроведов, возможно, навести их на какие-то новые мысли. Поэтому было решено опубликовать и ее.

Кроме того, эту дискуссию мы готовы продолжить. Ждем новых статей-реакций от всех заинтересовавшихся.

В. В. Дементьев, Л. В. Балашова, В. И. Карасик

А. Соломоник – В. В. Дементьеву

Дорогой Вадим!

Я выставил небольшую работу на academia.edu и назвал ее «Философия метамыслия». Небольшая статья по-английски, но она вызвала массовые отклики.

Посылаю вам этот текст – он как бы завершает целый этап моей недавней философской активности.

Ваш А. Соломоник.

В. В. Дементьев – А. Соломоннику

Мне очень понравилось! Четко, доказательно, красиво. Заставляет думать. Ну да, еще древние греки противопоставляли Космос и Хаос. Показалось только, что сводить метамышление в языке к одному лишь синтаксису значит сильно его, метамышление, обеднять. Еще показалось, что в Вашей схеме трудно найти место для эстетики и творчества (не обязательно художественного). Судя по всему, его место все там же – в метамышлении? Хотя несколько странно, что творчество «оказывается» в одном ряду с тем же синтаксисом. Кстати, психологи, насколько мне известно, связывают творчество с правым, а не левым полушарием.

А все виртуальные дела Вы выделили в целый самостоятельный тип, равный таким громадным типам, как вещи и мысли! И я подумал, как много людей в последнее время задумываются о виртуальной реальности: В. И. Карасик, В. М. Алпатов...

А. Соломоник – В. В. Дементьеву

...Что касается «сводить метамышление в языке к одному лишь синтаксису...», то я и не собираюсь это делать. Синтаксис приведен мной лишь как пример метамышления, уже введенный в норму в лингвистике. Сама же тема безбрежна и неисчерпаема, тем более что речь идет не только о языке, но о мышлении в целом.

В. В. Дементьев – В. И. Карасику, В. М. Алпатову

Здравствуйтесь!

Абрам Соломоник, которого Вы знаете, написал статью про метамышление (по-английски), которая показалась интересной. Возможно, Вас тоже заинтересует. Он там выделяет все виртуальные дела в целый самостоятельный тип, равный таким громадным типам, как вещи и мысли.

В. М. Алпатов – В. В. Дементьеву

Дорогой Вадим Викторович!

Статья Соломоника любопытна.

В. И. Карасик – В. В. Дементьеву

«Мета- и мета-мета». Статья Соломоника хорошая, спасибо. И язык хороший. Основная схема в статье не вызывает возражений. Это, в общем-то, философия языка. Видно, что он начитанный человек и хороший лектор, умеет доходчиво формулировать мысли. Я тоже пытался построить подобную схему, говоря о том, что мы движемся к третьей сигнальной системе, знаки первого порядка – знаки второго порядка – знаки третьего порядка (художественная литература и всё, что противостоит обиходному общению). Вы правы, виртуальная реальность многих волнует, поскольку сетевой дискурс нас меняет.

А. Соломоник – В. В. Дементьеву

У меня новости.

Простите меня за назойливость, но мне важно именно ваше мнение. Поэтому посылаю вам текст моей новой статьи философского содержания.

Прошлый раз я послал вам работу о метамыслии, а вы ее переслали вашим друзьям. Ответ Карасика произвел на меня большое впечатление.

В настоящей статье есть абсолютно новые мотивы (в конце). Хотелось бы получить ваше мнение по этому поводу. А также, может быть, и Карасика.

Еще раз прошу извинения за настойчивость. Надеюсь на ваше долготерпение. Абрам.

В. В. Дементьев – А. Соломоннику

Дорогой Абрам Бенцианович!

Получил и с интересом прочел Вашу новую статью. Радует Ваша творческая активность и, конечно, идеи, которые всегда обогащали меня и обогащают.

Хотя я и не считаю себя философом совершенно, у меня, например, даже нет своего мнения по вопросам: 1) «мертва» ли сегодняшняя философия или нет? 2) возможно ли сегодня нарисовать общую для всех людей картину существующего мира?

Тем более не могу квалифицированно оценить Ваши главные мысли: 1) создание новой, улучшенной философии на основе совмещения трех видов реальности в процессе познания, хотя лично мне эта Ваша идея, конечно же, очень нравится (я уже писал Вам об этом после Вашей пред. статьи на английском), 2) суперсимметрия (признаюсь, иллюстрация суперсимметрии трансгендерами несколько смутила, хотя понимаю, что дело не в них).

Кстати (не знаю, знаете ли Вы это), Семен Людвигович Франк был первым ректором моего университета в Саратове!

А в качестве маленького подарка – думаю, Вам понравится этот коротенький текст, написанный па-

ру лет назад В. И. Карасиком (полагаю, его можно считать вполне философским):

Есть четыре типа людей, избегающих учения:

Глупцы, которые не могут учиться из-за недоразвитости, – их не следует замечать;

Расточители, которые не хотят учиться из-за порочной тяги к легкой жизни, – их нужно наказывать;

Обыватели, которые не хотят учиться из-за привязанности к быту, – их будут использовать;

Путаники, которые не могут учиться из-за недисциплинированного ума, – их следует поправлять.

Есть четыре типа людей, избравших учение:

Исполнители, которые учатся потому, что так положено, – их можно пожалеть;

Честолюбцы, которые учатся для того, чтобы добиться почта, – их нужно контролировать;

Ценители, которые учатся для своего удовольствия, – они заслуживают поощрения;

Избранники, которые учатся потому, что в этом смысл их жизни, – им принадлежит мир.

А. Соломоник – В. В. Дементьеву

Дорогой Вадим!

Спасибо за письмо и за интерес, проявляемый к моим трудам, – меня это сильно греет. Сейчас буду переводить свою статью на английский, дабы выставить ее на иностранном сайте.

Текст Карасика блистателен. Передайте ему мое восхищение. Как бы мне хотелось выбраться к вам и к нему и просто поговорить. Вы отослали ему мою статью? Сделайте это, пожалуйста.

В. В. Дементьев – В. И. Карасику

Дорогой Владимир Ильич!

Вы помните Абрама Соломоника? Его очень, по его собственному выражению, вдохновил Ваш отзыв о его статье (на англ. языке), теперь он написал еще одну статью и очень хочет, чтобы Вы прочитали. Он это в своем письме несколько раз повторил. Эта его статья показалась мне интересной, хотя я и не считаю себя философом совершенно

На всякий случай сообщаю его адрес.

В. И. Карасик – В. В. Дементьеву

Дорогой Вадим Викторович!

Я прочитал статью Абрама Соломоника. Возражений нет. Логика его рассуждений понятна. Другое дело, что к жанрам речи это привязать трудновато. Должен быть отдельный журнал по семиотике или герменевтике.

Я бы не сказал, что философия мертва. Она решает свои задачи – определяет смыслы. Мои знакомые философы часто настойчиво повторяют, что философия – это не наука, и не царица наук, это миропонимание. И картина мира у людей всегда есть – обиходная, данная в личном опыте и языке, и специальная, в тех областях знания, в которых живет конкретный человек – поэтому можно выделить разные картины мира – научную, техническую, религиозную, эстетическую и т. д. Суперсимметричность я с первого захода не осилил (как пишут на олбанском, ниасилил). Надо подумать. Но выделение трех типов реальности (а их может быть и больше) возражений не вызывает.

В. В. Дементьев – А. Соломоник

Дорогой Абрам Бенцианович!

Я не знаю, прислал ли Вам В. И. Карасик отзыв о Вашей статье: Ваш адрес я ему послал вместе с ней. На всякий случай пересылаю Вам его текст. По-моему, он очень хороший, а суперсимметричность мне тоже была не очень ясна, как я Вам уже говорил, особенно когда иллюстрируется трансгендерами.

А. Соломоник – В. В. Дементьеву

Дорогой Вадим!

Вы меня сильно заделали возражениями по поводу моего довода о трансгендерах в обычном делении всех людей на два вида – на мужчин и женщин. Я полез в современные учебники логики и вот что нашел.

Найдите в Сети книгу Логика. Учебное пособие – Д. А. Гусева (ее легко найти и открыть). В главе 1.11 Деление понятий прямо указано, что «люди делятся на мужчин и женщин» и больше ничего нет (прочитайте эту главку до конца).

Это-то мне и требовалось. Я ведь что утверждаю? Философия познания делится на три этапа – мифологический (религиозный), первый научный период со своим грубым подходом к многообразию онтологических и семиотических фактов (в частности, это – закон исключения третьего в его бескомпромиссной формулировке). Он помог нам справиться с первой вспашкой научного поля. И это наше достоинство. Но этого мало – мы наткнулись на множество фактов, где он нарушается и не действует. Одним из таких фактов является нарушение дуалистического подхода к делению полов. Разве это не так? Я хочу выделить переход науки к третьему периоду – более тонкому и благоприятному – к отступлениям от жестких логических рамок прежнего подхода. И мой пример действует именно в этом направлении.

Это не реприманд в ваш адрес, а спасибо за то, что заставили прояснить вопрос, который, видимо, затруднил и вас, и Карасика. Желаю всех благ, А. С.

В. В. Дементьев – А. Соломоник

Совсем не собирался Вас задевать, и реприманд, полагаю, не заслужил.

Просто сразу все понял не так, как Вы, в чем и признался. Заметьте – я совсем не утверждал, что сама идея суперсимметричности неверна. Я понял ее (возможно, я ошибаюсь) как часть общей проблемы совместимости разных сверхсложных систем, которая (их совместимость) по определению может быть только очень тонкой, не механистичной. А возможность когда-нибудь в будущем совмещения разных типов реальности (например, человек сможет одной лишь силой мысли входить в интернет и действовать и творить там) выглядит так заманчиво!

И Ваша характеристика третьего периода науки как «тонкого и благоприятного» отступления от жестких логических рамок прежнего подхода звучит очень заманчиво и многообещающе.

Но как раз само по себе разрушение всех жестких традиционных диад не кажется мне таким уж тонким и благоприятным, наоборот: кажется несколько механистичным и далеко не новым. Совмещение верха и низа – «старый добрый» карнавал (кстати, участники карнавала, в числе прочего, иногда переодевались

в одежду противоположного пола, т. е. это не достижение новейшего времени), истинного и ложного да даже добра и зла – постмодернизм, и т. д. Сейчас пытаются «примирить» разные культуры-религии (ср. мультикультурализм), религиозность и атеизм, найти «свою правду» не только в атеизме, но и нацизме, например.

Возможно, Вы правы и именно такой логике принадлежит будущее, причем не только логике, но и этике, но меня это все как-то не вдохновляет. Кажутся равно несимпатичными и трансгендеры, и постмодернизм. Наверное, дело в моем консерватизме, которого во мне, как я уже не раз замечал, гораздо больше, чем в Вас).

А. Соломоник – В. В. Дементьеву

Тут есть еще один нюанс, который я не подчеркнул. Старая парадигма должна в основе своей продолжать существовать. Так что добавки и исправления должны будут просто дополнять прежнее достигнутое, и разделение на мужчин и женщин никуда не исчезает. Обе предлагаемые мной стадии развития остаются в пределах научного подхода. Ваше замечание, что моя склонность в оппортунизме может оказаться не совсем желанной, является серьезной опасностью. Ваш А. С.

В. В. Дементьев – А. Соломоник

Дорогой Абрам Бенцианович!

Да, это существенное замечание.

Конечно, мои соображения не затрагивали сущности Вашей идеи, а только различные «сопутствующие» вещи.

Теоретически и методологически логику нельзя подменять этикой, но на практике это постоянно случается, отсюда и вполне реальная опасность, о которой Вы говорите.

Точно так же: неудачное применение какой-либо идеи на практике не означает, что сама по себе идея плоха, но влияет на ее (идеи) восприятие людьми.

Пример: толерантность – несомненно одно из величайших достижений гуманистической мысли, а ее логическое преломление ведь и есть не что иное, как суперсимметричность, Вы согласны?

Но на практике толерантность сегодня сплошь и рядом понимается как этот самый мультикультурализм и оппортунизм и сильно скомпрометировала себя. Вот что писал о толерантности в науке мой покойный коллега К. Ф. Седов: «На место горячих споров, конфликтных (в хорошем смысле этого слова) дискуссий пришла вялотекущая толерантность, где за плохо скрываемым неприятием чужого мнения просвечивает неприязнь к новым подходам и страх перед свежими идеями».

А. Соломоник – В. В. Дементьеву

Дорогой Вадим!

Продолжим нашу дискуссию еще немного – она того стоит. На сей раз по поводу слов В. И. Карасика «Другое дело, что к жанрам речи это (т. е. моя теория о суперсимметрии – А. С.) привязать трудновато.»

Как раз наоборот. Ваши любимые жанры речи являются блестящим доказательством моего подхода: раньше лингвистика рассказывала только о своем прямом назначении – что сказал, должно быть истолковано прямо. Вы занялись и развили особый подход

к косвенным, обходным и почти неприметным подспудным возможностям языковой коммуникации. Росло дерево лингвистики. Сосюр и его последователи его поливали и пестовали. А вы пришли и начали обихаживать отдельную его ветвь (даже ствол) – поливать, срезать лишнее, покрывать ствол белой известью. И это ответвление растет и плодоносит. Не кажется ли это вам суперсимметричным?

А теперь вы заявляете, что вы слишком «консервативны» для принятия нового. Я предлагаю вам дерзкую мысль – опубликовать в вашем журнале мою статью о суперсимметрии и нашу текущую с вами переписку (разумеется, выкинув слишком личные замечания и сделав ее не диалогом, а триалогом, включив мнение Карасика).

Прибавлю еще одно соображение. Есть два вида исследователей. Одни крутят прялку и вытаскивают из пряжи нить ради самой нити. Тянут и тянут, собирая ее в клубок, а содержанием этой нити служат высказывания разных специалистов, которые жили и писали до них. Иногда очень важных персон, перед именем которых неизменно встаешь по стойке смирно. Ну и что? Большинство таких клубков остаются невостребованными и лежат себе в каком-нибудь научном издании. Есть и другие ученые, вроде нас, которые обращаются непосредственно к сути дела и к изучаемой материи – им труднее, так как их легко проверить. Проверка идет с обращением опять-таки к самой материи, а не к тому, что кто-то и когда-то сказал. Ваша теория о жанрах речи являет нам такой образец творческой науки; но новое приходится защищать, так как оно встречается публикой со страхом и недоверием.

Вот и все, дорогой. Передайте Карасику мой привет и наилучшие пожелания. И напишите мне еще раз его электронный адрес. Я его где-то потерял. Ваш А. С.

В. В. Дементьев – В. И. Карасику

Дорогой Владимир Ильич!

В эти дни у меня развернулась оживленная переписка с Соломоником по поводу его статьи. Я хотел бы, чтобы Вы ее посмотрели: по-моему, она представляет интерес – прежде всего имею в виду его предложение, которое он делает в конце. Мне, пожалуй, нравится эта его «дерзкая мысль», а Вам? В этом отношении больше всего меня смущает как раз его самое последнее письмо, где он меня нахваливает...

В. И. Карасик – В. В. Дементьеву

Дорогой Вадим Викторович!

Я прочитал Вашу переписку с А. Б. Соломоником. Конечно, журнал – это место для выражения разных позиций. Почему бы и нет?

Напишу ему письмо – давно пора)

В. В. Дементьев – А. Соломоник

Конечно, я более консервативен, чем Вы, – вспомните наше с Вами разное отношение к скайп-дискуссиям, вебинарам и подоб!

«Дерзкая мысль» мне понравилась. Я бы даже не стал выбрасывать ничего «личного». В этом отношении гораздо больше меня смущают Ваши слова в самом последнем письме, где Вы меня нахваливаете.

Я уже написал Карасику – вот его ответ:

Я прочитал Вашу переписку с А. Б. Соломоником. Конечно, журнал – это место для выражения разных позиций. Почему бы и нет? Напишу ему письмо – давно пора)

Поскольку он тоже член редколлегии журнала, вопрос можно считать решенным.

Я только попрошу Вас написать аннотацию.

А. Соломоник – В. В. Дементьеву

Дорогой Вадим!

Тогда решено, Avanti, porolo! Посылаю вам окончательный текст моей статьи о суперсимметрии со всеми изменениями, которые я в нее внес.

В переписку придется внести изменения, например, выкинуть ничего не значащие фразы, которые касаются, кому писать, да как писать и пр. Но это мелочи, а сейчас я очень рад, что вы приняли мое предложение. И от похвал, коли они справедливы, отказываться грех.

Я копирую это письмо для В. И. Карасика, но потом напишу ему отдельно. Мы втроем можем очень многое сделать.

Самого плодотворного года. Привет супруге, Абрам.

Статья поступила в редакцию 24.12.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Соломоник А. Философия суперсимметрии // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 166–182. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-166-182>

For citation

Solomonick A. Philosophy of Supersymmetry. *Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 166–182 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-166-182>

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 811.161.1-26

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-183-192>

Е. В. Бузальская
Санкт-Петербург, Россия

Elena V. Buzalskaya
Saint Petersburg, Russia

Гипержанр «Дневник»: основные варианты
модели

Diary: Main Variants of the Genre

Результаты исследования вариативности речевого жанра «Дневник» показывают наличие пяти основных моделей, построенных на основании выявления таких черт, как принадлежность речевого жанра к одной из базовых картин мира, типу ментального пространства, типу концепта, лежащему в основании жанра, типу модального субъекта, типу референциальной связи с действительностью, речевой стратегий и внешнего оформления текста. Соединение в анализе лингвистических, когнитивных, психолингвистических показателей позволяет выявить исходную изосемичную модель и построить таблицу, отражающую процесс модификации гипержанра «Дневник», который совпадает с проведенным историческим анализом хронологии появления вариантов жанра в пространстве русской культуры, свидетельствуя таким образом о возможной релевантности разработанного лингвистического анализа гипержанра как метода его реконструкции.

Ключевые слова: личный дневник, эпистолярный дневник, путевые заметки, травелог, блог, литературный дневник, жанр.

The research of the variability of a speech genre "Diary" shows the presence of five basic models built on the following features: belonging to one of the basic worldviews, the type of mental space, the type of the concept forming the genre, the type of a modal subject, the reference towards reality, speech strategy and the genre format. The connection of linguistic, cognitive, psycholinguistic indicators allows to work out an isosemical model and build a table showing the modification process of the hypergenre "Diary", which coincides with a historical analysis of the chronology of the formation of its variants in Russian culture, thus testifying to a possibility of using this analysis as a method of the genre's reconstruction.

Keywords: personal diary, travel notes, travelogue, diary in letters, blog, literature diary, genre.

Сведения об авторе: Бузальская Елена Валериановна, доктор филологических наук, доцент кафедры «Русский язык как иностранный и методика его преподавания»

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: e_buzalskaya@spbu.ru, helve@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8235-4862

About the author: Buzalskaya Elena Valerianovna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department "Russian as a Foreign Language and its Methodics".

Place of employment: Saint Petersburg State University.

E-mail: e_buzalskaya@spbu.ru, helve@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8235-4862

1. Теоретический инструментальный анализа

В отечественных работах при описании характеристик разного рода дневниковых записей используется понятие «дневниковый дискурс» [1]. Дискурс, как известно, характеризует коммуникативную область, выделенную по социальным или профессиональным критериям, «как подчеркнута интерактивный способ речевого взаимодействия в противовес тексту, обычно принадлежащему одному автору» [2: 20]. При выявлении лингвистической модели речевого жанра учет процессов создания и восприятия представляется более широкой

категорией, конкретнее и ближе оказывается категория гипержанра, представляющая собой «речевые формы, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своём составе несколько жанров» [3: 15]. Таким образом, выявление вариативности моделей гипержанра «Дневник» оказывается включено в процесс определения границ поля дневникового дискурса.

Исходя из исследований, проведенных в русле жанроведения такими исследователями, как Ст. Гайда, В. Е. Гольдин, К. А. Долинин, В. В. Дементьев, М. Н. Кожина, В. А. Салимовский, К. Ф. Седов и другими, продолжающими

линию изучения речевых жанров, начатую М. М. Бахтиным [4], представляется целесообразным описывать вариативность сложного речевого жанра, учитывая взаимосвязь нескольких основополагающих компонентов [5]: 1) принадлежности речевого жанра к системе мировидения (к одной из базовых картин мира и типу ментального пространства); 2) к типу концепта, лежащего в основании жанра (ориентация на гештальт, фрейм или сценарную структуру); 3) типу модального субъекта (полиреферентный модальный субъект или монореферентный); 4) типу референциальной связи с действительностью (дескриптивный референт, представляющий собой объект, факт или явление физического мира, или индексальный референт – факт культуры); 5) речевой стратегии и, наконец, 6) внешнего оформления текста.

В ряду характеристик представляется необходимым пояснить категорию ментального пространства. Это упорядоченные множества, открытые для пополнения их новыми элементами и отношениями [6: 16], они характеризуют связь между деонтической и эпистемической модальностью речевого жанра – между его диктумом и модусом. Вследствие этого они конкретизируют область бытия речевого жанра, не обращаясь к принципиально неисчислимым «сферам человеческой деятельности». Получаемые координаты адреса жанра имеют две оси: а) детерминированность модели речевого жанра фактами объективной реальности и б) референциальная автономность (степень фикциональности, вымысла). Так, например, писатель непосредственно не отражает тот мир, который видит вокруг себя, но создает свой, в определенной степени параллельный реальному, с новыми законами и принципами бытия. При этом появление такого текста не «привязано» к непосредственной коммуникативной ситуации интеракции.

Указанные шесть компонентов канона речевого жанра взаимодействуют друг с другом, образуя сочетания характеристик, устойчивость которых свидетельствует о наличии сформированной в пространстве культуры модели жанра. Опираясь на данную теорию, представляется возможным ответить на вопрос о том, каким образом осуществлялась трансформация жанра дневниковых записей в блог (диахроническое описание становления гипержанра «Дневник»), а также как соотносятся между собой варианты жанра (синхронический аспект описания поля дневникового дискурса).

2. Проблемные моменты и общие характеристики гипержанра «Дневник»

Описанием данного гипержанра в разных его вариантах занимались лингвисты, литературоведы и психологи (Т. В. Радзиевская, О. Г. Егоров, В. К. Харченко, Е. Г. Новикова, К. Р. Кобрин и др.). Однако исследований, проводимых в русле комплексного жанроведческого анализа дневниковых записей для построения системы взаимосвязанных моделей, до сих пор не было. В связи с этим существует несколько разногласий характеристик, свойственных вариантам гипержанра «Дневник».

1. Вопрос об основании типологии. Представляется очевидным, что деление дневниковой прозы по профессиональному [7], территориальному, возрастному [8], доминантному (переживания души, духа, описание фактов) [9], проблемному (пищевой дневник, медицинский и пр.), и подобным признакам не является с лингвистической точки зрения строго научным, поскольку количество вариантов ничем не ограничено. Также представляется опасным определение модели жанра по выбранному прототипу [10], так как выбор прототипа может опираться на субъективные параметры (подробнее об этом см. работы Е. И. Калининой, В. А. Тырыгиной, Т. В. Руссиновой).

2. Вопрос об адресате, в ряде случаев отождествляемом с самим автором [8: 80–90], группой лиц, материальным носителем записей [11: 225] (Например: «Дорогой дневник! Сегодня...»). Также пишут о категории косвенного адресата [1: 166]. Представляется необходимым отличать читателя и адресата, а также адресованность и приём, скрывающий настоящего адресата.

3. Вопрос об основной речевой стратегии гипержанра «Дневник». В работах философов и психологов [9, 12, 13], посвящённых определению цели написания дневника, данный жанр именуется техникой определения источника личностной свободы, становления личности и самоопределения при помощи рефлексии. При этом ими выдвигается тезис о необходимости саморасхождствления автора в момент рефлексии, что необходимо при самонаблюдении и самоидентификации [14: 303]. Отсюда логично возникновение нарциссизма как компенсаторного механизма, призванного выполнить компенсаторную функцию [15: 68]. Таким образом, данные исследователи основной стратегией считают осуществление процесса самопознания через ежедневную рефлексия, в которой окружающий мир выступает лишь в качестве катализатора, открывающего автору его природу.

Другие же исследователи считают, что ведение дневника может иметь три стратегических мотива: дидактическо-морализаторский, сентиментально-поэтический и рефлексивно-аналитический [16].

4. Вопрос о стилистической принадлежности вариантов дневниковых записей: одни исследователи считают необработанность, «первообразность» одним из основных критериев [1], другие полагают, что дневники писателей могут иметь художественную обработку [17] и даже публицистические элементы [18].

5. Вопрос о роли автора, который постулируется центром дневниковых записей как активно действующее лицо [19], или как наблюдатель, фиксирующий перемены, происходящие в обществе, и проявляющий свое отношение лишь косвенно [20]. Вследствие этого дневники часто делят на экстравертивные и интровертивные, что для лингвистического анализа не релевантно.

6. Вопрос об облигаторности таких черт, как исповедальность, искренность (достоверность). Часть исследователей видит в этом жанрообразующую характеристику [21: 365], другие считают допустимыми моменты «мифологизации» событий [17]. То же можно сказать относительно критерия «интимности» дневниковых записей [11: 222]. Признание последнего критерия общим для всех современных вариантов гипержанра представляется невозможным (например, для таких вариантов, как литературный дневник и блог). Несмотря на это, отголоски генетической «памяти жанра» приводят к появлению приемов имитации «интимности» для сокращения дистанции с читателем и его вовлечения в ту или иную коммуникативную ситуацию.

Исходя из результатов проведенного анализа текстов дневников, можно предположить, что на вопрос об адресате можно ответить, введя обобщающее все позиции понятие *единомышленника*; на вопрос о стратегии – предложив именовать стратегию, свойственную всем вариантам модели данного гипержанра, *самореализацией в создаваемом пространстве отраженной действительности*. Стилистически речевой гипержанр «Дневник» принадлежит к разговорно-бытовому стилю с включением элементов публицистического (в основном для сетевых ресурсов) и художественного (чаще для литературно обработанных и изданных экземпляров). Первую же из поставленных проблем представляется возможным снять, используя предложенный комплексный анализ речевого жанра.

Несмотря на сложность решения указанных разногласий в описании гипержанра, существуют и черты, относительно которых исследователи сходятся во мнении. Все вари-

анты гипержанра «Дневник» включают в себя следующие характеристики:

- а) повествовательность, построенная на четкой хронологии через указание дат [16];
- б) записи существуют безотносительно ожидания конкретной ответной реакции собеседника [19: 27–28];
- в) отсутствует ретроспективность, описываемые события рассматриваются автором в синхронии, вследствие этого в них нет элемента искажения фактов подгонкой под уже известный результат [22: 235; 16: 12];
- г) разделение записей не приводит к образованию независимых миниатюр даже в таком варианте жанра, как литературный дневник [23].

3. Краткое описание траектории формирования гипержанра «Дневник»

Гипержанр «Дневник» объединяет в себе речевые жанры с гибкой структурой, вследствие этого количество вариантов и структура моделей национально специфичны.

Если в Японии литературные дневники получили распространение начиная с IX в. [23: 3], то в Европе жанр дневниковых записей начал формироваться только в XVI–XVII вв. В частности, в Англии в XVI столетии как следствие борьбы двух религиозных конфессий в четырех основных вариантах: дневник, календарий, журнал путешествия, записки вельможи [19: 11]. В России дневниковая проза появилась «в начале XVII века, когда происходит усиление личного, индивидуального начала» [20: 13], однако массово печататься дневники начинают лишь в 1860-е, тогда же возникают и варианты дневника – личный, эпистолярный (отличающийся от обычного письма отсутствием установки на ответ и ограниченным по времени отрезком его ведения [16: 8]) и воспоминание (дневник, встроенный в мемуары). Выделяемый исследователем четвертый вид – дневник, встроенный в письмо, видится в целом аналогичным эпистолярному дневнику.

В XX в. происходит изменение канона жанра за счёт редуцирования компенсаторно-заместительной функции в пользу социально-адаптивной [20], фокус внимания приходится на адаптацию человека в текущей социальной ситуации. Вероятнее всего, данная тенденция в изменении канона и привела в дальнейшем к возможности формирования нового варианта жанра – сетевого дневника. Если на рубеже XX в. дневник предстаёт уже как литературный жанр [24: 74], то к XXI – и как публицистический (травелог, блог).

Становление жанра и его развитие всегда характеризуется появлением и устаревани-

ем моделей. Например, такая разновидность жанра, как служебный дневник, в настоящее время утратила свою функциональную необходимость и заменилась жанрами *отчет* и *ежедневник*. Первый принадлежит к области деловых бумаг, второй стратегически направлен на организацию деятельности, вследствие чего по содержанию «представляет собой списки, перечни, подсчеты, планы, графики, расписания и другие записи с мнемонической функцией» [25: 10], при этом записи всегда относятся к неким целям в будущем. Ядро дневникового дискурса составляют варианты, которые не только не устаревают, но и являются основанием для появления все новых модификаций – это личный (персональный) дневник, литературный дневник (дневник писателя, литературно-художественный дневник), эпистолярный дневник, путевые заметки (путевой дневник, дневник путешественника, травелог), блог.

4. Основные современные варианты гипержанра «Дневник»

I. Личный дневник, как любые записи «для себя», на формальном уровне характеризуется определенной шифрованностью – как графической, так и содержательной (сокращения имен и названий до одной буквы, упоминания о событиях прошлого без расшифровки, понятный только автору подтекст, почерк, элементы кодирования и пр.). Вследствие этого исследователи относят личные дневники к предтекстам. Второй важной особенностью данного варианта является тот факт, что личный дневник «может начаться в любой точке жизненной прямой и на любой точке закончиться» [16: 62]. В этом его отличие, например, от путевых заметок, открывающихся вместе с началом путешествия и заканчивающихся по приезде автора домой.

Анализ текстов, реализующих речевой жанр личного дневника, осложнен трудностью найти материал, вследствие этого были проанализированы только 10 частных дневников людей среднего возраста с высшим образованием. Результат подтвердил предположение о том, что общими лингвистическими характеристиками личного дневника, формирующими его модель, можно считать следующие:

- 1) принадлежность речевого жанра к наивной картине мира и соответственно разговорно-бытовому стилю речи; ментальное пространство характеризуется а) сильной детерминированностью ситуацией текущего настоящего или недавнего прошлого, описываемой или анализируемой с частичной субъективацией информации или ее интерпретацией; б) сильной референциальной

зависимостью (почти полным отсутствием вымысла);

- 2) ориентация на концепт-сценарий, реализуемый через цепочку фреймовых структур;
- 3) монореферентный тип модального субъекта-адресата;
- 4) опора на дескриптивные референты (отсюда сравнительно небольшое количество прецедентных имен);
- 5) речевая стратегия самореализации при помощи тактических цепочек с компенсаторными функциями; наиболее характерные и частотные функционально-семантические типы речи – рассуждение и повествование;
- 6) внешнее оформление текста хронологическая последовательность записей на произвольные темы и в произвольном объеме в разделе, обозначающем текущую дату.

II. Эпистолярный дневник

Очень близок варианту личного дневника, основными отличительными особенностями являются:

- а) появление конкретного адресата или группы доверенных лиц, что при зарождении этого варианта жанра традиционно означало возможность чтения записей вслух (например, в семейном кругу);
- б) адресат – всегда реальное лицо, использование вымышленного адресата характеризует уже такой жанр, как эпистолярный роман;
- в) интервал записей ограничен возможностями почты, а также тем, что автор вынужден оплачивать пересылку фрагментов адресату (почтовые расходы или интернет-трафик);
- г) в большинстве случаев дневниковые записи предваряются и/или завершаются типичными эпистолярными формулами, вопросами к адресату или кратким ответом на его вопросы, при этом сама дневниковая запись не является «вставкой» в письмо, поскольку эпистолярные формы выполняют лишь функцию оформления;
- д) как правило, современные эпистолярные дневники составляются после смерти автора на основании его переписки в разные годы с разными людьми. Таким является, например, эпистолярный дневник В. П. Астафьева «Нет мне ответа (1952–2001)».

III. Литературный дневник

К жанру литературного дневника традиционно относят записи, в которых «содержатся последовательные описания событий из жизни автора, а эмоциональным центром повествования представлен сам автор» [23: 4].

От художественной литературы такой дневник отличается тем, что его рефлексия охватывает факты реально происходивших с автором событий. Дневник не фикционален, несмотря на то что описываемый в нем мир субъективен и может быть стилистически и эстетически откорректирован автором. Именно поэтому следствием является двуаспектность времени: это время жизни главного героя и это объективное время (принадлежность к эпохе, веку и пр.). Скорость хода времени определяется эмоциональной насыщенностью, вставки (цитаты, стихи и пр.) замедляют смену событий. Пространство литературного дневника выборочно: описываются только те фрагменты, которые имеют значение для «сюжета».

Одним из вариантов литературного дневника можно признать дневник писателя, который характеризуется помимо традиционных признаков установкой на определенную степень мифотворчества. Так, анализируя дневники писателей русского зарубежья, Ю. В. Булдакова выделяет две модели относительно создаваемого пространства отраженной реальности: риторическую (Б. К. Зайцев, З. Н. Гиппиус, И. А. Бунин) и игровую (М. И. Цветаева, Б. Ю. Поплавский) [17: 169]. Представляется, что данные разновидности являются не моделями, а полюсами, формирующими диапазон субъективной творческой обработки фактов. Стилистически такой дневник близок к художественному стилю речи по своей эстетической функции, однако все же более точным будет говорить только о вкраплениях художественного стиля.

Также может встречаться вариант дневника, написанного философом или психологом, использующим характерную терминологию, типичные постановки вопросов и приемы анализа. Таковы дневники В. Гомбровича, Е. Анджеевского, Г. Херлинга-Грудзиньского; В. В. Розанова, Льва Шестова. Для них дневник становится инструментом психологического самоанализа в ключе основных вопросов экзистенции [26: 27].

Результат анализа 40 дневников авторов XX в. (в том числе и писателей русского зарубежья) подтвердил предположение о том, что общими лингвистическими характеристиками литературного дневника, формирующими его модель, можно считать:

- 1) принадлежность речевого жанра к наивной картине мира и разговорно-бытовому стилю речи; ментальное пространство характеризуется а) сильной детерминированностью ситуацией текущего настоящего или недавнего прошлого, описываемой или анализируемой с существенной субъективной обработкой и переосмыслением информации; б) слабой референциальной

зависимостью (наличием не вымышленной, но сильно искаженной «фильтрами» реальности);

- 2) ориентация на концепт-сценарий, реализуемый через цепочку последовательно трансформируемых фреймовых структур и гештальт-структур;
- 3) полиреферентный тип модального субъекта-адресата (ориентация на группу лиц);
- 4) основная опора приходится на индексальные референты, маркирующие принадлежность к определенной культуре, эпохе (соотношение дескриптивных и индексальных референтов составила 20 к 80%);
- 5) речевая стратегия самореализации при помощи тактических цепочек с креативными функциями, наиболее характерные и частотные функционально-семантические типы речи – повествование (осложненное диалогами) и описание (чаще динамическое, чем статическое (68 к 32%);
- б) внешнее оформление текста – хронологическая последовательность записей на произвольные темы и в произвольном объеме в разделе, обозначающем текущую дату; вставки других жанров (стихи, цитаты и пр.).

IV. Путевые заметки (путевой дневник / дневник путешественника / травелог)

В целом путевые записи отличаются от личного дневника и литературного тем, что их основание представлено не только хронологически, но и топологически – перемещением в пространстве. Исследователи также пишут о том, что способность «в зависимости от образа вызывать в памяти настроения – специфика путевых записок; в зависимости от настроения вызывать в памяти образы есть сущность дневника» [Тамаи Коскэ «Дневники и путевые заметки эпохи Камакура» 1932, цит. по: 23: 323]. От эпистолярного дневника путевые заметки отличаются формой, однако есть и определенная доля сходства, поскольку функцию указания места, столь показательную для путевых заметок, в эпистолярном дневнике могут выполнять штемпели на марках.

Классификация, предложенная О. Г. Егоровым, содержит три цели ведения путевых заметок: а) дневник-инициация, становление личности во время путешествия, б) описание путешествий, предпринятых по службе, и в) записи о творческих и научных поездках [16: 151]. Первый вариант цели совпадает с тем, как реализуется дневник путешественника, третий с травелогом – стилистически обработанными записями, имеющими сюжет и изначальную установку. Второй вариант

путевого дневника – записи ученых-первопроходцев, первооткрывателей, антропологов, пик популярности которых пришелся на конец XIX – начало XX в., в настоящее время практически замещен жанрами официально-делового (отчет об экспедиции), научного (статьи и монографии) и научно-популярного (телевизионные передачи) стилей [27: 256]. В европейской культуре травелог, по мнению исследователей, сформировался во второй половине XVII в. [27: 254], тогда как в России появился к середине XVIII в.

Дневник путешественника по форме ближе к личному дневнику, в то время как травелог – к литературному, так как включает в себя диалоги местных жителей, легенды мест, отредактированные описания. Помимо этого, травелог обычно основан на некоей изначальной идее, развитием которой и являются записи.

Вариантом путевых дневниковых записей также можно назвать дневник тюрьмы или ссылки (как, например, дневник В. К. Кюхельбекера), который тоже имеет фиксированное начало, связанное с отъездом, и может иметь логичное, сюжетное завершение при благоприятном стечении обстоятельств. Этот вариант дневниковых записей стилистически характеризуется наличием элементов публицистического стиля, его характеризуют «политическая окрашенность содержания, воздействие на аудиторию, опора на документальность, социальная значимость отображаемого» [18: 11]. Но, несмотря на общие черты с такими жанрами, как эссе и очерк, данный вариант дневниковых записей остается вариантом гипержанра «Дневник», так как сохраняет свои базовые характеристики. В настоящее время данный вариант путевых заметок переживает кризис, который, вероятно, может привести впоследствии к исчезновению этой модификации базовой модели.

В результате анализа 23 примеров путевых дневников представляется возможным говорить о следующих чертах данного варианта жанра:

- 1) принадлежность речевого жанра к наивной картине мира; стилистически путевые записи принадлежат к разговорно-бытовому стилю речи, но имеют элементы художественного и публицистического стилей; ментальное пространство характеризуется а) сильной детерминированностью ситуацией текущего настоящего или недавнего прошлого, описываемой или анализируемой с существенной субъективной обработкой и переосмыслением информации; б) средней референциальной зависимостью (факты реальности не мифологизированы, не вымышлены, но откорректи-

рованы в соответствии с исходной идеей автора);

- 2) ориентация на концепт-сценарий «путешествие»;
- 3) ориентация на полиреферентный модальный субъект – как на группу лиц (20)%, так и массовый (80%);
- 4) в основании модели находится дескриптивный референт, отсылки к индексальным референтам более редки (73 против 27%);
- 5) речевая стратегия самореализации, скрытая за осмыслением фактов внешнего пространства, при помощи которых автор находит свою нишу в обществе. Осуществляется преимущественно в виде тактик описания и рассуждения (процентное соотношение использования трех функционально-семантических типов речи в цепочках: описание – 56 %, повествование – 15, рассуждение – 29%).
- 6) оформление текста имеет топологическую ориентированность – новая запись появляется при смене места нахождения автора, современные варианты являются креолизованными (зарисовки, фотографии).

V. Блог

Исследователи до сих пор не пришли к единому выводу о том, принадлежит ли блог к гипержанру «Дневник». Часть исследователей оставляет вопрос открытым [28–31], другие считают, что дневник и блог – разные жанры, поскольку блоги существуют на специальных сайтах со множеством дополнительных функций и расцениваются как принадлежащие к области публичного дискурса [29: 162]. В качестве основной стратегии сетевого дневника отмечается стратегия установления и поддержания контакта с читателями, тогда как в личном дневнике – опора на нарративность и создание эмоционального комфорта [32: 152]. Следствием этого является большое количество в блогах оценочных прилагательных и наречий, так как авторы формируют за счет этих средств имидж и рассчитывают на одобрение адресата; в личном же дневнике более частотны глаголы действия. Помимо этого, между автором и адресатом выступает «посредником» сетевой ресурс с его правилами, системой оформления и ведения записей, что приводит к изменению деятельности автора: существуют пользователи, которые не создают текстов, являясь лишь распространителями, использующими функцию «поделиться». Но высказывание о том, что «дневник обязан быть для себя и только в редких случаях показан самым близким» [29: 164], представляется не вполне точным на основании доказанного выше наличия существующих вариантов ис-

ходной модели, рассчитанных на группу лиц или массового читателя.

Анализируя блоги, невозможно не увидеть общие «родовые» черты гипержанра «Дневник»: датированность фрагментов, разговорный стиль речи, невозможность автономного существования записей в пространстве культуры порознь, стратегическая установка на самопознание, произвольный тематический диапазон. Выделяемые исследователями спонтанность и непрофессиональность также свидетельствуют о связи данных вариантов с базовой моделью [8, 33].

Безусловно, набор параметров данного варианта еще дальше находится от исходной модели личного дневника: так, например, автор, не создающий записи, использующий только репосты, в определенной мере деперсонифицирован. Но и он формирует свое личное пространство, благодаря подбору транслируемых им фактов читатель способен понять особенности его отношения к миру, заблуждения и установки. К характерным особенностям блога относят отсроченное интерактивное взаимодействие, необлигаторность диалога (комментарии к записи могут не появиться), общение, которое «происходит off-line асинхронно в виртуальном пространстве» [34: 201], что опять же свидетельствует в пользу того, что основной целью является не общение само по себе, а становление личности. Как и в предшествующих рассмотренных моделях, дневниковые записи в форме блога – тот же инструмент самопознания и самоопределения.

Дополнительным подтверждением принадлежности блога к гипержанру «Дневник» является и тот факт, что в иноязычной литературе термины *diary* и *blog* используются как синонимичные и имеют *family resemblance* (семейное сходство) [35].

Пространство Интернета, как известно, является «кривым зеркалом» процессов, протекающих в классической системе речевых жанров. В связи с этим представляется необходимым понимать, что соцсеть – инструмент, использование которого не гарантирует автоматического создания «дневника». Важно отличать сетевые блоги, которые действительно выполняют функцию дневниковых записей, и использование сетевой платформы в иных целях. Отсутствие учета данного фактора приводит к возникновению неудачных попыток классификации вариантов жанра. Так, в работе Т. Г. Рабенко выделены следующие: 1) собственно дневник; 2) литературный (творческий); 3) афористический (сборник цитат); 4) дневник-проект (тематически и композиционно детерминированный); 5) состоящий

из картинок; 6) ближе к форуму, чем к дневнику [36: 98–99].

Анализ 40 произвольно выбранных личных блогов свидетельствует о возможности выделить следующие черты данной модификации исходной модели:

- 1) принадлежность речевого жанра к наивной картине мира, разговорно-бытовому стилю речи; ментальное пространство характеризуется а) сильной детерминированностью ситуацией текущего настоящего или недавнего прошлого, описываемой или анализируемой с частичной субъективацией информации или ее интерпретацией; б) отсутствием облигаторности референциальной зависимости (может быть как фактически точная информация, так и заведомо ложная, вымышленная, провокационная);
- 2) ориентация на концепт-сценарий, реализуемый через цепочку фреймовых структур;
- 3) полиреферентный тип модального субъекта-адресата; исследователями часто ставится также интересный вопрос о необходимости различать адресата записи и читателей в связи с наличием соответствующих настроек интерфейса сайта;
- 4) опора на дескриптивные референты и индексальные референты в практически равной степени (48 и 52%);
- 5) речевая стратегия самореализации с опорой на рассуждение;
- 6) внешнее оформление текста – хронологическая последовательность записей на произвольные темы в специально отведенном организаторами соцсети месте; наличие «сворачивания» длинных записей для удобства чтения ленты, возможность использовать чужие записи в своем социальном дневнике с помощью дополнительных кнопок; возможность уточнения информации в последующих комментариях; необлигаторное наличие прямой обратной связи с автором. В том же, что касается профессионального блога, необходимо согласиться с теми, кто исключает его из сферы персонального дневникового дискурса, поскольку стратегически он является источником дохода, а не инструментом самопознания. В этом его ключевое отличие от близкого ему по некоторым показателям тревелога.

5. Заключение: поле вариативности моделей дневникового дискурса

1. Опираясь на результаты анализа, представляется возможным выделить базовую изосемичную модель гипержанра «Дневник»

на основании наличия неизменных характеристик: 1) принадлежность к наивной картине мира, разговорно-бытовому стилю речи; ментальное пространство характеризуется сильной детерминированностью ситуацией текущего настоящего или недавнего прошлого, описываемой или анализируемой с частичной субъективацией информации или ее интерпретацией; 2) ориентация на концепт-сценарий; 3) речевая стратегия самореализации; 4) хронологическая последовательность записей на произвольные темы, невозможность использования отдельных фрагментов автономно без потери большей части смысла.

II. Разнящимися характеристиками являются стилистическая однородность, однородность канона (наличие формальных показателей иных речевых жанров), тип адресата (монореферентный или полиреферентный), тип референта (описывается какой-либо факт как явление физического мира или дается отсылка на уже существующее в культуре суждение об исторической фигуре, известном событии, архитектурном строении, произведении искусства и пр.), релевантность вымысла,

мифологизации, провокационных заявлений (таблица).

Безусловно, данная таблица построена в качестве обобщения, в каждом из вариантов существуют исключения, однако она отражает процесс постепенного усложнения жанровой модели от личного дневника к блогу. Одновременно с этим можно констатировать и типичное для такой категории, как гипержанр, постепенное «размывание» модели. Представляется возможным также говорить о следующих тенденциях, влияющих в настоящее время на данный речевой жанр: а) усиление необходимости быть в непосредственном контакте с адресатом и получать мгновенную оценку своим записям со стороны; б) изменение границ «приватности»; в) увеличение количества элементов маскировки автора за креолизованными элементами и фактами, остающимися без эксплицитно выраженной рефлексии (вклеивание вырезок в бумажный дневник, включение фото- и видеоматериалов в сетевой); г) практически обязательная установка всех вариантов дневниковых записей на публикацию.

Отличия характеристик современных вариантов реализации гипержанра «Дневник»

Differences in the characteristics of modern types of the hypergenre “The diary”

Однородность		Монореферентный адресат	Преобладающий референт рефлексии	Трансформация факта	Варианты
стиля	канона жанра				
+	+	+	Дескр.	–	Личный дневник
+	+	–	Дескр.	–	Дневник путешественника
+	–	–	Дескр.	–	Эпистолярный дневник
–	–	–	Дескр.	–	Травелог
–	–	–	Инд.	–	Литературный дневник психолога или философа
–	–	–	Инд.	+	Литературный дневник писателя
–	–	–	Любой	+	Блог

Примечание. Инд. – индексальный референт, Дескр. – дескриптивный референт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зализняк А. А. Дневник: к определению жанра // «НЛО». 2010. № 106. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14-pr.html> (дата обращения: 11.06.2019).

2. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. 3-е изд., стер. М.: УРСС, 2003. 224 с.

3. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 7–38.

4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: сб. избр. тр. М.: Искусство, 1979. 423 с.

5. Бузальская Е. В. Лингвокогнитивный анализ речевого жанра эссе / науч. ред. Н. А. Любимова. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2015. 320 с.

6. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 190 p.

7. Кобрин К. Похвала дневнику // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 288–295.

8. Новикова Е. Г. Особенности речевого жанра дневника // Язык. Текст. Дискурс: межвуз. науч. альманах. 2005. Вып. 3. С. 80–90.

9. Алексеев А. Н. Дневник и письмо как формы социальной коммуникации // Философские науки. 2008. № 8. С. 104–116.

10. Карасик В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Гос УНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 144–152.

11. Радзиевская Т. В. Некоторые наблюдения над функционально-семантическими и стилистическими особенностями дневников // Стилль. Белград, 2004. № 3. С. 221–233.

12. Кузин И. В. Дневник: между графоманией и творчеством // Диалог в образовании : сб. материалов конф. Сер. «Symposium». Вып. 22. СПб. : С.-Петерб. филос. о-во, 2002.

13. Лелягин Л. Н. Личный дневник: самосознание жанра // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 10 (56). С. 56–67.

14. Пигров К. С. Рефлектирующий человек в информационном обществе, или Императив философствования (феномен интимного дневника) // Россия и Грузия : диалог и родство культур : сб. материалов симпозиума. 2003. № 1. С. 292–313.

15. Carpenter S. A new reason for keeping a diary // Monitor on Psychology. 2001. Vol. 32, № 8. P. 68–70.

16. Егоров О. Г. Литературный дневник 19 века. История и теория жанра : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 361 с.

17. Булдакова Ю. В. Дневник писателя как феномен литературы русского зарубежья 1920–1930-х гг. (типология поэтики и жанра) : дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2010. 189 с.

18. Чулюкина М. Г. Дневник как жанр публицистики : предметно-функциональные особенности : автореф. дис. ... канд. фил. наук. Казань, 2009. 32 с.

19. Подгорский А. В. Жанр дневника в английской литературе эпохи реставрации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1995. 32 с.

20. Криволапова Е. М. Жанр дневника в наследии писателей круга В. В. Розанова на рубеже XIX–XX веков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. 48 с.

21. Тарасова И. А. Жанр дневника в поэзии Г. Иванова // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Гос УНЦ «Колледж», 2009. Вып. 6. С. 365–375.

22. Kawakura Y., Yamashima K. Keeping a diary in cyberspace // Japanese Psychological Research. 1998. Vol. 40, № 4. P. 234–245.

23. Горегляд В. Н. Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв. М. : Наука, 1975. 380 с.

24. Кальщикова Т. А. Дневник как вид коммуникативной деятельности (на материале дневников А. Блока) : дис. ... канд. филол. наук. Н. Тагил, 2012. 219 с.

25. Юркевич А. С. Ежедневник как жанр естественной письменной русской речи : дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2011. 232 с.

26. Мальцев Л. А. Традиция экзистенциализма в польской прозе второй половины XX века : автореф. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 40 с.

27. Майга А. А. Литературный травелог : специфика жанра // Филология и культура. 2014. № 3(37). С. 254–259.

28. Dijk J. van Composing the self // The Fiberculture journal. URL: <http://hdl.handle.net/11245/1.243481> (дата обращения: 11.06.2019).

29. Кронгауз М. Публичная интимность // Знамя. 2009. № 12. С. 162–167.

30. Рогачева Н. Б. Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 23 с.

31. Сидорова М. Ю. Интернет-лингвистика : русский язык. Межличностное общение. М. : «1989.ru», 2006. 193 с.

32. Калинина Е. И. Системно-структурное моделирование внутрижанрового пространства гипержанра «Дневник» : дис. ... канд. филол. наук. Новокузнецк, 2012. 187 с.

33. Лебедева Н. Б. Теоретические основы исследования естественной письменной речи // Жанры естественной письменной речи : Студенческие граффи-ти, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М. : КРАСАНД, 2011. С. 8–62.

34. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград : Перемея, 2009. 477 с.

35. Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // Жанры речи. 2016. № 2. С. 96–104.

36. Рабенко Т. Г. Жанры естественной письменной русской речи в вариантологическом аспекте : дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2018. 356 с.

REFERENCES

1. Zaliznyak A. A. Dnevnik: k opredeleniyu zhanra [Diary: the definition of the genre]. "UFO", 2010, no. 106. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14-pr.html> (accessed 11 June 2019) (in Russian).

2. Prokhorov Yu. E. *Nacionalnye sociokulturnye stereotipy rechevogo obschcheniya i ih rol v obuchenii russkomu yazyku inostrancev* [National socio-cultural stereotypes of speech communication and their role in teaching Russian to foreigners]. 3rd ed. Moscow, URSS Publ., 2003. 224 p. (in Russian).

3. Sedov K. F. *Chelovek v zhanrovom prostranstve povsednevnoj kommunikacii* [Man in the genre space of everyday communication]. *Antologiya rechevyh zhanrov povsednevnyaya kommunikaciya* [Anthology of speech genres : everyday communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007, pp. 7–38 (in Russian).

4. Bakhtin M. M. *Ehstetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 423 p. (in Russian).

5. Buzalskaia E. V. *Lingvokognitivnyj analiz rechevogo zhanra ehse* [Linguistic and Cognitive analysis of the speech genre of the essay]. Saint Petersburg, St.-Peterb. gos. un-t, 2015. 320 p. (in Russian).

6. Fauconnier G. *Mental Spaces : Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. Cambridge, Cambridge University Press, 1994. 190 p.

7. Kobrin K. Praise to the diary. *New literary review*, 2003, no. 61, pp. 288–295 (in Russian).

8. Novikova E. G. Features of the speech genre diary. *Language. Text. Discourse. Interuniversity scientific almanakh*, 2005, iss. 3, pp. 80–90 (in Russian).

9. Alekseev A. N. The diary and the letter as a form of social communication. *Questions of Philosophy*, 2008, no. 8, pp. 104–116 (in Russian).

10. Karasik V. I. Anekdot kak predmet lingvisticheskogo izucheniya [Anecdote as a subject of linguistic study]. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. of sci. art.]. Saratov, GosUNTs "Kollodzh", 1997, iss. 1, pp. 144–152 (in Russian).

11. Radzievskaya T. V. Nekotorye nablyudeniya nad funkcional'no-semanticheskimi i stilisticheskimi osobennostyami dnevnikov [Some observations on the functional-semantic and stylistic features of diaries]. *Stil'* [Style]. Belgrade, 2004, no. 3, p. 221–233 (in Russian).
12. Cousin I. V. Dnevnik: mezhdru grafomaniej i tvorcestvom [Diary: between graphomania and creativity]. *Dialog v obrazovanii : sb. materialov konf. Ser. "Symposium"* [Dialogue in education : conf. proc. Ser. "Symposium"]. Iss. 22. Saint Petersburg, St.-Peterb. philos. o-vo, 2002 (in Russian).
13. Letyagin L. N. Personal blog : self-awareness of the genre]. *Izvestia Russian state pedagogical University named after A. I. Herzen*, 2008, no. 10 (56), pp. 56–67 (in Russian).
14. Pigrov K. S. Reflektiruyushchij chelovek v informacionnom obshchestve, ili Imperativ filosofstvovaniya (fenomen intimnogo dnevnika [Reflecting man in the information society, or the Imperative of philosophizing (the phenomenon of an intimate diary)]. *Rossiya i Gruzija : dialog i rodstvo kul'tur : sb. materialov simpoziuma* [Russia and Georgia : dialogue and kinship of cultures : proceedings of the symposium], 2003, no. 1, pp. 292–313 (in Russian).
15. Carpenter S. A new reason for keeping a diary. *Monitor on Psychology*, 2001, vol. 32, no. 8, pp. 68–70.
16. Egorov O. G. *Literaturnyj dnevnik 19 veka. Istoriya i teoriya zhanra* [Literary diary of the 19th century. History and theory of the genre]. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2003. 361 p. (in Russian).
17. Buldakova Yu. V. *Dnevnik pisatelya kak fenomen literaturny russskogo zarubezh'ya 1920–1930-h gg. (tipologiya poehtiki i zhanra)* [Writer's Diary as a phenomenon of literature of Russian emigrants of the 1920s–1930s (typology of genre and poetics)]. Diss. Cand. Sci. (Philol.) Kirov, 2010. 189 p. (in Russian).
18. Tehuliukhina M. G. *Dnevnik kak zhanr publicistiki: predmetno-funkcional'nye osobennosti* [The Diary as a genre of journalism: subject-functional aspects]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kazan, 2009. 32 p. (in Russian).
19. Podhorsky A. V. *Zhanr dnevnika v anglijskoj literature ehpori restavracii* [The diary in English literature of the restoration era]. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Ekaterinburg, 1995. 32 p. (in Russian).
20. Krivolapova E. M. *Zhanr dnevnika v nasledii pisatelej kruga V. V. Rozanova na rubezhe XIX–XX vekov* [The diary Genre in the legacy of the writers circle V. V. Rozanova in XIX–XX centuries]. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2013. 48 p. (in Russian).
21. Tarasova I. A. *Zhanr dnevnika v poehzii G. Ivanova*. [The diary genre in the poetry of G. Ivanov]. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. of sci. art]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 2009, iss. 6, pp. 365–375 (in Russian).
22. Kawakura Y., Yamashima K. Keeping a diary in cyberspace. *Japanese Psychological Research*, 1998, vol. 40, no. 4, pp. 234–245.
23. Goreglyad V. N. *Dnevnik i ehse v yaponskoj literature X–XIII vv.* [The diaries and essays in Japanese literature the X–XIII centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 380 p. (in Russian).
24. Kalschikova T. A. *Dnevnik kak vid kommunikativnoj deyatel'nosti (na materiale dnevnikov A. Bloka)* [Diary as a kind of communicative activities (based on the diaries of Alexander Blok)]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Nizhny Tagil, 2012. 219 p. (in Russian).
25. Yurkevich A. S. *Ezhednevnik kak zhanr estestvennoj pis'mennoj russkoj rechi* [Office Diary as a genre of natural written Russian speech]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kemerovo, 2011. 232 p. (in Russian).
26. Maltsev L. A. *Tradiciya ehkzistencializma v pol'skoj proze vtoroj poloviny XX veka* [The tradition of existentialism in Polish prose of the second half of the twentieth century]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2010, 40 p. (in Russian).
27. Maiga A. A. *Literary travelogue : specificity of the genre. Philology and Culture*, 2014, no. 3(37), pp. 254–259 (in Russian).
28. Dijk Jay van Composing the self. *The Fiberculture journal*. Available at: <http://hdl.handle.net/11245/1.243481> (accessed 6 September 2019).
29. Krongauz M. *Public intimacy. The Banner*, 2009, no. 12, pp. 162–167 (in Russian).
30. Rogacheva N. B. *Struktura i funkcionirovanie vtorichnyh rechevyh zhanrov internet-kommunikacii* [Structure and functioning of secondary speech genres of Internet communication]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2011. 23 p. (in Russian).
31. Sidorova M. Yu. *Internet-lingvistika : russkij yazyk. Mezhlchnostnoe obshchenie* [Internet-linguistics : Russian language Interpersonal communication]. Moscow, "1989.ru" Publ., 2006. 193 p. (in Russian).
32. Kalinina E. I. *Sistemno-strukturnoe modelirovanie vnutrizhanrovogo prostranstva giperzhanra "Dnevnik"* [Systematic structural modeling of the inner space of the genre "Diary"]. Novokuznetsk, 2012. 187 p. (in Russian).
33. Lebedeva N. B. *Teoreticheskie osnovy issledovaniya estestvennoj pis'mennoj rechi* [Theoretical foundations of the study of natural writing]. *Zhanry estestvennoj pis'mennoj rechi : Studencheskie graffiti, marginal'nye stranicy tetradaj, chastnaya zapiska* [Genres of natural writing : Student graffiti, marginal pages of notebooks, private note]. Moscow, KRASAND Publ., 2011, pp. 8–62 (in Russian).
34. Lutovinova O. B. *Lingvokul'turologicheskie karakteristiki virtual'nogo diskursa* [Linguistic and Cultural characteristics of virtual discours]. Volgograd, Peremena Publ., 2009. 477 p. (in Russian).
35. Kolokoltseva T. N. *Dialog in the genres of the Internet communication (chat, forum, blog). Speech Genres*, 2016, no. 2, pp. 96–104 (in Russian).
36. Rabenko T. G. *Zhanry estestvennoj pis'mennoj russkoj rechi v variantologicheskom aspekte* [Genres of natural written Russian speech in the variant aspect]. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Kemerovo, 2018. 356 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 6.09.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бузальская Е. В. Гипержанр «Дневник»: основные варианты модели // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 183–192. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-183-192>

For citation

Buzalskaia E. V. *Diary : Main Variants of the Genre. Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 183–192 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-183-192>

УДК 811.161.1'276

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-193-199>

Е. Г. Елина
Саратов, Россия

Elena G. Elina
Saratov, Russia

Устный рассказ студента-активиста как речевой жанр

The Oral Narrative of a Student Activist as a Speech Genre

На наших глазах происходят активные процессы формирования новых форм и типов высказываний. Важной задачей является изучение различных форм высказываний, характерных для студенческой среды. Изучения требуют тексты высказываний, принадлежащих студентам-активистам, лидерам разнообразных студенческих движений. Цель исследования – выявление жанровых черт этих текстов. Исследование проводилось на материале записей устных высказываний студентов-активистов, деятелей студенческого совета, победителей различных студенческих конкурсов. Речевая стихия устного высказывания студента-активиста лежит в парадигме концептов «движение», «акция», «инициатива». В отличие от старших товарищей из мира чиновников, которые научились говорить без использования местоимения первого лица, студент-активист несколько применяет форму «Я», которая решает несколько задач высказывания. Во-первых, это демонстрация позитивного опыта для других, только еще начинающих или будущих студентов-активистов. Во-вторых, это публичное признание собственных заслуг. В-третьих, это своего рода речевое селфи, позволяющее запечатлеть каждый момент жизни.

В речи студента-активиста частотно слово «эмоции», являющееся заменой передачи реальных эмоциональных состояний. Любое событие, о котором говорит активист, не предполагает сомнений и колебаний. Это событие заведомо правильно, полезно, поскольку является важной частью «движения», «акции». Студент-активист уверен в избранном деле и гордится своей причастностью к лидерской группе. Он говорит о наличии корпоративной культуры, о постоянном самосовершенствовании, о стремлении к новизне, о студсовете как школе жизни.

Высказывания студентов-активистов в большинстве своем являются вариантом деловой коммуникации, включающей в себя как бюрократический сленг «взрослых», так и элементы молодежного жаргона. Можно уверенно говорить об общих структурных особенностях, о четких границах высказывания, о роли субъектов высказываний, о норме экспрессивности (вернее, ее подчеркнутом отсутствии) в устной речи студентов-активистов.

В статье показано, что сегодня сформировались признаки жанра устного высказывания, свойствен-

The speech ecosystem of an activist's utterance is rooted in the paradigm of concepts of "movement", "action", "initiative". Unlike their elder role models – the officials, who learned to avoid the first-person pronoun in their speeches – an activist is using an I-narrative which serves several purposes of the utterance. Firstly, it helps demonstrate their positive experience to those who are starting or thinking about joining the ranks of activists. Secondly, it is a public recognition of their own achievements. Thirdly, it serves as a kind of a spoken selfie, reflecting any life event.

An activist's speech frequently features the word "emotions" which substitutes actual words for real emotions. All events described by an activist should be approached without any doubt or hesitation, since all events are supposed to be proper and useful, they are integral parts of "movements" and "actions". An activist is always sure of the cause and is proud to be a part of a leader group. An activist speaks about their corporate culture, about personal development, trying out something new; the students' council is described as the school of life.

The activists' utterances mostly belong to business communication. Their version includes both, the bureaucratic slang of "adults" and the youth jargon. We have identified the general structural aspects of this speech genre, the framework of an utterance, the role of its subjects, the emotional level (or the lack of it) in the speech of activists.

The article demonstrates the emerging features of a genre of an oral statement in the speech of students who position themselves as activists.

ного студентам, позиционирующим себя как студенты-активисты.

Ключевые слова: студент-активист, речевая культура, речевое высказывание, молодежные движения, акции, инициативы, бюрократическая речь, сленг, эмоции.

Сведения об авторе: Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: elinaeg@info.sgu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Keywords: a student activist, culture of speech, (oral) statements, youth movements, actions, initiatives, bureaucratic speech, slang, emotions.

About the author: Elina Elena Genrikhovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of General Literary Studies and Journalism.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: elinaeg@info.sgu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

На наших глазах происходят активные процессы формирования новых форм и типов высказываний. Появляются новые слова и формы слов, новые клише и жаргонизмы, новые синтаксические конструкции и даже новое интонирование. По этим новациям традиционно различают приметы принадлежности говорящих к профессиональным, социальным, а теперь и интернет-сообществам, к возрастным и территориальным стратам.

Несмотря на существенные изменения этой ситуации в последние десятилетия, когда основным фактором, определяющим языковую реальность, становится нарушение всех и всячески границ и правил, когда, например, элементы молодежного сленга проникают в речевое общение профессоров, когда оказываются более либеральными и представления об элитарной речи, и требования к «хорошей» речи [1], тем не менее определители принадлежности субъекта речи к той или иной речевой субкультуре сохраняются.

Любопытным явлением последнего времени становится происходящее расслоение молодежной речевой культуры. Так, в университетской среде сформировались признаки жанра устного высказывания, свойственного студентам, позиционирующим себя как студенты-активисты. Это организаторы разнообразных студенческих движений, созданных с очевидным учетом опыта комсомольских организаций. Нынешние студенческие организации функционируют по нескольким основным направлениям: «тьюторство» и «старостат», урбанистические организации, участвующие в обсуждении проблем городского пространства, социальное проектирование (шефство над детскими домами, помощь ветеранам) и самое масштабное – волонтерство. Все эти направления деятельности организуются советами студентов и аспирантов вузов. Активисты студенческих движений и отрядов (по традиции объединения студентов для работы в летнее время называют стройотрядами, будь

то строительные работы, работа в качестве проводника железнодорожного вагона или вожатого в детском оздоровительном лагере) участвуют в различных конкурсах, получают престижные награды и рекомендации для участия в еще более масштабных проектах.

Наше исследование проводилось на материале устных рассказов о своей деятельности студентов-активистов, представителей студенческого совета. Рассказы записывались на диктофон сотрудниками Центра СМИ Саратовского университета. Среди рассказчиков были студенты, прошедшие отбор для участия в качестве волонтеров на Фестивале молодежи и студентов в Сочи, на Зимних Олимпийских играх в Сочи, на Чемпионате мира по футболу 2018 года и других международных событиях, победители конкурса «Студент года». Студентам предлагалось рассказать о своем видении значимых событий и мероприятий, в которых довелось участвовать.

Следует обратить внимание на то, что излагаемые события осмыслены студентами-активистами через призму занимающей их общественной деятельности. Все виды работы, в которые студенты вовлечены, воспринимаются самими рассказчиками как участие в масштабных «движениях», «проектах», «отрядах». Одно из сравнительно новых обозначений деятельности студентов-активистов – слово «инициатива» в его различных грамматических вариантах. Заметим, что слово это нередко используется в значении «проект»: «инициатива, в которой я участвовала», «инициатива по приведению в порядок городских территорий», «общегородская инициатива».

Конечно, никуда не ушло слово «мероприятие», оно разнообразно включено в речь активиста, но чаще, чем «в мероприятиях», лидеры студенчества участвуют в «акциях», демонстрируя свою «активность» (в самое

последнее время – «активности» и даже «активизм»).

Новое значение приобретает и слово «опыт» в высказываниях активистов. Опыт становится не суммой приобретенных знаний и представлений, а самими представлениями. Активисты не разъясняют, какой опыт или опыт чего они приобрели (скажем, организаторской работы или проведения субботника), они приобрели опыт во время какого-то действия или события: «*Это серьезный опыт для волонтеров нашей области*». Появляется даже выражение «*незаменимый опыт*». Не исключено, что такое словоупотребление является калькой с английского «experience».

Свое участие в студенческих движениях студенты-активисты квалифицируют как участие в «акции», «направлении», «организации досуговой деятельности»: «*Мне всегда моя работа нравилась. Времени при желании хватает на всё, потому что это не рутинная. Постоянное движение, возможность обучаться, выполнять какие-либо свои задачи... Студсовет был той школой, где я могла обучаться новым направлениям*». «**Направление**» – это еще и вполне различимая организация: «*А ещё запомнился африканский танец, который мы готовили с направлением*». Активист не скажет: «с друзьями», «с товарищами», он работает с «направлением», «движением», «инициативой», хотя вполне понятно, что «направление» или «движение» – это определенная организованная группа студентов: «*За время существования этой инициативы мы провели ряд флешмобов, акций по сбору мусора и опросов по улучшению городской среды. Девиз нашего движения: "Меняем город к лучшему"*».

Стабильность целого ряда устойчивых выражений в словаре студента-активиста приводит к появлению штампов, клишированных оборотов, которые кочуют от одного высказывания к другому. Среди таких штампов обращают на себя внимание слова и выражения: «команда», «командная работа», «личный рост», «площадка», «площадка для воплощения». Использование в речи этих выражений создает определенный речевой образ, включающий в себя набор высказываний, характерных для современных чиновников.

Студент-активист должен ощущать себя частью «команды единомышленников», об этом он постоянно говорит, этот факт словно вменен в его обязанность. В речи активиста мы находим имплицитно выраженный посыл: если ты часть команды, если ты реализуешь **инициативу** (не чье-то ру-

ководство к действию, а именно большой проект), тебя ждет «**личный рост**». «Личностный рост» становится, по-видимому, неким бонусом для студента-активиста, шагом к карьере: «*Кроме того, студенческие отряды помогают в карьерном плане. Появилась возможность стать командиром линейного отряда, и дослужиться до комиссара регионального отделения. Для будущих руководителей это хороший опыт*».

Столь же популярным стало и слово «**креативный**». Оно уже практически заменило собой понятие «творческий». «Креативный» косвенно включает в себя не только объем понятия «творческий», но и, судя по контексту, такие категории, как «инициативный», «самостоятельный», «способный организовать других»: «*моя креативность позволила вовлечь всю группу*», «*это было креативно, потому что от начала до конца я все смогла сделать сама*».

Еще одно выражение, пришедшее в мир студентов-активистов из СМИ, это выражение «**на момент**». Ставшее исключительно частотным в последнее время, употребляемое с очевидной ошибкой в использовании предлога, «на момент» буквально пропитывает речь активиста: «*на момент моего председательства*» (ср.: в период, во время), «*на момент моей поездки*», «*на тот момент*» или даже «*на тот момент времени*».

Речевой образ¹ студента-активиста будет неполон без слова «**мотивированный**». При этом «мотивированный» предполагает предлог «на» (вместо предлога «к») в постпозиции. Все эти «**мотивированные на**» новые свершения, дела, получение профессии, победу в соревновании становятся важной частью требования к себе и другим участникам «команды» активистов: «*Это очень мотивирует на дальнейшую работу*». Если мотивированность понимается как «процесс», «движение к чему-то», то это движение к лидерству. Любый начинающий студент-активист стремится рано или поздно занять лидирующее положение в «команде». Не случайно в среде активистов столь популярны сегодня «школы лидеров», «модели студенческого лидерства», «лидеры России».

«**Мотивированность**» связана еще с одной константой в речи студента-активиста – мыслью об «**успешности**»: «*нужно быть успешным*», «*я стал успешным*». Свою деятельность по воплощению «инициатив» студенты, таким образом, связывают с категорией успеха, если не сегодняшнего, то завтрашнего. Успех, успешность не приходят сразу, а потому первый шаг молодые активисты связывают

¹Об одном из видов языкового образа см. [2].

с появлением **«шанса»**. **«Шанс»** становится еще одним ключевым понятием в концептосфере студента-активиста, при этом активист и **«получает шанс»** из рук старших товарищей – лидеров студенческого движения, и **«дает шанс»** другим, начинающим, активистам.

Составляющим речевого образа активиста являются проявления современного, востребованного и публицистической, и бюрократической сферой канцелярита: **«в рамках», «также»** в начале многих предложений: *«также мне не раз пригодился мой опыт»*.

Активист не учится, а **«сидит на парах»**, он не волнуется, потому что **«стрессоустойчив»**, он не просто действует, а **«выходит из зоны комфорта»**: *«Мы смогли с командой волонтеров выйти из зоны комфорта и настоящему зажечь»*.

Студент-активист, рассказывая о событиях, вольно или невольно создает собственный положительный образ. В отличие от старших товарищей из мира чиновников, которые научились говорить без использования местоимения первого лица, студент-активист с удовольствием и вдохновенно ставит именно себя в сильную позицию: **«Я не сдался», «я добился», «я достиг»**. Это настойчивое **«Я»** решает несколько задач высказывания. Во-первых, это демонстрация позитивного опыта («делай, как я») для других, только еще начинающих или будущих студентов-активистов. Во-вторых, это публичное признание собственных заслуг («а почему нет, пусть все знают»). В-третьих, это своего рода речевое селфи (запечатлеваем каждый момент жизни, потом будет интересно посмотреть-почитать). Кстати, в некоторых высказываниях студентов-активистов в качестве итоговой-резюмирующей фразы звучит мысль: буду рассказывать об этом детям и внукам.

Интересно, что с этим продвижением **«Я»** связан и факт реанимирования в речи студента-активиста старинного советского оборота **«личным примером»**. Про личный пример, на котором должны воспитываться начинающие, говорят многие активисты. И этот личный пример подает сам говорящий. Из старого в новый язык активиста вернулись **«работать с душой», «сделать с огоньком»**: *«Ведь если ты проводишь мероприятия с душой, работаешь с теми людьми, которым это интересно, то ты сам заряжаешься позитивными эмоциями»; «И если до того дня я раздумывала, стоит ли продолжать свою деятельность, то после форума поняла: хочу показать всем, кто меня окружает, что доброволец – это призвание, которым стоит гордиться»*.

В. В. Дементьев пишет о роли коммуникативной тональности в высказывании, где особенно важна «степень серьезности» [3: 11]. Так вот в речи студента-активиста степень серьезности очень высока. Ирония, шутка, игра слов сведены здесь к нулю. Даже молодежный сленг в ней уходит далеко на задний план. Элемента сленга, безусловно, присутствуют, но они вмонтированы в клишированные высказывания, а потому воспринимаются также элементами клише. Исключение составляют слова **«круто», «крутой»** (вариант – **«классно»**): *«крутая дискотека», «это было действительно классно»*. Эти жаргонизмы-позитивы пропитывают речь студента-активиста, подытоживают каждую часть высказывания, становятся главным способом оценивания ситуации, участия в какой-то большой «инициативе» или становятся оценкой других участников «команды». В системе ценностей студента-активиста нет места унынию или разочарованию. О своей работе он всегда говорит исключительно в позитивном ключе, масштабируя сделанное в превосходных степенях. Это не кажется завышенной самооценкой говорящего или следствием недопонимания реального вклада. Скорее, это искреннее осознание своего дела как очень важного, неперемного, востребованного людьми: *«Признание твоего дела – это невероятное чувство. Победа для меня – показатель того, что мы делаем что-то не напрасно и реализуем дело, которое поддерживают и принимают»*.

Встречаются в речи активистов и другие жаргонные словечки: **«тусовка», «тусоваться»**, однако чаще всего они обладают коннотацией осуждения: *«некоторые молодежные тусовки», «сначала я думал, что здесь будем тусоваться»*. **«Тусовке»** противостоят участники **«команды»** или – шире – организованной **«инициативы»**.

Замечено было и жаргонное употребление слова «эпичный», означающее в молодежной среде нечто особенно хорошее: *«Это было эпично и здорово»*.

Из англоязычных современных заимствований активисты любят слова «тайм-менеджмент», стрит-арт, драйв: *«У меня был расписан каждый час, это был жёсткий тайм-менеджмент»*.

Студент-активист контаминирует в одном высказывании слова и выражения из различных речевых пластов: *«Появилась некая синергия, помогающая в какие-то моменты менять образовательную программу под запросы участников»; «Особенно запомнилась последняя ночь, когда было невозможно оторваться от волшебного звездного неба. Путешествие сплотило нас и сделало одной крепкой командой»*.

Поскольку студенты-активисты чаще всего рассказывают о своем участии в ярких запоминающихся событиях, рассказчики заражаются настроением больших масс людей, собравшихся в большом зале, на стадионе, в олимпийской деревне, на площади молодежного фестиваля. Происходящая взаимная подзарядка влечет за собой и сам тип рассказывания – с восторженными интонациями, с попыткой поделиться эмоциональным состоянием, а, возможно, – похвастать перед окружающими (Я там был, видел, участвовал!). Вот почему в речи студента-активиста так часто используется слово «**эмоции**». По нашим наблюдениям, это одно из самых частотных слов: «*Эмоции от Года добровольца остались разные, но, безусловно, почти все они положительные*»; «*Когда активистам СГУ предложили поучаствовать в фестивале, я поняла, что это мой шанс получить новые эмоции, поэтому сразу же согласилась. Мы много репетировали и полностью отдавались процессу, и это того стоило! Все мои усилия окупились тем зарядом энергии, который я получила на сцене*»; «*Я никогда не забуду эмоции всех этих людей, их улыбки, безумный драйв*».

Стоит сказать, что слово это свойственно сегодня не только студенту-активисту, оно активно внедрено в теле- и интернет-пространство. Обозначение эмоции или эмоций (радость, восторг, счастливый момент жизни, удовольствие, веселье, ликование) заменяется выражением «*испытал эмоции*». В высказываниях студента-активиста то и дело встречаем: «*позитивные эмоции*», «*спортивные эмоции*», «*новые эмоции*», «*положительные эмоции*». Интересно понять, что это – недостаточность словарного запаса или дань моде? Эти и другие клише, свойственные речи активистов, дают основания считать, что устойчивые слова и выражения становятся возможностью высказываться «как все», использовать типовые речевые конструкции взамен индивидуализации высказывания.

Л. Р. Безуглая пишет: «Оценка человеком ситуации, вызывающей эмоции, базируется на трех компонентах: желательности, одобрения и привлекательности» [4: 34]. В нашем случае оценка ситуации намеренно стерта, передается своеобразным заменителем, эрзацем подлинной эмоции. Это именно эмоция, но без ее содержательного наполнения. С этим, вероятно, связано то, что ни одобрения, ни других компонентов оценки не наступает. Это и не требуется говорящему. Он констатирует факт, событие, которое заведомо окрашено «*положительной эмоцией*». Иными словами, можно сказать, что «одобрение» не требуется, потому что оно заложено

в самой констатации. Вообще любое событие, о котором говорит активист, не предполагает сомнений и колебаний. Это событие заведомо правильно, полезно, поскольку является важной частью «*движения*», «*акции*».

Студент-активист уверен в избранном деле и гордится своей причастностью к лидерской группе. Он говорит о наличии собственной корпоративной культуры, о постоянном самосовершенствовании, о стремлении к новизне, о студсовете как школе жизни. Важно, что нашим рассказчикам интересно то, что они делают, что свое дело они воспринимают как очень нужное людям. Высказывания наполнены примерами того, как идея была поддержана и в студенческой среде, и руководством факультета и вуза. Все это исключительно высоко ценится в среде студенческого актива: «*Студенческое самоуправление – это бесконечная жизнь. Если ты однажды в неё окунулся, то ты в ней остаёшься навсегда. Она затягивает, она сплачивает. К нам может прийти любой, и он непременно чему-то научится*».

Для студентов-активистов имеет значение то обстоятельство, что многое они осуществляют сами: «*Современный студенческий совет – это, в первую очередь, команда людей, которые занимаются студенческим самоуправлением, а не самоуправлением. Мы помогаем администрации вуза в развитии приоритетных программ и проектов, проводим опросы среди студентов для выявления наиболее значимых проблем и путей их решения. Сейчас мы не просто студенческая организация, а настоящая дружеская компания*»; «*У нас есть своя личная корпоративная культура, система мотивации и поощрения и, конечно, карьерный рост. Мы находим для выпускников Студсовета хорошие места трудоустройства, помогая им в дальнейшем. Мы считаем, что нас можно назвать состоявшейся взрослой компанией. С приходом нашей команды мы провели сильную реструктуризацию работы, полностью обновили дизайн организации, впервые создали настоящий полноценный брендбук, добавили и расширили состав Студсовета, провели новые обучающие школы и другие мероприятия с большим охватом студентов*».

Порой за стандартной фразой скрыта истинная и абсолютно личная причина участия в «*инициативе*» или «*движении*». Студент признается в том, что был замкнут, застенчив, некоммуникабелен, а «*работа в команде помогла мне стать более открытой и коммуникабельной*»; «*я перестал теряться перед большой группой однокурсников*»; «*мне удалось избавиться от заикания*».

Контекст высказываний студентов-активистов включает в себя наряду с клише настоящие откровения: *«Думаю, все должны друг другу помогать. Чем больше добра в мире, тем лучше. Замечательно, что можно вложить себя в такое дело и знать, что ты полезен»*; *«и если до того дня я раздумывала, стоит ли продолжать свою деятельность, то после форума поняла: хочу показать всем, кто меня окружает, что доброволец – это призвание, которым стоит гордиться»*.

При анализе высказываний студентов-активистов возникает вопрос об искренности этих высказываний. Клишированность речи, использование одних и тех же речевых оборотов разными студентами, замена обозначения подлинных эмоциональных состояний стертыми «эмоциями» позволяет предположить элементы некоторой неискренности говорящего [4: 30–37]. Н. Д. Арутюнова справедливо замечала, что «вместо объективного принципа истинности предложения в центре внимания оказался субъективный принцип искренности высказывания» [5: 55]. Однако в нашем случае, случае речевых самопрезентаций, свойственных студентам-активистам, представляется, что на первый план выдвигается не проблема искренности-неискренности, а проблема форм самовоплощения говорящего. Путь от сделанного к его речевому (заметим, чаще всего, публичному) воплощению сопровождается редуцированием простых (номинативных) понятий, живых реакций, исчезновением передачи непосредственных ощущений и впечатлений. Вместо всего этого в результате возникают клишированные тексты, наполненные речевыми оборотами, типовыми формами, принятыми в среде студенческого актива. Любое преодоление установленного формата, отклонение от него приводит не только к частичной утрате нужной для говорящего информации, но – главное – к осознанию говорящим потери своей идентичности в среде сверстников.

Безусловно, в рассказах студентов-активистов мы находим и вполне живые истории очевидцев – про сплав по реке, про курьезные случаи на Универсиаде, про купание в самом соленом озере России. Но как только речь заходит о «движении» или «инициативе», об «акции» или «отряде», ракурс рассказывания меняется, а образ студента-активиста воплощается через типовые конструкции.

Эти конструкции кажутся достаточно жесткими, активно функционирующими, подминающими под себя большинство ораторов из среды студентов-активистов. Интересно, что выявленные черты их речевого поведения появились не в результате инструктивных установок,

они сформировались самими участниками общего речевого пространства. Им комфортно в этом пространстве, они поняты и готовы понять другого.

Речевая стихия устного высказывания студента-активиста лежит в парадигме концептов «движение», «акция», «инициатива». Каждый из них находится в плоскости очевидной «правильности», некоей незыблемости. «Движение» и «акцию» не обсуждают с точки зрения целесообразности. Это материи, не требующие обсуждения, тем более, дискуссии. Говорящий и слушающий понимают друг друга, поскольку они были либо организаторами, либо участниками. Детали, подробности, описания в данном случае не требуются. В рассказы очевидцев-активистов никогда не входят диалоги, какие-нибудь лирические раздумья, отсутствуют здесь портретные или пейзажные зарисовки. В этих текстах публицистическое начало сведено к минимуму. При том, что основным персонажем является рассказчик, лирическая интонация здесь тоже исключена. Высказывания студентов-активистов в большинстве своем являются вариантом деловой коммуникации, включающей в себя как бюрократический сленг «взрослых», так и элементы молодежного жаргона². Интересно в перспективе сравнить высказывания студентов-активистов в официальной и неофициальной обстановке. Можно предположить, что разговорная стихия студента-активиста мало чем будет отличаться от устной непубличной речи любого студента.

Мы уверенно можем говорить вслед за М. М. Бахтиным [7] и об общих структурных особенностях, и о вполне четких границах высказывания, и о роли субъектов этих высказываний, и о норме экспрессивности (вернее, ее подчеркнутым отсутствии) в устной речи студентов-активистов. Очевидно, этих критериев достаточно, чтобы определить особенности народившегося жанра, сформированного устным высказыванием студента-активиста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хорошая речь / под ред. О. Б. Сиротининой. М.: ЛКИ, 2007. 317 с.
2. Никитина Л. Б. Языковой образ пожилого человека через призму оценочных речевых жанров // Жанры речи. 2014. № 1 (2). С. 89–95.
3. Деметьев В. В. Жанры в меняющемся мире: креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров // Жанры речи. 2019. № 1(21). С. 6–21.
4. Безуглая Л. П. Неискренние речевые акты и неискренние речевые жанры // Жанры речи. 2015. № 1(11). С. 30–37.

²О некоторых приметах такого рода в современном языке см. [6: 712].

5. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Языки славянской культуры, 2005. 384 с.

6. Современный русский язык: Актуальные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянской культуры, 2008. 712 с.

7. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.

REFERENCES

1. O. B. Sirotinina, ed. *Khoroshaya rech* [The Good Speech]. Moscow, LKI Publ., 2007. 317 p. (in Russian).

2. Nikitina L. B. Yazykovoy obraz pozhilogo cheloveka cherez prizmu otsenochnykh rechevykh zhanrov [The Speech Image of a Senior Through the Judgemental Speech Genres]. *Zhanyr rechi* [Speech Genres], 2014, no. 1 (2), pp. 89–95 (in Russian).

3. Demytyev V. V. Genres in Changing World: Creationistic Potentials of Speech Genres and Epistemological

Potentials of the Theory of Speech Genres. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 6–21 (in Russian).

4. Bezuglaya L. R. Neiskrenniye rechevyye akty i neiskrenniye rechevyye zhanry [Insincere Speech Acts and Insincere Speech Genres]. *Zhanyr rechi* [Speech Genres], 2015, no. 1 (11), pp. 30–37 (in Russian).

5. Arutyunova N. D. *Predlozheniye i yego smysl* [The Sentence and its Meaning]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2005.

6. *Sovremennyy russkiy yazyk: Aktual'nyye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [The Modern Russian Language: The Current Processes on the Brink of the 20th–21st centuries]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2008. 712 p. (in Russian).

7. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. In: M. M. Bakhtin. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of the Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 237–280. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 03.04.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Елина Е. Г. Устный рассказ студента-активиста как речевой жанр // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 193–199. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-193-199>

For citation

Elina E. G. The Oral Narrative of a Student Activist as a Speech Genre. *Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 193–199 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-193-199>

УДК 811.161.1'38'367.624.5

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-200-206>

А. В. Дегальцева
Саратов, Россия

Anna V. Degaltseva
Saratov, Russia

Особенности употребления наречий образа действия в научной статье

Aspects of the Use of Adverbs of Manner in an Academic Article

Изучение жанров научной речи является одной из актуальных проблем современных лингвистических исследований, чем и обусловлен выбор темы данной работы. В статье рассматриваются синтаксические и семантические особенности наречий образа действия, функционирующих в жанре научной статьи. Исследование проводится на материале статей, опубликованных в русских сборниках и журналах, относящихся к разным областям научного знания.

Согласно проанализированным данным, большинство наречий образа действия выступает в роли собственно второстепенных членов предложений. Среди них преобладают местоименные наречия так, как, а также группы слов со значениями активности, опосредованности, привычности, способа совершения действия или протекания процесса. В научной статье довольно широко распространены параметрические наречия и лексемы, называющие точку зрения или позицию, в рамках которой автор статьи оценивает различные процессы или явления.

Наречия-детерминанты менее распространены в данном жанре. Чаще всего они употребляются учёными для оценки собственных работ или труда коллег с точки зрения убедительности, достоверности, аргументированности, обоснованности, объективности и логичности.

Наречия образа действия в позиции сказуемого обычно входят в предложения, построенные по модели Inf Adv-o, и выражают оценку действия или состояния, названного инфинитивом.

Ключевые слова: научная речь, жанр научной статьи, наречие, наречие образа действия, функции наречий образа действия.

The study of the genres of academic speech is one of the topical problems of modern linguistic research, and this explains the choice of the theme of this work. The article discusses the syntactic and semantic features of the adverbs of manner, functioning in an academic article. The study is based on the articles published in Russian collections of articles and journals belonging to different academic fields.

According to the results of the analysis, the majority of adverbs of manner act as secondary members of sentences. Most of them are pronominal adverbs and groups of the words with the meaning of activity, indirectness, habitual actions, mode of action or process. Parametric adverbs and words, naming the point of view or the position, through which the author evaluates various processes or phenomena are quite common in the academic article. Adverbs-determinants are less common in this genre. More often they are used by scholars to evaluate their own work or the work of their colleagues in terms of persuasiveness, reliability, validity of argumentation, objectivity and logicity.

Adverbs of manner in the position of the predicate are usually included in the model Inf Adv-o and express the evaluation of the action or state expressed by the infinitive.

Keywords: academic speech, academic article, adverb, adverb of manner, functions of adverbs of manner.

Сведения об авторе: Дегальцева Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

E-mail: deganna@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

About the author: Degaltseva Anna Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language, Speech Communication and Russian as a Foreign Language.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: deganna@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Введение

Во второй половине XX – начале XXI в. наблюдается повышенный интерес к изучению научного дискурса. Анализируются лексико-стилистические средства, функционирующие в научной коммуникации [1–8], изучаются жанровые разновидности научной речи [9–12].

Многие лингвистические жанроведческие работы опираются на фундаментальную теорию М. М. Бахтина. В ней под речевыми жанрами понимаются относительно устойчивые в тематическом, композиционном и стилистическом отношении типы высказываний [13]. К. Миллер, работы которой во многом определили направление изучения нехудожественных жанров речи в западной лингвистике, считает жанр социальным актом, воплощенным в текстовой форме и являющимся реакцией на типическую (повторяющуюся) ситуацию [14]. К. Ф. Седов, изучавший жанры речи в психолингвистическом аспекте, также акцентировал внимание на связи речевого жанра с ситуацией общения. Он определял жанры речи как вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия [15].

Одним из жанров научной речи является статья. В современных работах анализируется жанровая специфика научной статьи [16–19], рассматривается речевое поведение её автора [20], уделяется внимание методологии написания и редактирования текста исследовательской работы [21].

К жанрам научной речи относятся аннотация, лекция, отзыв, реферат, рецензия, справочник, учебник и др. [22]. Жанр научной статьи является одним из основополагающих в научной литературе [16], поскольку небольшой объём и относительная быстрота опубликования позволяют лаконично и оперативно ознакомить научное сообщество с результатами проведенных исследований. Именно поэтому научная статья входит в круг информативных речевых жанров [23]. Построение полевой структуры научного стиля речи позволило Е. С. Троянской сделать вывод о том, что жанр статьи входит в его ядерную зону [19].

Согласно теории М. М. Бахтина, жанр научной статьи, как и другие типовые формы отражения результатов научно-исследовательской работы, относится к вторичным (сложным) жанрам [13]. Идеальная и абстрактная модель речевого жанра находит отражение в конкретных формах. Качественные различия, существующие между отдельными воплощениями жанра научной статьи, нередко обусловлены направлением исследования. По наблюдениям В. А. Косовой, гуманитарные работы отличаются от естественнонаучных

и технических стремлением к размышлению, отсутствием безапелляционности суждений, а также ярким проявлением авторского начала, выражающимся в языковом творчестве и отражении в тексте картины мира и ценностных ориентиров пишущего [18].

В данной работе обратимся к изучению наречий образа действия, функционирующих в жанре научной статьи. Наречия образа действия – это группа собственно-характеризующих наречий, в которой представлены разнообразные виды значений качества и свойственности [24]. Интерес к этой группе наречий обусловлен её разнообразием и частотой встречаемости.

Материал и методика исследования

Исследование проводится на материале текстов современных научных статей (за 2007–2017 гг.), в которых отражены результаты естественнонаучных и гуманитарных исследований. Использованы данные сборника «Проблемы речевой коммуникации» (Саратов), а также журналов «Известия Саратовского университета. Новая серия», «Аналитика культурологии», «Известия государственного педагогического университета им. А. И. Герцена», «Вестник Тамбовского университета», «Вестник науки Сибири», «Современные проблемы сервиса и туризма», «Вестник Вятского государственного университета», «Национальный психологический журнал», «Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития», «Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева», «Знание. Понимание. Умение», «Проблемы управления», «Вестник Самарской гуманитарной академии». Общий объём материала составил 25000 предикативных единиц.

В работе использованы сопоставительный, интерпретативный, логико-синтаксический методы, метод компонентного анализа, приёмы сплошной выборки и количественного анализа.

Функции наречий образа действия в научной статье

Изучение лексических и грамматических особенностей научного стиля речи показывает, что наречия распространены в нём не слишком широко, по сравнению с существительными, прилагательными и глаголами [7]. Они часто образуются от относительных прилагательных, что объясняется абстрактностью понятийного мышления, и используются в основном для характеристики научно значимых свойств предметов или явлений [4]. Научная картина мира формируется на базе понятий, а не образов [25], поэтому большинством

наречий образа действия используются в научной статье для информативности и ёмкости изложения, а не в качестве средства выразительности речи, что свойственно, например, художественной прозе или публицистике.

Наречия образа действия выполняют в тексте научной статьи различные синтаксические функции. Они являются собственно и несобственно второстепенными членами предложения (детерминантами) [26], сказуемыми в двусоставных или односоставных предложениях, а также входят в состав сказуемых, вступая в комплетивные отношения с глагольной лексемой.

Количественный анализ показал, что 43% наречий образа действия используются авторами научных статей в роли собственно второстепенных членов предложений. Среди них, помимо широко распространенных качественно-характеризующих местоименных наречий *так* и *как*, преобладают группы слов со значениями:

- 1) активности совершения действия или протекания процесса: *К проводимым научным исследованиям всегда **активно** привлекались студенты и аспиранты биологического факультета;*
- 2) опосредованного или непосредственного характера совершения действия: *Научно-популярная статья характеризуется рядом языковых особенностей, **прямо** или **косвенно** указывающих на личность автора;*
- 3) свойственности обычая или традиции: *Деньги **традиционно** относят к ведомству экономики; Бои происходили **обыкновенно** в селах в праздничные дни;*
- 4) исходной позиции суждения, восприятия или оценки. Такие наречия занимают в высказывании позицию, свойственную актантам, выполняя функцию директива [27]. Например, *Осло располагается именно в таком **географически** особом месте <...>*. Наречие *географически* в данном высказывании имеет значение, которое могли бы передать словосочетания *с точки зрения географии/с позиции географии/в географическом отношении*. Такие наречия Е. Л. Рудницкая рассматривает в качестве детерминантов [28]. Ср. под.: *Так, например, второй по величине технопарк США Reseach Triangle в Северной Каролине, по многочисленным рейтингам, часто признается **географически, климатически, институционально** и **инфраструктурно** наиболее благоприятным местом для населения и ведения инновационного бизнеса;*
- 5) способа, метода или инструмента совершения действия. В высказывании такие

группы слов могут называть метод, с помощью которого произведено научное доказательство: ***Экспериментально** доказано ингибирующее влияние фитозкстрактов на интенсивность процессов перекисного окисления липидов биомембран; Подобно научным теориям, практическое знание может использоваться **дедуктивно** в создании улучшенных или новых технологий;*

- 6) параметров действий, объектов или явлений: *Реклама на телевидении и радио <...> в настоящее время **быстро** теряет свою значимость; Амур же на данном отрезке реки **глубоко** врезан в скальные породы;*
- 7) степени выраженности процесса или явления: *Товарный знак **имплицитно** или **эксплицитно** дает положительную оценку товару; При этом они (**явно** или **неявно**) рассматривают требования и нужды «посредников» образовательного процесса.*

Другие семантические типы наречий встречаются в жанре научной статьи нечасто.

Около 20% составляют наречия образа действия, выступающие в качестве детерминирующих членов предложения. К таким синтаксемам мы относим адвербиальные компликаторы – лексемы, грамматически зависящие от глагола-предиката, но семантически соотносящиеся с актантом пропозиции или характеризующие всю ситуацию. Класс наречий, выступающих в качестве свободных распространителей предложений, характеризуется следующими признаками: отсутствием присловной связи, смысловой отнесенностью ко всему предложению или к нескольким его компонентам, способностью входить в разные семантические модели и структурные схемы предложений, наличием свёрнутой пропозиции, способностью к потенциальной предикативности, возможностью передавать значения обусловленности, а также вхождением в речевую часть высказывания. Таким образом, статус детерминанта определяется совокупностью грамматических, семантических, коммуникативно-прагматических свойств синтаксем, а также зависит от её позиции в предложении [26].

Адвербиальные компликаторы, функционирующие в жанре научной статьи, чаще всего характеризуют ситуацию. Они содержат в себе побочную пропозицию, которая разворачивается в диктумный или модусный планы высказывания. Автор научной статьи использует наречия-компликаторы преимущественно для характеристики труда других исследователей с позиций убедительности, достоверности, аргументированности и обоснованности, уместности: *В исследованиях К. К. Платонова **убедительно** показано, что профессиональная направленность личности немислима без ин-*

тереса к данной профессии; **Достоверно** показаны последствия влияния твердых частиц на смертность людей; Но И. М. Романов сумел **аргументированно** доказать научность темы и необходимость её разработки; При решении этой проблемы автор книги **весьма уместно** приводит в пример попытку В. Э. Патона, предлагающего разделить прибыль на два потока <...>.

Кроме того, наречия-компликаторы позволяют пишущему оценивать ментальные операции с точки зрения объективности, логичности и непротиворечивости: **Всё это объективно** приводит к необходимости рассмотрения различных сценариев действия; С опорой на данный фрейм **непротиворечиво** описывается система упражнений; <...> к проблеме морфологии **логично** присоединяется проблема динамики культурных форм.

Помимо этого, адвербиальные компликатеры используются учёными, для того чтобы квалифицировать действия субъекта, о котором идёт речь в статье, как обоснованные или лишённые мотивации, законные или неправомерные, эффективные или неэффективные и др.: Судья **необоснованно** исключил из разбираемого дела протокол обыска в служебном кабинете К. <...>; В судебном решении суд должен **мотивированно** указать, почему данное лицо не обладает возможностью на подачу жалобы; Если при занятии незаконной предпринимательской деятельностью лицо **незаконно** использует чужой товарный знак, <...> содеянное им надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 171 и 180 УК РФ; Федерация **безуспешно** пыталась наладить процесс мирных переговоров <...>.

Адвербиальные компликатеры также служат показателями персуазивности: с их помощью авторы научных статей выражают уверенность или сомнение в передаваемых фактах: **Уверенно** можно сказать одно – образование в России всё в большей степени становится экономическим бременем <...>; В высокой степени **необратимый** процесс подвода тепла совместно с неизбежными потерями давления полного торможения **очевидно** приводят к ухудшению характеристик двигателя.

Рассмотрим наречия, способные выполнять в высказывании предикативную функцию. Наречия, входящие в состав сказуемого и вступающие в комплетивные отношения с глаголом, составляют 23% от общего числа проанализированных синтаксем. Семантически они довольно разнообразны: **Много** говорит о проишедшем с ним, **болезненно** реагирует на прикосновение или попытки перенести его; **Образно** концептуализируются опреде-

ленные участки темпорального пространства.

Наречия образа действия, выступающие в качестве сказуемого в предложениях, построенных по структурной схеме *Inf Adv-o*, составляют 8% от общего количества проанализированных синтаксем. Наречия, которые используются в предложениях, построенных по данной модели, обычно содержат в своей синтаксической структуре оценочный компонент. В научной картине мира оценка заключена в понятиях об эффективности или неэффективности, правильности или неправомерности, обоснованности или необоснованности совершенных действий и принятых решений [25]. Поэтому наречия в таких высказываниях обычно используются, чтобы охарактеризовать ситуацию с точки зрения эффективности, целесообразности, соответствия правильности, справедливости, этике или закону: **Развивать кластер в отрыве от развития региона в целом неэффективно**; **Целесообразно** совершенствовать форму оплаты дебиторской задолженности и стремиться к ее полному взысканию; **Сводить всё содержание художественного произведения к одной проблеме было бы несправедливо**. Такие наречия отражают авторское отношение к рассматриваемым вопросам, а также выражают принятую в социуме или научном сообществе оценку явления. **Причину подобного акцентного внимания угадать несложно**; Если человек не понимает, что курить **вредно**, и даже **смертельно вредно**, то говорить с ним о методах борьбы с курением **бесполезно**; Но без доверия работать **трудно**.

Порядок следования компонентов структурной схемы может быть изменён в зависимости от коммуникативной задачи пишущего. Варианты реализации структурной схемы, при которых наречие-рема находится в позиции, являются экспрессивными, однако их экспрессивный характер ослабляется или утрачивается, если глагол обозначает процесс восприятия, мыслительную деятельность или эмоциональное состояние человека [24]: **Трудно и радостно вспомнить о долгой совместной работе с Наумом Лазаревичем Лейдерманом**. Подобные варианты часто встречаются в сложноподчинённых предложениях, свойственных научной речи: **Таким образом, интересно** отметить, что у главного героя есть **маски-зеркала** лишь в начале его **земного пути**.

Наречия образа действия могут являться предикатом в предложениях, построенных по структурной схеме *N1 Adv-o*. Однако эта модель встречается в жанре научной статьи очень редко: она составляет около 1% от проанализированных высказываний: **Более того,**

проведение экспертиз для решения подобных задач **нецелесообразно**; Применение гипноза к подозреваемому или обвиняемому **недопустимо**.

Часть качественных наречий имеет синтаксически обособившиеся значения и выступает в функции главного члена однокомпонентного предложения [24]. Наречия, выступающие в качестве сказуемого односоставного предложения, составляют 5% от общего количества проанализированных синтаксем. Чаще всего они употребляются в сложноподчиненных предложениях с придаточными изъяснительными и выражают ментальное состояние автора статьи: *Из контекста неясно, что же было решено: отклонить вариант или, наоборот, принять его; Причём любопытно, что именно в этом отношении наименования домашних и диких животных ведут себя по-разному.*

Заключение

Таким образом, среди наречий образа действия в научных статьях преобладают синтаксемы, являющиеся собственно второстепенными членами предложения. Они характеризуют действия, процессы или явления с точки зрения активности, опосредованности или непосредственности, а также привычности их совершения или протекания. Помимо этого, наречия образа действия используются в научной статье для характеристики параметров изучаемых объектов.

Среди наречий образа действия в научной статье встречается много лексем, называющих метод или способ совершения действия, а также именующих позицию, в рамках которой субъект даёт оценку действию или явлению. Это, по-видимому, объясняется тематическими и структурными особенностями научных текстов. Согласно нашим наблюдениям, в других сферах общения подобные наречия представлены незначительно.

Наречия образа действия, являющиеся детерминирующими членами предложения, менее распространены в жанре научной статьи. Среди них преобладают такие, которые используются учёными для оценки собственных работ или труда коллег с точки зрения убедительности, достоверности, аргументированности и обоснованности, объективности, логичности и непротиворечивости.

Наречия образа действия, выступающие в функции сказуемого, обычно входят в предложения, построенные по модели *Inf Adv-o*. Они выражают оценку действия или состояния, названного инфинитивом. В философии науки знание и оценка противопоставляются друг другу [25]. Однако благодаря такой моде-

ли построения предложения осуществляется введение оценочной деятельности в деятельность познавательную.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Камшилова О. Н. Малые формы научного текста: ключевые слова и аннотация (информационный аспект) // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2013. № 156. С. 106–117.
2. Козут С. В. Дискурсивные маркеры в русскоязычных и немецкоязычных геологических научных статьях // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 380. С. 18–23.
3. Колесникова Н. И. Что важно знать о языке и стиле научных текстов // Высшее образование в России. 2010. № 3. С. 130–137.
4. Котурова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта; Наука, 2007. 280 с.
5. Котурова М. П. Стилистика научной речи: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Академия, 2012. 240 с.
6. Муранова О. С. Способы выражения позиции автора в тексте научно-популярной статьи // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 89. С. 238–244.
7. Сенкевич М. П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений: учеб. пособие для студентов спец. «Журналистика». М.: Высш. шк., 1976. 263 с.
8. Сердобинцева Е. Н. Профессионализмы в научном стиле // Изв. ПГПУ им. В. Г. Беллинского. 2011. № 23. С. 241–244.
9. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи: сб. науч. тр. / отв. ред. В. Е. Гольдин. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 99–111.
10. Денисова Н. В. Рекламные жанры научно-образовательного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 26 с.
11. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с.
12. Самойлова И. В. Периферийные речевые жанры научного текста в аспекте авторской индивидуальности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2009. 20 с.
13. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 249–299.
14. Miller C. Genre as Social Action // Quarterly Journal of Speech. 1984. Vol. 70, iss. 2. P. 151–167.
15. Седов К. Ф. Психолингвистический аспект изучения речевых жанров // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / под ред. К. Ф. Седова. М.: Лабиринт, 2007. С. 124–136.
16. Архипова Е. И., Казакова О. А. Жанровая специфика научной статьи по лингвистике (на материале русского языка) // Вестн. науки Сибири. 2013. № 1 (7). С. 263–270.
17. Галанова О. А. Жанр научной статьи как форма культуры // Медицина и образование в Сибири. 2013. № 6. URL: http://www.ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=1182
18. Косова В. А. Трансформация жанра научной статьи или выделение жанровых разновидностей? // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 224–234.

19. Троянская Е. С. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М.: Наука, 1984. С. 16–27.

20. Шубина Н. Л. Речевое поведение автора научной статьи // *Universum: Вестн. Герцен. ун-та*. 2007. № 6. С. 53–56.

21. Мейдер В. А. Научная статья. Какая она? (методика и методология) // *Вестн. ВолГУ. Сер. 6: Университетское образование*. 2007. № 10. С. 108–112.

22. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. 338 с.

23. Шмельова Т. В. Модель речевого жанра // *Жанры речи: сб. науч. трудов / отв. ред. В. Е. Гольдин*. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–99.

24. Русская грамматика: в 2 т. / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2. Синтаксис. 709 с.

25. Сорока М. Ю., Булычев И. И. Проблема структуры научной картины мира // *Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология*. 2015. № 3 (23). С. 32–40.

26. Дегальцева А. В. К вопросу о статусе адвербиальных компликативов в синтаксической системе русского языка // *Филология и человек*. 2017. № 2. С. 104–111.

27. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1988. 439 с.

28. Рудницкая Е. Л. Сентенциальные наречия в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 22 с.

REFERENCES

1. Kamshilova O. N. Keywords and abstracts as small forms of academic text (informational aspect). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, 2013, no. 156, pp. 106–117 (in Russian).

2. Kogut S. V. Discourse markers in Russian and German geological scientific papers. *Tomsk State University Journal*, 2014, no. 380, pp. 18–23 (in Russian).

3. Kolesnikova N. I. What is important to know about the language and style of scientific texts. *Higher Education in Russia*, 2010, no. 3, pp. 130–137 (in Russian).

4. Kotyurova M. P., Bazhenova E. A. *Kul'tura nauchnoj rechi: tekst i ego redaktirovanie. 2-e izd.* [Culture of scientific speech: text and its editing. 2nd ed.]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2007. 280 p. (in Russian).

5. Kotyurova M. P. *Stilistika nauchnoj rechi. 2-e izd.* [Stylistics of scientific language. 2nd ed.]. Moscow, Academia Publ., 2012. 240 p. (in Russian).

6. Muranova O. S. Means of expressing the author's position in a popular science article. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, 2009, no. 89, pp. 238–244 (in Russian).

7. Sienkiewicz M. P. *Stilistika nauchnoj rechi i literaturnoe redaktirovanie nauchnykh proizvedenij* [Stylistics of the scientific speech and literary editing of scientific works]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1976. 263 p. (in Russian).

8. Serdobintseva E. N. Professionalisms in scientific style. *Proceedings of Penza state pedagogical university named after V. G. Belinsky*, 2011, no. 23, pp. 241–244 (in Russian).

9. Wierzbicka A. Rechevyje zhanry [Speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: coll. of sci.

art.]. Saratov, GosUNTs "Kолledzh", 1997, iss. 1, pp. 99–111 (in Russian).

10. Denisova N. V. *Reklamnye zhanry nauchno-obrazovatel'nogo diskursa* [Advertising genres of scientific-educational discourse]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tomsk, 2008. 26 p. (in Russian).

11. Salimovskij V. A. *Zhanry rechi v funkcional'no-stilisticheskom osveshchenii (nauchnyj akademicheskij tekst)* [Speech genres in the functional-stylistic study (academic text)]. Perm', Izd-vo Perm. un-ta, 2002. 236 p. (in Russian).

12. Samojlova I. V. *Periferijnye rechevyje zhanry nauchnogo teksta v aspekte avtorskoj individual'nosti* [Peripheral speech genres of scientific text in the aspect of author's individuality]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Perm', 2009. 20 p. (in Russian).

13. Bakhtin M. M. Problema rechevyh zhanrov [The problem of speech genres]. In: M. M. Bakhtin. *Avtor i geroj: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [The author and the hero: To philosophical bases of humanities]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2000, pp. 249–299 (in Russian).

14. Miller C. Genre as Social Action. *Quarterly Journal of Speech*, 1984, vol. 70, iss. 2, pp. 151–167.

15. Sedov K. F. Psiholingvisticheskiy aspekt izucheniya rechevyh zhanrov [Psycholinguistic aspect of speech genres] In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres: daily communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007, pp. 124–136 (in Russian).

16. Arkhipova E. I., Kazakova O. A. Genre specificity of a linguistic research article (in Russian language). *Siberian Journal of Science*, 2013, no. 1 (7), pp. 263–270 (in Russian).

17. Galanova O. A. Genre of scientific article as culture form. *Medicine and Education in Siberia*, 2013, no. 6. Available at: http://www/ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=1182 (in Russian).

18. Kosova V. A. Transformation of the genre of scientific article or genre specification? *Scientific notes of the Kazan University. Ser. Humanities*, 2007, no. 1, pp. 224–234 (in Russian).

19. Troyanskaya E. S. Polevaya struktura nauchnogo stilya i ego zhanrovyykh raznovidnostej [Field structure of scientific style and its genre versions]. In: *Obshchie i chastnye problemy funkcional'nykh stilej* [General and private problems of functional styles]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 16–27 (in Russian).

20. Shubina N. L. Speech behavior of the author of the scientific article. *Universum: Bulletin of Herzen University*, 2007, no. 6, pp. 53–56 (in Russian).

21. Maider V. A. Research paper. What is it? (methods and methodology). *Bulletin of the VolGU. Ser. 6: University education*, 2007, no. 10, pp. 108–112 (in Russian).

22. Dementyev V. V. *Kommunikativnye cennosti russkoj kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative values of Russian culture: the category of personality in the lexicology and pragmatics]. Moscow, Global Kom Publ., 2013. 338 p. (in Russian).

23. Shmelyova T. V. Model' rechevogo zhanra [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: coll. of sci. art.]. Saratov, GosUNTs "Kолledzh", 1997, iss. 1, pp. 88–99 (in Russian).

24. *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 vols. Ed. by N. Yu. Shvedova]. Moscow, Nauka Publ., 1980. Т. 2. Синтаксис [Vol. 2. Syntax]. 709 p. (in Russian).

25. Sорока М. Ю., Булычев И. И. The problem of the scientific view of the world's structure. *Perm University Bul-*

letin. Philosophy. Psychology. Sociology, 2015, no. 3 (23), pp. 32–40 (in Russian).

26. Degaltseva A. V. To the question of the status of adverbial complicators in the syntactical system of the Russian language. *Philology and man*, 2017, no. 2, pp. 104–111 (in Russian).

27. Zolotova G. A. *Sintaksicheskij slovar': Repertuar ehlementarnyh edinic russkogo sintaksisa* [Syntactic dictio-

nary. The repertoire of elementary units of Russian syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 439 p. (in Russian).

28. Rudnickaya E. L. *Sentencial'nye narechiya v russkom yazyke* [Sentential adverbs in Russian language]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 1993. 22 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 13.11.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дегальцева А. В. Особенности употребления наречий образа действия в научной статье // *Жанры речи*. 2019. № 3 (23). С. 200–206. DOI: <https://dx.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-200-206>

For citation

Degaltseva A. V. Aspects of the Use of Adverbs of Manner in an Academic Article. *Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 200–206. DOI: <https://dx.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-200-206>

УДК 811'161.1'276'38

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-207-214>

Лю Цзыхуэй,
Е. В. Маркасова
Пекин, Китай

Liu Zihui,
Elena V. Markasova
Beijing, China

Конструкция «я бы на твоём / ты бы на моём месте»: о связи между «я-сферой» и выбором речевого жанра

The Russian Construction “ya by na tvoyom meste/ty by na moyom meste” (“if i were you/if you were me”): about the Link between the I-sphere and the Choice of a Speech Genre

В статье анализируется конструкция, которая употребляется и по инициативе говорящего, и как реакция на просьбу, в двух речевых жанрах (совета и комплимента). Гипотетическая подстановка «я» на место «ты» («я бы на твоём месте») и «ты» на место «я» («ты бы на моём месте») может быть в большей или меньшей степени конфликтным фактором. Переменными, от которых зависит прагматика конструкции, являются отношение действия, спровоцировавшего высказывание, к моменту речи и тип проецирования адресантом своего поведения на поведение адресата. Исследование показывает, что конструкция «я бы на твоём месте» в коммуникативном плане более конфронтационна, чем её аналог с вынесением на первое место местоимения второго лица («ты бы на моём месте») или притяжательного местоимения «твой» («на твоём бы месте я»). Адресант получает право на ранговый контроль над последующим развитием диалога и действиями собеседника, причем он претендует даже на действия собеседника, распространяемые на третьих лиц. Препозиция местоимения первого лица («я бы на твоём месте») демонстрирует также неспособность говорящего к эмпатии. Постпозиция («на твоём месте я бы») может означать либо знание особенностей адресата и умение взглянуть на ситуацию его глазами, либо претензию на это знание и умение. Однако и то и другое ко многому обязывает, потому вторая конструкция употребляется реже.

Ключевые слова: речевые жанры, совет, комплимент, доминирование, местоимение, коммуникация, я-сфера.

The construction analyzed in the article can be used both on the speaker's initiative and in response to a request. It is characteristic of two speech genres, advice and compliment. The hypothetical substitution of *ya* (me) with *ty* (you) (*ya by na tvoyom meste/ if I were you*) and *ty* (you) with *ya* (me) (*ty by na moyom meste/ if you were me*) can trigger conflict, to a greater or lesser extent. The relation between the action that provokes the utterance and the moment of speech, as well as the way in which speakers project their own behavior on addressees, may be the two variables determining the pragmatics of the construction. The study demonstrates that the construction *ya by na tvoyom meste* is more confrontational than its analog opening with the second-person pronoun (*ty by na moyom meste*) or with the possessive adjective “*tvooy*” (*na tvoyom by meste ya*). The speaker is entitled to a higher-rank control over the further development of the conversation and the interlocutor's actions, claiming even those actions on the interlocutor's part that are directed at third parties. Anteposition of the first-person pronoun (*ya by na tvoyom meste*) also demonstrates the speaker's incapability of empathy. Postposition (*na tvoyom by meste ya*) may signal either knowledge of the addressee's personality and the capacity for looking at things from the addressee's perspective, or a claim to that knowledge and capacity. However, since the latter construction is less frequently used, both the actual and pretended knowledge and skill impose certain obligations.

Keywords: speech genres, advice, compliment, domination, pronoun, communication, I-sphere.

Сведения об авторах: Лю Цзыхуэй, аспирант факультета русского языка и литературы Института русского языка и литературы.

Место работы: Пекинский университет.

E-mail: lzhzh28@126.com

<https://orcid.org/0000-0003-4551-3574>

Маркасова Елена Валерьевна, доктор филологических наук, филолог-лингвист факультета русского языка и литературы.

Место работы: Пекинский университет.

E-mail: markasovaelena@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9231-1476>

About the authors: Liu Zihui, Master of Russian Language and Literature of the Faculty of Russian Language and Literature.

Place of employment: Peking University.

E-mail: lzhzh28@126.com

<https://orcid.org/0000-0003-4551-3574>

Markasova Elena Valerjevna, Doctor of Philology, Philologist, Linguist of the Department of Russian Language and Literature.

Place of employment: Peking University.

E-mail: markasovaelena@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9231-1476>

Введение

Слова «я» и «ты» указывают на исполнителей ролей речевого действия [1: 89–90], и противопоставление «я и ты» само по себе банально. «Идентифицируя себя как единственное лицо, произносящее ‘я’, каждый из говорящих поочередно становится ‘субъектом’» [2: 292–294]. Немало важных идей по поводу безусловно положительного отношения к «я-сфере» и способам дистанцирования от «нея-сферы» высказано Б. Ю. Норманом [3: 45–46]. Кажется, все человечество озабочено этой проблемой, о чем говорит количество произведений, имеющих в названиях именно эти два местоимения: «Ты и я» или «Я и ты»¹. Но этот факт не играет никакой роли для человека, остро переживающего распределение статусов в ситуации здесь и сейчас. В употреблении «я» и «ты» отражается внутрианговая борьба за доминирование в коммуникации.

«Каждая модель речевого поведения реализуется в определённых базовых грамматических структурах» [4: 31]. Прежде мы писали о личных местоимениях в риторических вопросах [5: 225–247], в конструкциях с оптативом [6], о количестве «я» и «ты» как маркере романтического индивидуализма в диалоге [7]. Описание конструкций, основанных на гипотетическом представлении «я» на месте «ты» («я бы на твоём месте») и «ты» на месте «я» («ты бы на моём месте») продолжает серию статей о местоимениях в коммуникации и предполагает установление связи между «я-сферой» и выбором речевого жанра. На этот аспект изучения темы мы обратили внимание благодаря работам, посвящённым конструкции «if I were you» в общении с детьми [8: 359–379] и в СМИ [9: 117–132]. Эти исследователи считают, что эта конструкция может относиться не только к жанру совета (совета ожидаемого (запрашиваемого) или неожиданного (непрощёного), а также публичного или приватного), но и к жанру комплимента [10: 225–235].

В устной и в письменной речи могут быть разные варианты расположения слов: «я бы на твоём месте», «я на твоём месте», «я на твоём бы месте», «я на месте бы твоём», «на твоём бы месте я» и др. Интересны попытки говорящего по собственной инициативе поставить другого на свое место и предположить, что бы было в этой ситуации («ты бы на моём месте»). В употреблении разных вариан-

тов естественно ожидать различий, описанию которых и посвящена наша работа.

Материал. Подход и гипотеза

Теоретически в конструкции «я бы на твоём месте...» должно быть 120 вариантов словорасположения, но в реальности они немногочисленны. Так как варианты, предполагающие гипербат [11: 199–204], то есть подобные «я на бы твоём месте», невозможны, поиск в НКРЯ даёт всего 4 варианта: «я бы на твоём месте» – 130 примеров, «на твоём месте я бы» – 38 примеров, «я на твоём бы месте» – 1 пример, «на твоём бы месте я» – 2 примера. «Ты бы на моём месте» встречается ещё реже: 3 примера.

В таблице все примеры (материал собран в мае 2017 г.) разделены на 6 групп с учётом отношения действия к моменту диалога и интенции говорящего (выразить одобрение/неодобрение). Поскольку сама конструкция вносит в общение деструктивность, является агрессивной [12: 298–310; 13: 75–81; 14], мы учитывали агрессивность, наличие которой определялось по контексту.

Если оценивать соотношение по первому параметру, то получается, что количество конструкций без учёта вариантов словорасположения почти одинаково: в 74 примерах действие уже завершено к моменту диалога, а в 84 примерах действие не завершено к моменту диалога.

Одобрение после завершения действия (7 примеров) возможно реже, чем одобрение незавершённого или прогнозируемого действия (54 примера). При этом неодобрение завершённого действия (67 примеров) встречается чаще, чем неодобрение незавершённого или прогнозируемого (30 примеров).

В целом «я бы на твоём месте» – 120 примеров, а «на твоём месте я бы» – 38, то есть мы имеем соотношение 120 : 38, или 3 : 1. Если существенного влияния параметры, указанные в таблице, не оказывают, количественное соотношение между «я бы на твоём месте» и «на твоём месте я бы» должно быть приблизительно 3 : 1 во всех частях, но мы не видим такого соотношения в группах 1, 3, 5, 6. Чем это объясняется?

Конструкция может употребляться по инициативе говорящего (непрощёная реакция) и как реакция на просьбу. Мы предположили,

¹Егоров В. В. Я и ты : стихи. Архангельск, 1997. 156 с.; Копылова И. К. Ты и я. Ярославль, 1966. 39 с.; Орлова Т. Д. Ты и я. Минск, 1969. 238 с.; Ты и я : сборник / сост. Л. Антипина. М., 1989. 367 с.; Уэдсли О. Ты и я : роман. Рига, 1928. 210 с.; Эстиноса А. Все то, чем могли бы стать ты и я, если бы мы не были ты и я: [повесть] / пер. Н. Кротовой. М. ; Харьков, 2013. 204 с.; Яснов М. Олег Григорьев: «Я и ты – боль злобытия» // Григорьев О. Вся жизнь. СПб., 1994. С. 279–290; «Я и ты» – фильм режиссёра Б. Бертолуччи (2012), режиссёра М. Прово (2017); «Ты и я» (1971) – фильм режиссёра Л. Шепитько; «Ты и я» (*Toi et moi*) (2006) – фильм режиссёра Д. Лопеса-Кьюрваля; «Ты и я» (*You and I*) (2011) – фильм режиссёра Р. Жоффе. «Ты и я» (*Tu y Y*) (1996) – мексиканский телесериал.

Варианты конструкций с учетом законченности действия к моменту диалога и интенции говорящего
 Variants of Structure in Terms of the Parameters of Finality by the Moment of Speaking and the Speaker's
 Communicative Intention

К моменту диалога	Интенция говорящего		<u>Я бы на твоём месте</u>	<u>На твоём месте я бы</u>	<u>На твоём бы месте я</u>	Ты бы на моем месте	На моем месте ты бы	На моем бы месте ты
Действие закончено	1	Одобрение и неагрессивный совет	6	1	0	0	2	0
	2	Неодобрение	46	21	0	0	0	0
	3	Неизвестно			0	1	0	0
Действие не закончено	4	Одобрение и неагрессивный совет	41	13	0	0	0	0
	5	Неодобрение	27	3	0	0	0	0
	6	Неизвестно			0	0	0	0
Всего			120	38	0	1	2	0

что есть переменные, от которых зависит прагматика конструкции «я бы на твоём месте» и «на твоём месте я бы». К таким переменным относятся:

- 1) отношение действия, спровоцировавшего высказывание, к моменту речи (действие произошло к моменту речи или еще не произошло, но прогнозируется);
- 2) тип проецирования адресантом своего поведения на поведение адресата. Гипотетическое поведение оценивается позитивно, как приемлемое для адресанта (он поступил бы так же или хочет поступить так в будущем), или негативно, то есть как неприемлемое для адресанта (он поступил бы по-другому).

Рассмотрим несколько случаев, показывающих, как мы анализировали примеры.

(1) – Ты всегда такая боязливая и осторожная, обо всем беспокоишься заранее? – чуть насмешливо спросил он.

– На твоём месте я бы не стала задавать такие вопросы, – холодно ответила Ирина. [Александра Маринина. Чужая маска (1996)]

Ирина вопросом недовольна, отсюда ее агрессивная реакция: «совет», касается прошлого и ограничивает будущее поведение адресата. Это открытая конфронтация. Действие собеседника уже совершено, оно оценивается как неприемлемое, говорящий критикует это действие посредством мнимого «совета», «совета пост-фактум», а не оказывает помощь: ведь уже ничего нельзя изменить, но можно продемонстрировать собственное превосходство.

В примерах (2) и (3) действие ещё не произошло к моменту диалога, поэтому своим «советом» говорящий может скорректировать будущие действия адресата.

(2) – А у Завадова что-нибудь другое. Может, за ним такое числится, что лет десять строгого режима для него вроде курорта покажутся? Я бы на твоём месте с этим парнишкой, с Савицким, поговорил – может, он что-то знает о Завадове? [Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша (2004)]

(3) – [Сергей Иванович, муж, 48] Я, как бывший муж, Зоя, все же хотел бы тебя предупредить. Этот Жан... Ларочка, не слушайте, аферист. И я бы на твоём месте тщательнейшим образом проверил у него документки!

– [Зоя Викторовна, жен, 49] (насмешливо) А еще что ты мне посоветуешь? Может быть вообще не выходить за него замуж к твоему удовольствию? [Л. Н. Разумовская. Французские страсти на подмосковной даче (1990–1999)]

При анализе существенны и другие детали: реакция адресата, характер лексики, наличие обращения. В примере (2) нет показателей агрессивности или негатива, в примере (3) есть преамбула к совету, включающая маркеры смягчения требования («все же», «хотел бы»). Об агрессивности собеседников в письменном тексте можно говорить на основе авторских ремарок, например, «холодно» в (1).

Возможен и синтез совета и комплимента, отражающий позитивный настрой говорящего, как в примере (4).

(4) Григорий Иванович дал волю смеху и вопросам: «Что тебе вздумалось дурачить их?» – спросил он Лизу. «А знаешь ли что? Белила, право, тебе пристали; не вхожу в тайны дамского туалета, но на твоём месте я бы стал белиться; разумеется не слишком, а слегка». [А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка (1830)]

Совет не может изменить произошедшего (Что тебе вздумалось дурачить их?). С помощью «на твоём месте я бы...» выражено согласие с поступком (белиться можно, но не слишком). Отец не намерен критиковать Лизу и выражает свое мнение мягко, начиная с вводной конструкции *А знаешь ли что?* и одобрения: *Белила, право, тебе пристали*. Чувствуется лёгкий комизм этого совета (представьте Григория Ивановича в белилах).

В основном если конструкция выражает приятие чужого поведения, это комплимент, если она выражает неприятие, осуждает чужое поведение – порицание. Однако оба речевых жанра служат для «руководства» чужими действиями и отражают борьбу за коммуникативный статус. Оба варианта обнаруживаются в основном в художественной литературе (роман, повесть, пьеса), что предсказуемо: там очень важную роль играет речевая характеристика персонажа.

Одобрение и неодобрение, если действие произошло к моменту диалога

А) Одобрение. В первой группы примеров «я бы на твоём месте» и «на твоём месте я бы» дают соотношение 6 : 1, намного превысив ожидаемое 3 : 1. Когда говорится о произошедшем, если говорящий хочет выразить согласие с образом действий собеседника, часто употребляется конструкция «я бы на твоём месте», за которой следуют либо союз «тоже» (пример (5)) либо местоимение с частицей «то же» и обозначение действия, как в примере (6):

(5) *По совести говоря, я тебя вполне понимаю, я бы на твоём месте тоже на флот рвался.* [Л. С. Соболев. Капитальный ремонт (1932)]

(6) [Федор Васильевич Протасов (Федя), муж] *Я тебя очень понимаю, Саша, милая, и на твоём месте я бы сделал то же, постарался бы как-нибудь вернуть всё к старому, но на моём месте, если ты, милая, чуткая девочка, была бы, как ни странно это сказать, – на моём месте, – ты бы наверное сделала то, что я, то есть ушла бы...* [Л. Н. Толстой. Живой труп (1900)]

В примере (7) говорящий сначала отметил понимание собеседника, затем поставил себя

на его место, подчеркнув одобрение и поддержку.

Предложение или совет, оформляемые с помощью «я бы на твоём месте» и «на твоём месте я бы», могут быть комплиментом.

Б) Неодобрение. Соотношение в третьей группе получается как 11 : 9, примерно как 1 : 1, это не соответствует общей картине 3 : 1. Когда говорящий хочет выразить неодобрение, но не намерен оскорбить собеседника, частота употребления обоих вариантов почти одинакова. Для выражения несогласия часто использована частица «не», а для смягчения агрессивности и ослабления противоречия говорящий обычно выясняет причину несогласия или перед критикой или «советом» высказывает согласие, одобрение. Например:

(7) *А кстати, Дружинина, на тебе ведь тоже золото, обручальное кольцо, забыла? Но я бы на твоём месте не носила его на левой руке, так носят только вдовы, но отнюдь не матери-одиночки.* [Л. С. Петрушевская. День рождения Смирновой (1977)]

Это совет, а не комплимент.

Неодобрение в случае, если действие не произошло к моменту диалога

А) Неодобрение и агрессивность. Когда речь идёт о непроизошедшем, для выражения несогласия или недовольства обычно употребляется «я бы на твоём месте». По таблице видно, что соотношение в пятой группе получается как 14 : 1, что тоже не соответствует соотношению 3 : 1. Риторический вопрос и оценочную лексику, характеризующую адресата, мы считаем знаком агрессивности (8):

(8) *Знаешь, что бы сделал я на твоём месте? Я на твоём месте, – он оживает, словно на него вдруг нашло озарение, – позвонил бы Иванько. – А я бы на твоём месте знаешь что сделал? Для начала я перестал бы быть холуём при Иванько.* [Владимир Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)]

Агрессивность совета видна по контексту, участники в состоянии конфликта, как в (9–10).

(9) *Я бы на твоём месте... Не знаю даже... давно убил бы меня!* [Андрей Битов. Лес.(1960–1980)]

(10) – *Но бабушка дала деньги на пальто!*
– *Не важно, на что дала. Мне дала, а не тебе!*

– *Я бы на твоём месте пошла бы со мной и купила пальто, а вообще можешь взять деньги, НО НА УСЛОВИИ...* [Вадим Сидур. Памятник современному состоянию (1973–1974)].

Б) Неодобрение и неагрессивность. Соотношение примеров получается как 13 : 2, намного превышает ожидаемое 3 : 1. Примеры пятой и шестой групп отличаются только в наличии агрессивности совета, тем не менее все они выражают неодобрение и недовольство. Если говорящий хочет высказать неодобрение чужого намерения, в то же время никого не обидеть, используется конструкция «я бы на твоём месте». В шестой группе, как и в третьей группе, смягчение агрессивности и ослабление противоречия осуществляются начальным согласием и указанием причины. Например:

(11) *Не одобряешь? – Я не хочу тебе мешать. Раз ты так решила, поступай. Но я бы на твоём месте пошла лучше в театральную школу. У тебя, наверно, талант...* [Елена Ильина. *Четвертая высота* (1945)]

В этом случае говорящий не одобряет решение собеседника. Его ответ начинается с компромисса, невмешательства, а заканчивается указанием причины («у тебя талант»). Благодаря этому несогласие выглядит сдержанным, неагрессивным (12).

(12)– *А я туда вообще больше не пойду.*

– *Опять ты за свое?*

– *Что – опять? Я сказал, что уеду, и уеду.*

– *На твоём месте я бы сначала доучился.*

В тайгу ты всегда успеешь. В это заведение прием идет круглый год. [Александр Вампилов. *Старший сын* (1965)]

Сын не хочет идти в школу учиться, а хочет уехать в лес. Отец на это не согласен, он предлагает доучиться. Посредством сравнения леса с «учебным заведением» отец с юмором выразил неодобрение к желанию сына. Здесь шутка устраняет агрессивность.

Семантика предписываемых действий

При конструкции «я бы на твоём месте» предписываемые действия весьма разнообразны. Около 31% – глаголы, обозначающие чувства и эмоциональные состояния (беспокоился, с ума сошел, взорвался, не вешал нос, в ус не дул, не боялся, опасался и др.), мыслительные процессы (подумал, признал ошибку, раздумывал, не задумывался, не вспоминал, фантазировал, заинтересовался и др.), речевые действия (отказался, говорил, поговорил, молчал, не разговаривал, сказала, обратился и др.) Остальные глаголы называют собственно действия (не допускал, женился, учился, рвался, тянул, пошёл, раскрыл, сделал, посетил, подарил, не подходил, купил, попробовал, не носила, бросилась, нанял, завязал, вымазал и др.). Говорящий готов давать советы, влекущие за собой активную деятельность адресата.

При конструкции «на твоём месте я бы» 46% – глаголы мысли (*шевелинул мозгами, не думал, верил, задумался, не рассчитывал*), глаголы речи (*ответила, поговорил, не шутил, не стала задавать вопросы*) и глаголы, описывающие эмоции (*обиделся, начал ревновать, поторжествовал, возненавидела*).

Мы предполагаем, что это обусловлено тем, что адресант не видит за собой права указывать на необходимость конкретных действий.

Экстраполяция совета на другой объект

На первый взгляд, суждения, начинающиеся конструкцией «я бы на твоём месте»/ «на твоём месте я бы», имеют прямое отношение к адресату, однако детальное рассмотрение их содержания привело нас к мысли о том, что это не всегда так. Из 120 примеров «я бы на твоём месте» 20 (около 17%) предполагают руководство действиями адресата, направленное на некое третье лицо. Например:

(13) *Я бы на твоём месте не допускал, чтобы он где-то шляется.* [В. П. Катаев. *Алмазный мой венец* (1975–1977)]

(14) – *Я бы на твоём месте не очень ей доверял, – отечески предостерег Малицкий.* [М. Милованов. *Рынок тщеславия*. (2000).]

(15) *Я бы на твоём месте вышла за ним след и проследила бы.* [Рюрик Ивнев. *Игра в прятки*. (1968)].

Это совет, содержащий неодобрение и адресата, и неизвестного третьего лица. Перенесение действия на третье лицо для конструкции «на твоём месте я бы» нетипично, хотя и возможно. Таких примеров всего четыре, то есть около 10%.

(16) *Я не хочу вмешиваться, но на твоём месте я бы не разрешала брать детей.* [Аркадий Львов. *Двор*. (1981)]

(17) *На твоём месте я бы завела его далеко.* [А. С. Пушкин. *Роман в письмах*. (1829)]

Из этого следует, что препозиция местоимения первого лица («я бы на твоём месте») ярче демонстрирует осознание своего доминирования говорящим, а также его неспособность к эмпатии. Постпозиция («на твоём месте я бы») может означать либо знание особенностей адресата и умение взглянуть на ситуацию его глазами, либо претензию на это знание и умение. Однако и то и другое ко многому обязывает, потому вторая конструкция реже употребляется.

Исключительным примером построений чужого поведения является реплика (18).

(18) *Я тебя очень понимаю, Саша, милая, и на твоём месте я бы сделал то же, поставился бы как-нибудь вернуть всё к старому,*

но на моем месте, если ты, милая, чуткая девочка, была бы, как ни странно это сказать, – на моем месте, – ты бы наверное сделала то, что я, то есть ушла бы, перестала бы мешать чужой жизни... [Л. Н. Толстой. *Живой труп* (1900)]

На первый взгляд, этот пример демонстрирует симметричные возможности: «на твоём месте я бы» – «на моем месте ты бы». Но в действительности это доминирование говорящего, который распределяет «места» и оценивает гипотетические поступки.

Будь я на твоём месте. Представление о том, что «я» могу занять чужое место, может порождаться и безусловной симпатией и сочувствием к собеседнику. В этом случае оно оформляется по-другому: «будь я на твоём месте». Это искреннее желание оказаться в плохой ситуации вместо другого.

(19) *Я и сам голову бы уже сломал в догадках и подозрениях, Борь, будь я на твоём месте...* [Татьяна Соломатина. *Отойти в сторону и посмотреть* (2011)]

(20) *Нет, будь я на твоём месте, я бы постарался как можно скорее убраться из этой местности.* [Рейнгардт Рийк. *Золотоискатели в пустыне* [перевод] // *Всемирный следопыт*, 1927]

(21) *Будь я на твоём месте, я, может быть, сделал бы то же самое.* [А. Н. Апухтин. *Неоконченная повесть* (1888)]

(22) – *Будь я на твоём месте, а ты – на моем, как умный человек, ты бы мне, конечно же, не поверил.* [Леонид Юзефович. *Князь ветра* (2001)]

На моем месте ты бы. По данным НКРЯ, эта конструкция редка, она поражает своим однообразием: это приписывание собеседнику ровно такого же образа действия (23, 24).

(23) *На моем месте ты бы также накал предвзятого судью.* [Золотой Асланбек. *Асланбек Хуштов сенсационно завоевал золото чемпионата и путевку в Пекин* // *Советский спорт*, 2008.04.07]

(24) *На моем месте ты бы сделал то же самое.* [К. Г. Паустовский. *Книга о жизни. Далекие годы* (1946)]

Ты на моем месте/на моем месте ты. На фоне рассмотренных примеров немногочисленные случаи с местоимениями второго лица («ты на моем месте» – 16, «на моем месте ты» – 4) выглядят очень доброжелательными.

(25) *На моем месте ты также не принял бы столь великого пожертвования.* [А. О. Корнилович. *Письмо М. О. Корниловичу* (1833)]

(26) *Поверь, старина, был бы ты на моем месте, ты сделал бы совершенно то же самое, потому что это диктует природа*

власти. [Николай Дежнев. *В концертном исполнении* (1993)]

(27) *Ты на моем месте говорил бы точно так же, как я.* [Н. Г. Чернышевский. *Что делать?* (1863)]

Желание поставить кого-либо на свое место обычно связано с желанием получить совет (28–29).

(28) *Ну ладно, говорю, что бы ты, Сыщиков, сделал, если был бы ты на моем месте, а я на твоём?* [Н. Эйдельман. *Письмо царю* // «Знание – сила», 1988]

(29) *После сего желаю ли меня иметь на службе, и как бы ты на моем месте поступил?* [Е. Ф. Комаровский. *Записки* (1830–1835)]

Эта просьба может означать не только желание получить совет, но и констатацию собственного безвыходного положения (30).

(30) [Вера Ивановна, жен, 60] *А что бы ты на моем месте, а? Что бы ты на моем месте?!* [Л. Н. Разумовская. *Владимирская площадь* (1990–1999)]

Варианты ответных реакций

В повседневном общении стандартен вопрос: «Что бы ты сделал на моем месте?» Этот вопрос сразу задает ранговую расстановку: тот, кто просит совета, признает, что он ниже по рангу. Таким образом, «советчик» получает статус имеющего право на вмешательство в чужое поведение. Такие микродиалоги демонстрируют поддержку «младшего» по рангу «старшим». Например:

(31) – *Но ты бы на моем месте... – начал было Дмитрий. Юлька сразу его перебила: – Я не хочу ничего тебе навязывать, вообще – давай пока не будем об этом, ты сам подумай со всех сторон, а потом решишь.* [Нина Катерли. *Дневник сломанной куклы* // «Звезда», 2001]

Хотя никакого совета не было, «младший» получил моральную поддержку. Однако в тех случаях, когда заявление «младшего» о своем низком (по сравнению со «старшим») статусе не озвучено, возможно и другое развитие диалога. Желание отстоять «свое» место свойственно любому человеку. Поэтому в случае претензий собеседника на «место», ему не принадлежащее, наиболее импульсивные из адресатов имеют в активе множество ответных реплик. В общественном транспорте, в Интернете, в частных беседах нам удалось собрать разнообразные примеры:

(32) *Каждый на своем месте. Когда будешь на моем месте, тогда и сделаешь. Ты не на моем месте. Радуйся, что ты не на моем месте. Хорошо (Слава Богу), что ты не на моем месте. Ты (никогда) не будешь на моем месте. Тебе на моем месте*

точно не бывать. Вот уж на моем месте тебе делать нечего! Лучше будь на своем. Готов уступить место! Иди и сделай. Пожалуйста на мое место и в мою шкуру. Со мневаюсь, что тебя возьмут на мое место. Я бы на твоём месте помолчал (помолчал/помалкивал, воздержался от советов/комментариев, заткнулся). Ты бы на моем месте уже сдох (помер, копыта отбросил и т. п.). Тебя забыли спросить. Хуже нет бесплатных консультантов.

Варианты ответов агрессивны в большей или меньшей степени, потому что «непрощеный совет» – так пользователи Сети обозначают конструкцию – как жанр, предполагающий коммуникативное неравенство, нервнует адресата. Это, безусловно, непрямо́е коммуникация [15: 61–67], которая заставляет слушателя делать умозаключения об интенции говорящего. А эти заключения опираются не только на то, что реально сказано, но и на видение своего ранга.

Заключение

Исследование показывает, что конструкция «я бы на твоём месте» в коммуникативном плане более конфронтационна, чем её аналог с вынесением на первое место местоимения второго лица («ты бы на моем месте») или притяжательного местоимения «твой» («на твоём бы месте я»). Она чаще используется именно для выражения недовольства, несогласия и критики в пределах спокойного диалога, т. е. является инструментом мягкого моментного коммуникативного доминирования, которое адресат либо отвергает, либо принимает. В последнем случае адресант, таким образом заявивший о своём ранговом доминировании, получает право на ранговый контроль над последующим развитием диалога и действиями собеседника, причем он претендует даже на действия собеседника, распространяемые на третьих лиц.

Возвращаясь к вопросу о речевом жанре этой конструкции, отметим, что и совет, и комплимент здесь я-ориентированы: указание на то, что кто-то делает так же, как «я» является и комплиментом (похвалой) и советом (нужно продолжать быть таким хорошим, как «я»). Человеку легче представить себя на чужом месте, чем другого на своём. Интересно, что даже простой поиск в гугле показывает, что «if I were You» – 3 780 000, тогда как «if You were me» – 903 000. Ощущение ранговых колебаний порождается мельчайшими смысловыми сдвигами, которые мы обрабатываем в процессе диалога практически бессознательно. Видимо, эта борьба за «место» заслуживает сопоставительного изучения на материале раз-

ных языков. Если говорить образно, то мы имеем дело с аналогом обороны своей территории (своего «места») в мире животных. Не этот ли ранговый вопрос о своём и чужом месте возмущает медведей в сказке «Три медведя»? Не потому ли так часто наш совет-комплимент вызывает оборонительную агрессию?

Авторы благодарят В. И. Бескровных, О. В. Блинову, Е. Л. Вилинбахову за участие в обсуждении статьи.

Authors thank V. I. Beskrovnykh, O. V. Blinova, E. L. Vilinbakhova for participating in the discussion of the article.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюллер К. Теория языка. М.: Прогресс, 2000. 501 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 447.
3. Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков). Минск: Изд. центр Белорус. гос. ун-та, 2009. 183 с.
4. Гладров В., Которова Е. Г. Контрастивное изучение моделей речевого поведения // Жанры речи. 2015. Вып. 2(12). С. 27–39.
5. Ключин П. В., Маркасова Е. В. Местоименные игры: конструкции «не ты ли» и «не я ли» в русском языке // Russian Language Journal. 2013. Vol. 63. P. 225–247.
6. Маркасова Е. В. Тыбик и ябик. 2009. URL: www.Gramma.ru
7. Ван Синь, Маркасова Е. В., Цзен Лифу. Речевое доминирование в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: русско-китайские соответствия // Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoe-dominirovanie-v-komedii-a-s-griboedova-gore-ot-uma-russko-kitayskie-sootvetstviya> (дата обращения: 17.05.2018).
8. Chiat S. If I were you and you were me: The analysis of pronouns in a pronoun-reversing child // Journal of Child Language. 1982. Vol. 9, iss. 2. P. 359–379.
9. DeCapua A., Huber L. 'If I were you...': advice in American English // Multilingua. 1995. Vol. 14. P. 117–132.
10. Седов К. Ф. Комплимент – речевой жанр суггестивного дискурса // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 7. Жанр и языковая личность. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. С. 225–235.
11. Копотев М. В., Маркасова Е. В. «Из в разной степени сосюритизированного материала»: гипербат и смежные явления по корпусным данным // Корпусная лингвистика – 2011: материалы междунар. науч. конф. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. С. 199–204.
12. Седов К. Ф. Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. С. 298–310.
13. Нестерова Т. В. Непрямые способы выражения интенций «сочувствие» и «утешение» в обиходном общении русских // Русский язык за рубежом. 2011. № 5 (228). С. 75–81.
14. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.

15. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. С. 560.

REFERENCES

1. Buller K. *Teorija jazyka* [Language theory]. Moscow, Progress Publ., 2000. 501 p. (in Russian).
2. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics] Moscow, Progress Publ., 1974. 447 p. (in Russian).
3. Norman B. Yu. *Lingvisticheskaja pragmatika (na materiale russkogo i drugikh slavianskikh yazykov)* [Linguistical pragmatics on the material of Russian and other Slavic]. Minsk, Izd. centr Belorus. gos. un-ta, 2009. 183 p. (in Russian).
4. Gladrow W., Kotorova E. G. Contrastive study of speech behavior patterns. *Speech Genres*, 2015, no. 2(12), pp. 15–19 (in Russian).
5. Kliushin P. V., Markasova E. V. Pronounplay: the construction “negative particle + personal pronoun (you or i) + intensifying particle” in Russian. *Russian Language Journal*, 2013, vol. 63, pp. 225–247 (in Russian).
6. Markasova E. B. Tybik i Yabik. 2009. Available at: www.Gramma.ru (in Russian).
7. Van Sin’i, Markasova E. V., Czen Lifu. Rechevoe dominirovanie v komedii A. S. Griboedova “Gore ot uma”: russko-kitajskie sootvetstviya [Speech dominance in the comedy of A. S. Griboedov “Woe from wit”: correlations in Russian and Chinese]. *Communicativnye issledovaniya* [Communicative Studies], 2016, no. 3 (9). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoe-dominirovanie-v-komedii-a-s-griboedova-gore-ot-uma-russko-kitajskie-sootvetstviya> (accessed 17 May 2018) (in Russian).
8. Chiat S. If I were you and you were me: The analysis of pronouns in a pronoun=reversing child. *Journal of Child Language*, 1982, vol. 9, iss. 2, pp. 359–379.
9. DeCapua A., Huber L. ‘If I were you...’: advice in American English”. *Multilingua*, 1995, vol. 14, pp. 117–132.
10. Sedov K. F. Kompliment – rechevoj zhanr suggestivnogo diskursa [Compliment as a speech genre of suggestive discourse]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 7. Zhanr i yazykovaya lich’nost’* [Speech Genres : coll. of sci. art. Iss. 7. Genre and linguistics persona] Saratov, ITs “Nauka” Publ., 2011, pp. 225–235 (in Russian).
11. Kopotev M. V., Markasova E. V. Iz v raznoj stepeni sossjuzitirovannogo materiala: giperbat i smezhnye javlenija po korpusnym dannym [“From of different kind saussuritized material”: Hyperbaton and related phenomena based on corpus data]. In: *Korpusnaja lingvistika – 2011 : materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Corpus linguistics – 2011 : Proceedings of the XVIIIrd International Conference], Saint Petersburg, RGPU im. A. I. Gertsena, 2011, pp. 199–204 (in Russian).
12. Sedov K. F. Rechevoe povedenie i tipy yazykovoi lichnosti [Speech Behaviour and Types of Linguistic Personality]. In: *Kulturno-rechevaia situatsiia v sovremennoi Rossii* [Culture and Speech Situation in Modern Russia]. Ekaterinburg, Izd-vo UrGU, 2000, pp. 298–312.
13. Nesterova T. V. Nepriamyje sposoby vyrazheniia intentsii «sochuvstvie» I «uteshenie» v obikhodnom obshchenii russkikh [Indirect intention ways of “sympathy” and “consolation” in the Russian everyday communication]. *Russkii iazyk za rubezhom* [Russian language aboard], 2011, no. 5 (228), pp. 75–81 (in Russian).
14. Dementyev V. V. *Teorija rechevyh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).
15. Dementyev V. V. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect communication]. Moscow, Gnosis Publ., 2006. 560 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 16.05.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лю Цзыхуэй, Маркасова Е. В. Конструкция «я бы на твоём / ты бы на моем месте»: о связи между «я-сферой» и выбором речевого жанра // *Жанры речи*. 2019. № 3 (23). С. 207–214. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-207-214>

For citation

Liu Zihui, Markasova E. V. The Russian Construction “ya by na tvojom meste/ty by na moyom meste” (“if i were you/if you were me”): about the Link between the I-sphere and the Choice of a Speech Genre. *Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 207–214 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-207-214>

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

УДК 811.161.1'276:004.738.5

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-215-226>

Л. Ю. Щипицина
Архангельск, Россия

Larisa Yu. Shchipitsina
Arkhangelsk, Russia

Веб-лекция как устный жанр интернет-коммуникации**Web Lecture as an Oral Internet Genre**

Статья посвящена описанию веб-лекции как одного из востребованных жанров интернет-коммуникации, быстро набирающего свою популярность. Исследования устных жанров интернет-коммуникации еще только начинаются, что обуславливает актуальность лингвистического обращения именно к этой категории жанров Интернета. Целью исследования является жанровая характеристика веб-лекции, а именно: характеристика данного жанра согласно разработанной нами модели жанра, включающей медийные, прагматические, структурно-семантические и стилистико-языковые составляющие. Эмпирический материал исследования составляют полученные методом случайной выборки веб-лекции на русском и английском языках, предложенные с помощью сервисов Adobe Connect и My.webinar.ru, а также на известных платформах массовых открытых онлайн-курсов coursera.org и openedu.ru. На основе комплексного лингвистического анализа собранного материала в статье дается характеристика веб-лекции как монологического синхронного мультимедийного представления лектором материала онлайн-слушателям, осуществляемого с помощью специального оборудования и программного обеспечения. Выявлено, что веб-лекция бытует в прототипической (синхронной) и периферийной (записи лекций) разновидностях. Анализ веб-лекции, проведенный в статье, позволяет не только представить характеристику одного из жанров интернет-коммуникации, но и выявить те жанровые особенности, которые могут быть свойственны другим устным жанрам Интернета: синхронность, пространственная дистанцированность, интерактивность (даже в монологической реализации), мультимедийность.

Ключевые слова: веб-лекция, вебинар, запись лекции, жанр, устная речь, интернет-коммуникация, синхронный, мультимедийный, интерактивный.

This article is devoted to the analyses of web lecture as a new genre of the Internet communication with growing popularity. Investigations of oral Internet genres are at their beginning, which implies the actuality of linguistic view especially on this genre type at a moment. The aim of the analysis is the genre characteristics of web lecture according to my Internet genre model, which includes media, pragmatic, structural and stylistic genre features. The empirical material of the analysis includes randomly selected web lectures in Russian and English, sampled on well known MOOC-platforms (coursera.org, openedu.ru) or offered through Adobe Connect and Mywebinar.ru tools.

Web lecture is defined as a monological synchronous multimodal presentation of academic topics to the online audience, which is done with the help of a special hardware and software.

The web lecture exists in its prototypic (synchronous) and peripheric types (asynchronous records of web lectures, stored on special platforms). The analyses of the web lectures allows to reveal genre features, which are common to all oral Internet genres: synchronous character with space distance, interactivity, multimodality

Keywords: web lecture, webinar, lecture records, Internet genre, oral communication, synchronous, multimodal, interactive.

Сведения об авторе: Щипицина Лариса Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой и французской филологии.

Место работы: Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск.

About the author: Shchipitsina Larisa Yuryevna, Doctor of Philology, Professor of the Department of German and French Philology.

Place of employment: Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk.

E-mail: l.shchipitsina@narfu.ru

E-mail: l.shchipitsina@narfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5308-8726>

<https://orcid.org/0000-0002-5308-8726>

Введение

В настоящее время особую популярность и востребованность приобретают различные жанры интернет-коммуникации, которые сегодня являются не только средством развлечения и проведения досуга, но и способом организации профессионального общения. Написание электронных писем, ведение корпоративных блогов, исследование общественного мнения в социальных сетях – лишь некоторые из профессиональных обязанностей, которые сегодня все чаще входят в должностные инструкции различных категорий работников. Это требует не только стихийного освоения соответствующих жанров, но и их профессионального, в т. ч. лингвистического изучения.

И если письменные жанры интернет-коммуникации уже достаточно давно привлекают внимание исследователей (ср. в частности, работы [1, 2]), то жанры Интернета, основанные на использовании устного канала речи, еще практически не исследованы. Тем не менее, в настоящий момент наблюдается своего рода бум видеоконтента, использовавшегося первоначально почти исключительно в развлекательных целях, ср. рост популярности видеоблогов и видеохостеров, на которых хранится, просматривается и пополняется разнообразный развлекательный видеоматериал, а также появление специальных сервисов, например, в социальных сетях, позволяющих создавать живые видеозаписи (*live stream*). Неудивительно поэтому, что в данных условиях растут требования к современным специалистам, которые также должны соответствовать этим веяниям времени и быть готовыми к созданию видеоконтента. В академической среде к таким требованиям относится, например, готовность интегрировать в образовательный процесс различные форматы преподавания материала, в т. ч. дистанционного, например, в форме вебинаров, а также рост популярности платформ дистанционного обучения, для которых требуется запись видеолекций. Исследований, посвященных научному описанию таких устных видов общения в Интернете, еще очень мало, а лингвистических исследований, насколько нам известно, и вовсе нет, что свидетельствует об острой актуальности обращения к материалу такого типа.

Соответственно, данная статья посвящена жанровой характеристике устной разновидности интернет-коммуникации, и в качестве конкретного примера таких жанров для данной статьи мы выбрали веб-лекцию как одну из востребованных современных форм об-

щения в академической среде. Для решения данной задачи прежде всего дадим некоторые теоретические пояснения, касающиеся понятия интернет-коммуникации, ее устной разновидности, интернет-жанра и специфики его описания в целом, а также веб-лекции как примера устного интернет-жанра.

1. Теоретические основы

В данной статье мы оперируем понятиями интернет-жанра и интернет-коммуникации, которые являются базовыми в таком разделе современной лингвистики, как теория интернет-коммуникации. Теория интернет-коммуникации (часто называемая также лингвистикой Интернета [3, 4]) – это междисциплинарная сфера лингвистических исследований, лежащая на стыке теории коммуникации, медиалингвистики и дискурсивных исследований, предметом изучения которой являются различные формы общения в интернете. Соответственно, интернет-коммуникация противопоставлена всем другим видам медианно опосредованной и неопосредованной коммуникации на основе специфического канала речи – компьютера (или мобильного устройства) и сети Интернет. По нашим наблюдениям, интернет-коммуникация отличается такими характеристиками, как гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность, варьированность по шкале синхронности/асинхронности, а также по количеству и эксплицированности коммуникантов [5]. Эти характеристики, обусловленные особым каналом речи, влияют на особенности осуществления процесса интернет-коммуникации и на ее языковое оформление. Кроме того, именно эти характеристики, на наш взгляд, составляют специфику каждого жанра интернет-коммуникации как типовой формы общения в интернет-коммуникации, имеющей свое медийное, прагматическое, структурно-семантическое и языковое воплощение.

Интересно отметить также, что в интернет-коммуникации возможны все другие виды коммуникации, выделяемые по количеству коммуникантов, по способу ведения речи, по публичности, по сфере общения и т. д., в т. ч. и по форме существования: устной или письменной. Примерами письменной коммуникации в Интернете выступают электронные письма, чат, дискуссии в форумах, веб-сайты и т. д., примерами интернет-коммуникации, использующей устный канал речи, выступают интернет-телефония в Скайпе или видеоблоги. Здесь следует также обратить внимание

на то, что в условиях интернет-коммуникации появляется промежуточная устно-письменная форма общения, в которой используется письменный канал передачи сообщений, но которая по многим условиям (одновременность участия в коммуникативном процессе адресанта и адресата/адресатов, спонтанности речи) близка речи устной [6]. Иллюстрацией такой синхронной письменной интернет-коммуникации является классический чат.

В данной статье мы исследуем устную интернет-коммуникацию, которая отличается следующим особенностями: непосредственность, контактность, спонтанность, ситуативность, многоканальность, одновременность порождения мысли и речи, невозможность исправить высказывание (необратимость), возможность получить незамедлительную реакцию адресата [7, 8: 37; 9: 13–17 и др.]. Все эти свойства в концепции П. Коха и В. Естеррайхера [10] объединены в понятии коммуникативной близости.

Согласно данным авторам, при звуковом оформлении высказывания общение отличается коммуникативной близостью его участников и характеризуется соответствующими условиями коммуникации (персональность, доверительность, эмоциональность, ситуативная отнесенность, физическая близость, диалогичность, спонтанность и др.) и стратегиями языкового оформления (предпочтение жестов, мимики и т. п., недостаточное планирование высказывания, неокончательный характер его оформления, агрегативность и др.). При опоре на графическое оформление высказывания наблюдается коммуникативная дистанцированность с противоположными характеристиками [10].

Условия коммуникации можно объединить в следующие группы, дополняя их уже названными ранее признаками устности/письменности:

- характеристики участников коммуникации: число (межличностная или групповая/массовая коммуникация), степень знакомства (общение между знакомыми или незнакомыми людьми), эмоциональное состояние, степень активности в общении (монологичность/диалогичность);
- контекст коммуникации: ситуативная (не)зависимость, количество задействованных каналов;
- место и время коммуникации: физическая близость/дистанция коммуникантов, (не)одновременность порождения мысли и высказывания, (не)возможность исправить высказывание, (не)возможность получить незамедлительную реакцию адресата;
- предмет коммуникации: зафиксированность темы.

Признаки еще одного компонента коммуникативной модели – кода – вынесены в отдельную группу и обозначены как стратегии языкового оформления (*Versprachlichungsstrategien*). Правда, едва ли можно говорить о стратегиях, то есть сознательном и целенаправленном выборе языковых средств в случае спонтанного и практически неосознанного устного общения. Скорее, здесь следует пользоваться понятием «принципы/особенности языкового оформления», не противоречащим спонтанному и свободному характеру устного общения, чаще всего не связанному никакими предписаниями и правилами. Признаками устной речи традиционно считаются использование эллиптических и неполных предложений, эмотивной и разговорной лексики, ошибок, присоединительного синтаксиса и т. п., а письменная речь обычно характеризуется отсутствием названных признаков.

Правда, в действительности репертуар ситуаций общения достаточно разнообразен, так что скорее следует говорить не о дихотомии коммуникативной близости/дистанции, а об определенном континууме. Таким образом, основанные на звуковом канале речи жанры в континууме от коммуникативной близости к коммуникативной дистанции включают, к примеру, разговор хорошо знакомых людей, интервью, разговор при приеме на работу, проповедь и доклад, а письменные жанры в континууме по убыванию признаков коммуникативной дистанции включают административное распоряжение, передовую статью, личное письмо, дневниковую запись, напечатанное интервью [10: 18].

В целом мы соглашаемся с идеей введения понятия коммуникативной близости и коммуникативной дистанции и рассмотрения их признаков в виде определенного континуума, отмечая, что центральными факторами, способствующими коммуникативной близости, является звуковой характер речи и обиходный характер общения. Соответственно, письменный канал и профессиональный характер общения увеличивают признаки коммуникативной дистанции. Избранный в данной статье в качестве предмета анализа жанр веб-лекции хотя и базируется на звуковом характере речи, относится к профессиональной разновидности общения, а следовательно, должен отличаться определенной гибридность, т. е. сочетанием признаков коммуникативной близости и коммуникативной дистанции.

Отметим универсальный характер предлагаемой теории, позволяющей описывать устные жанры непосредственного или опосредованного общения, и в т. ч. интернет-коммуникации.

Далее обратимся к понятию одного из конкретных устных жанров интернет-коммуникации, а именно, к понятию веб-лекции.

Веб-лекцию (или онлайн-лекцию) мы понимаем как преимущественно монологическую синхронную форму организации академического взаимодействия, позволяющую системно представить теоретические идеи по одной из научных проблем группе слушателей, которые территориально могут находиться в самых разных местах, с помощью различных компьютерных технологий и сервисов (вебинары и телеконференции, скайп, видеолекции, помещенные на видеохостерах (например, *YouTube*) или образовательных платформах и т. д.).

Предлагая данное определение, мы сознательно разграничиваем вебинар и веб-лекцию: если вебинаром следует считать определенный формат разных форм академического взаимодействия (веб-лекции, веб-семинары, веб-опросы, дискуссии и т. д.) [11: 292], то веб-лекция – это одна из форм использования данного формата, опирающаяся на понимание студентом и преподавателем целей и особенностей оформления традиционной лекции. Это понимание обе стороны образовательного процесса воплощают в своем поведении во время веб-лекции: лектор (преподаватель) излагает материал, студент (и другие категории слушателей) активно воспринимают его, при необходимости уточняя то, что непонятно.

Учитывая современные требования к лекции (произносимой в живом общении в учебной аудитории или опосредованной информационно-коммуникационными технологиями), эта форма общения лектора и аудитории непременно должна предполагать обратную связь, быть интерактивной, хотя бы в плане установления контакта лектора и слушателей и возможности уточнения тех фактов, которые оказываются аудитории непонятными (ср. размышления Р. Г. Гайнутдинова о современной лекции [12]). По этой причине мы не согласны с теми исследователями, которые противопоставляют онлайн-лекцию и вебинар именно на основании отсутствия обратной связи в первой [13]. На наш взгляд, обратная связь обязательно присутствует в веб-лекции как и в любой другой правильно организованной лекции. Тем не менее веб-лекция предполагает главным образом *монологическую* форму общения, излагает основной материал здесь именно подготовленный лектор, а аудитория лишь иногда демонстрирует свою реакцию. Если же общение, организованное с помощью технологии вебинара (или любой другой), становится полилогическим (т. е. все участники общения попеременно берут слово), то здесь

налицо другие формы взаимодействия – онлайн-семинары, сетевые дискуссии и под.

Далее представим лингвистическое описание понимаемой таким образом веб-лекции согласно выработанной нами модели жанра интернет-коммуникации на основе собранного практического материала.

2. Методы и материал исследования

В качестве метода исследования в работе использован комплексный лингвистический анализ конкретных примеров веб-лекций по предложенной нами модели жанра интернет-коммуникации [14: 27–63], выработанной с опорой на труды отечественных и зарубежных исследователей различных жанров [15; 16]. Комплексная модель жанра интернет-коммуникации, по нашему мнению, должна включать медийную (*в каком формате?*), прагматическую (*зачем? кто? кому? где?*), структурно-семантическую характеристику (*что?*) и выявление особенностей его стилистико-языкового воплощения (*с помощью каких языковых средств?*). Медийная характеристика предполагает изучение оформления жанра (расположение на экране элементов программы и текста), специфику его гипертекстовой и мультимедийной реализации, степени синхронности и интерактивности, количества и эксплицированности коммуникантов. Основной лингвистический описания жанров компьютерно-опосредованной коммуникации является характеристика графической, лексической, грамматической и структурно-текстовой реализации каждого жанра в плане проявления в нем черт конкретных функциональных стилей (научного, делового, обиходного и т. п.), а также – при характеристике устных жанров – признаков коммуникативной близости/дистанции.

Эмпирическим материалом, на основе которого производится представленный комплексный анализ, в работе выступают веб-лекции на русском и английском языке, собранные случайным образом в 2016–2018 гг. Эмпирический материал включает:

- 13 веб-лекций на русском и английском языке Школы цифровой гуманитаристики (*Digital humanities School*) лаборатории гуманитарных проблем информатики Томского государственного университета (<http://huminf.tsu.ru>), предложенных на основе сервиса *Adobe Connect* в период с 15.03 по 5.07.2016, продолжительность веб-лекций: от 60 до 120 минут каждая;
- 3 веб-лекции на русском языке в рамках бесплатных краткосрочных дистанционных курсов повышения квалификации Центра интерактивных технологий Москов-

ского государственного университета имени М. В. Ломоносова, проведенных с помощью сервиса *my.webinar.ru* в мае 2016 г., продолжительность каждой лекции в среднем 120 минут, включая сеанс ответов на вопросы со стороны лектора;

- 2 веб-лекции по 120 минут, прочитанные нами в рамках учебного курса «Коммуникация в современном поликультурном пространстве» в режиме телеконференции с помощью сервиса *Big Blue Button* на локальной платформе *Sakai* в мае 2017 г.;
- 6 веб-лекций (2 темы) массового открытого онлайн-курса «Организация учебно-исследовательской деятельности старшеклассников», который был подготовлен для российской платформы Открытого образования *www.openedu.ru* Северным (Арктическим) федеральным университетом в июле-августе 2017 г., продолжительность – 10–15 минут;
- 31 веб-лекция (в рамках 9 тем) на русском языке массового открытого онлайн-курса «Социальные медиа» Томского государственного университета, предложенных на платформе *www.openedu.ru* и прослушанных нами с 18.09. по 5.12.2017, продолжительность каждой лекции – 6–12 минут;
- 24 веб-лекции (3 темы) на английском языке массового открытого онлайн-курса «Get Interactive: Practical Teaching with Technology» Лондонского университета, предложенных на платформе *www.coursera.org* и прослушанных с 1.03. по 30.03.2018, продолжительность каждой лекции – 3–6 минут.

Как представляется, разнообразие сервисов и платформ, в рамках которых были прочитаны веб-лекции, случайный характер выборки, различие языка лекций и их авторов позволяют получить более объективную картину исследования. В то же время очевидно, что в количественном, языковом и техническом плане эмпирический материал может быть расширен, что позволит дополнить и уточнить результаты практического анализа, представленные нами в следующем разделе.

3. Характеристика жанра веб-лекции

3.1. Медийные параметры

Веб-лекция, как следует из ее определения, – это синхронный жанр интернет-коммуникации, разворачивающийся в ходе ее чтения лектором при использовании определенного оборудования (веб-камера, наушники, микрофон) через специальные сервисы и программы, в качестве которых могут выступать *Adobe Connect*, *Big Blue Button*, *My.webinar*, *Skype* и некоторые другие.

Несмотря на некоторые различия в интерфейсе каждой из программ, практически все они дают возможность увидеть лектора (видеоизображение), его рабочий стол (обычно – презентация, которая поясняется лектором, в нее также могут включаться учебные видео), список слушателей и чат, визуально сопровождающий основной звуковой режим лекции.

Конечно, основное содержание лекции представлено в звуковом формате, соответственно, его можно только *слышать*, но, как и в случае с любым другим жанром интернет-коммуникации, доступ к веб-лекции осуществляется именно через экран монитора, на котором можно *видеть* элементы управления интерфейсом жанра, а в ряде случаев, и интерактивно взаимодействовать с ними, например, принимая участие в опросе, интегрированном прямо в саму синхронную лекцию.

Интерфейс веб-лекций, размещенных на образовательных платформах в рамках массовых открытых онлайн-курсов или на видеохостерах, выглядит несколько по-иному. Здесь центральную часть экрана занимает изображение лектора, которое сопровождается или заменяется презентацией. Важной составляющей интерфейса является полоса прокрутки видео, с помощью которой можно остановить видео или повторить определенный фрагмент. Имеется также основное меню платформы, на котором можно переключиться к другим ее элементам, например, к комментариям. В целом несмотря на различия, основные элементы веб-лекции – изображение и голос лектора, презентация, возможность обратной связи – здесь присутствуют.

Анализ оформления жанра веб-лекции демонстрирует его выраженный *мультимедийный* характер. Веб-лекция, как и все другие формы общения во Всемирной паутине, обычно задействует разные коммуникативные каналы: звуковой (произносимая речь, возможны также музыка и другие звуки), визуально-вербальный (печатный текст) и визуально-изобразительный (иллюстрации, графики, схемы, видеоизображение лектора). В этом отношении, на наш взгляд, возможности обычной лекции и веб-лекции соразмеримы: те же самые составляющие лектор может интегрировать и в непосредственное общение с аудиторией. Правда, соотношение этих компонентов в обычной лекции и веб-лекции несколько различно: в частности, намного большую роль в обычной лекции играет окружающее пространство, жестикуляция и перемещения лектора, а также некоторые другие невербальные компоненты общения, в то время как в формате веб-лекции в условиях ограниченного монитора визуального пространства

лектор обычно выводит на центральную часть рабочего стола презентацию лекционного материала, а не свое видеоизображение. Такой важный компонент непосредственного общения, как контакт глаз и невербальная реакция на озвучиваемый материал в веб-лекции тоже отсутствует. Чтобы не загружать канал связи, веб-камеры слушателей и их микрофоны обычно отключаются, и обратная реакция от них поступает через реплики в чате.

Синхронность сообщения материала предполагает, что лектор и слушатели одновременно находятся в Сети и между ними установлен технический и коммуникативный контакт. Именно по этой причине в начале веб-лекции типичны метакоммуникативные фразы «Меня хорошо слышно/видно?». При получении положительной реакции веб-лекция может начинаться. Если ответ отрицательный, лектор (или его техподдержка) пытается устранить неполадки. Подобные же метакоммуникативные фразы, направленные на проверку и поддержание контакта, возможны и со стороны аудитории, если звук или изображение в ходе лекции пропадает. В конце лекции обычно предлагается задать вопросы по услышанному, и преимущество синхронной формы общения состоит в том, что задающий вопрос может практически сразу получить на него ответ.

Веб-лекция в зависимости от используемого программного обеспечения позволяет сильнее «загрузить» слушателя разнообразными *интерактивными* возможностями: не переставая слушать лекцию, аудитория может принять участие в голосовании, пройти по предложенным ссылкам, выполнить задание, написать ответ или задать вопрос в чате, причем адресовать реплики как в общий чат, так и лично лектору или другому слушателю, пройти тест. Наличие множества интерактивных возможностей веб-лекции позволяет максимально уплотнить общение, сделать его насыщенным и разнообразным, в то же время от лектора в начале работы требуется четкое разъяснение, как будет организовано общение и обратная связь с аудиторией, а во время проведения самой лекции желательнее иметь помощников, которые будут размещать голосования, следить за задаваемыми в чате вопросами и обеспечивать бесперебойную работу канала связи.

Дополнительные интерактивные возможности интегрируются и в обычную лекцию, например, возможность проведения голосования с помощью мобильных технологий и выведения его результатов на экран прямо в ходе лекции [17], но в веб-лекции эти возможности интегрированы в само программное обеспечение, что обеспечивает легкость работы с ними.

Что касается продолжительности веб-лекции, то она может быть самой разной: лекция может занимать от 30 минут до классических 1,5 часов академической лекции при условии наличия постоянной обратной связи с он-лайн-аудиторией. Правда, это актуально для веб-лекций, организуемых с помощью специальных сервисов для проведения вебинаров. Привлечение, например, Скайпа для проведения таких лекций требует сокращения объема лекции до получаса или наличие в ней перерывов [18]. Если слушателями востребованы, главным образом, записи лекций, то весьма рациональным видится предложение вместо громоздкой многоминутной записи предоставлять в распоряжение слушателей небольшие фрагменты веб-лекции в виде видеороликов, которые более удобны для просмотра, проще обновляются, свободнее группируются из контента разных курсов и более актуальны, поскольку возникают в ответ на потребности слушателей [19]. Именно этим обусловлено различие продолжительности синхронных видео-лекций (60–120 минут) и их записей для образовательных платформ (3–15 минут) в рассмотренном нами материале.

В целом, как можно заметить, собственно веб-лекция отличается синхронным характером и высокой степенью интерактивности, записи лекций асинхронны и менее интерактивны, вследствие чего требуют разбиения на небольшие фрагменты для большего удобства их восприятия. Оба варианта веб-лекции отличаются высокой степенью мультимедийности.

3.2. Прагматические параметры

Целью веб-лекции, как и лекции обычной, является упрощенное обзорное представление определенной научной области. Соответственно, веб-лекция относится к академическому дискурсу как разновидности публичного институционального общения, агентами которого выступают представители академической сферы (преподаватели вузов, ученые, тьюторы), а клиентами – студенты или другие категории слушателей (например, те, кто интересуется данной сферой или занимается самообразованием). В таком понимании академический дискурс частично пересекается с педагогическим [20: 252–266] или дидактическим дискурсом [21], с одной стороны, и научным дискурсом [20: 276–280], с другой.

При реализации веб-лекции возможен как моноавторский, так и полиавторский режим (бинарная лекция), когда основной материал излагается не одним, а несколькими лекторами. Роль аудитории при этом остается неизменной – она главным образом вос-

принимает предлагаемый материал, вступая в коммуникацию лишь чтобы что-то уточнить или прореагировать на стимулы лектора. Но и в этом случае четко противопоставлены роли лектора и слушателей, что соответствует нашей трактовке веб-лекции как монологической формы коммуникативного взаимодействия.

В рассмотренных нами примерах жанра веб-лекции лекторами выступали преподаватели вузов, а участниками были как студенты, так и самые разные категории слушателей разного возраста из разных точек земного шара. Очень уместно поэтому привлечение опроса в чате, какие города представляют онлайн-слушатели (для синхронной лекции), или привлечение геосервиса для фиксации места жительства онлайн-слушателей (для записи лекции).

Интересно отметить, что в настоящее время, особенно в условиях глобальной и общедоступной интернет-коммуникации, один и тот же человек может с легкостью переключаться с роли лектора на роль слушателя: в одной коммуникативной ситуации коммуникант читает лекцию, а в другой – слушает сам. Наш опыт такого переключения с роли лектора на роль слушателя очень позитивный: это позволяет видеть ситуацию с разных сторон и учесть недостатки при организации данного жанра.

Так, сложнее, чем обычно, читать лекцию, не видя аудиторию перед собой и получая обратную реакцию от нее не визуально, а в виде сообщений чата, что является следствием такой особенности веб-лекции, как *пространственная разобщенность* участников коммуникации. Достаточно трудно также осуществлять запись лекций для дистанционного курса, не имея перед собой никакой реальной аудитории слушателей. В такой ситуации, по сути, лектор представляет свой материал в камеру оператора, обращаясь к гипотетическому слушателю и лишь предполагая его возраст, сферу интересов и имеющийся опыт в излагаемой области. В такой ситуации также трудно осуществить контекстную привязку излагаемого материала, т. к. записи видеолекций для образовательных платформ обычно готовятся для многократного предъявления и не привязаны к конкретной дате. Опыт знакомства с другими веб-лекциями подобного типа и способы обращения к потенциальной аудитории в этом случае просто незаменимы.

Характеризуя место проведения веб-лекции, отметим реализацию в этом случае принципа повсеместного обучения (*ubiquitous learning*, f.e. [22]). Это означает, что участники веб-лекции могут находиться не только в разных точках земного шара, но и не обязательно на рабочем месте. Читать или слушать лекцию можно и из дома или на природе при

наличии доступа к Интернету. Это имеет как позитивные стороны, поскольку способствует свободе и комфорту участия в веб-лекции, так и негативные: слушатель может отвлекаться от прослушивания лекции, отсутствие визуального контроля за его работой позволяет ему отойти от экрана монитора или заняться другим делом, так что в итоге он может попытаться распределить свое внимание между прослушиванием лекции и, например, просмотром других сайтов. Это требует постоянного вовлечения слушателей в работу, если речь идет о синхронной лекции, или обязательного наличия формы контроля прослушанного материала, если речь идет о записи лекции.

Способами вовлечения слушателей в активную проработку материала могут выступать задания. В частности, в веб-лекции о специфике пресс-релиза (Томский государственный университет) было предложено составить заголовки пресс-релиза по заданной ситуации, варианты заголовков следовало отправить в чат. После этого лектор устно оценивал преимущества и недостатки каждого заголовка. В лекции об организации проектной деятельности слушателям предлагалось высказывать свои предположения по этапам проектной деятельности и ее целям, что активизировало представления слушателей об обсуждаемой теме, способствовало развитию догадки и лучшей запоминаемости материала, а лектору позволяло хотя бы в некоторой степени выявить уровень знаний слушателей по обсуждаемой проблеме. Затем материал обобщался лектором на слайдах презентации.

Синхронность веб-лекции предполагает установление времени ее начала и предварительного информирования аудитории об этом времени. В связи с территориальным распределением слушателей и вероятностью разницы в их часовых поясах важно оговаривать точку отсчета времени. Так, если веб-лекция осуществляется в пределах одной страны, за точку отсчета берется часовой пояс, в котором расположена столица (например, для Российской Федерации такой точкой отсчета становится московское время), если в общении принимают участие коммуниканты из разных стран, можно принять мировое время по Гринвичу (GMT) или другое время, удобное для большинства слушателей.

Несмотря на то что веб-лекция по определению должна быть синхронной, в реальности ее можно прослушивать и в записи, т. е. в асинхронном режиме, лектор и слушатели в этом случае не обязаны одновременно находиться в Сети, а коммуникативный канал для обратной связи может ограничиваться письменными комментариями. Это особенно типично для видеолекций, помещаемых на образователь-

ных платформах в виде заранее записанных материалов. Преимуществом такого асинхронного варианта лекции является ее сохранность, возможность остановить в любом месте и неоднократно прослушать, а недостатком – отсутствие живой связи с лектором и невозможность получить незамедлительный ответ на возникшие вопросы. Тем не менее, такая лекция не теряет своей интерактивности, которая проявляется в возможности слушателя управлять воспроизведением, задать вопросы и получить на них ответы в режиме асинхронной коммуникации. В этом случае обычно обеспечивается дискуссионная площадка для обсуждения лекции, например, в виде форума.

Отметим, что и синхронные веб-лекции обычно записываются и доступны для повторного просмотра как их непосредственным участникам, так и новой аудитории. Работа с записанными веб-лекциями в асинхронном режиме нередко является более удобной формой для слушателей, регулярно принимающих участие в дистанционном курсе без отрыва от основного места работы или учебы, т. е. в этом случае сложно подобрать расписание, устраивающее всех, и каждый работает с предоставленным материалом в то время, когда ему удобнее [19]. Тем не менее, мы считаем синхронную веб-лекцию ядерной, образцовой разновидностью данного жанра по причине наличия в ней непосредственного контакта лектора и аудитории, в то время как записанная веб-лекция – периферийная разновидность рассматриваемого жанра, где обратная связь отсрочена и по этой причине эксплуатируется менее активно.

При описании прагматических параметров коснемся также условий коммуникации в континууме коммуникативной близости/коммуникативной дистанции. Персональность и физическая близость для веб-лекции совсем не характерны, а доверительность, эмоциональность, ситуативная отнесенность и диалогичность здесь представлены в единичных проявлениях. В плане спонтанности веб-лекция весьма специфична: поскольку она подготовлена, лектор в ситуации говорения не порождает новую мысль, а *воспроизводит* ее. Правда, воспроизводство содержания также может производиться каждый раз по-своему, новыми словами, т. е. некоторые элементы спонтанной устной речи здесь могут присутствовать. Но лектор обычно риторически подготовлен и может формулировать пространственные фрагменты в свободном говорении согласно правилам литературной нормы, сложными синтаксическими структурами, т. е. одновременность воспроизводства мысли и высказывания не приводит к значительным языковым проявлениям спонтанности. Лек-

тор в синхронной лекции имеет возможность исправить высказывание и может получить незамедлительную реакцию адресата. В записи лекции этих возможностей нет. При описании прагматических параметров коснемся также условий коммуникации в континууме коммуникативной близости/коммуникативной дистанции. Персональность и физическая близость для веб-лекции совсем не характерны, а доверительность, эмоциональность, ситуативная отнесенность и диалогичность здесь представлены в единичных проявлениях. В плане спонтанности веб-лекция весьма специфична: поскольку она подготовлена, лектор в ситуации говорения не порождает новую мысль, а *воспроизводит* ее. Правда, воспроизводство содержания также может производиться каждый раз по-своему, новыми словами, т. е. некоторые элементы спонтанной устной речи здесь могут присутствовать. Но лектор обычно риторически подготовлен и может формулировать пространственные фрагменты в свободном говорении согласно правилам литературной нормы, сложными синтаксическими структурами, т. е. одновременность воспроизводства мысли и высказывания не приводит к значительным языковым проявлениям спонтанности. Лектор в синхронной лекции имеет возможность исправить высказывание и может получить незамедлительную реакцию адресата. В записи лекции этих возможностей нет.

В итоге отмечаем, что несмотря на звуковой характер коммуникации, веб-лекция по своим параметрам ближе к полюсу коммуникативной дистанции, что подтверждает нашу гипотезу о ее гибридном характере.

3.3. Структурно-семантические параметры

Веб-лекция отличается монотематичностью, причем избранная тема излагается концентрированно, в логически выдержанной форме. В связи с этим авторы веб-лекций особое внимание уделяют композиции выступления, начиная с перечня основных содержательных моментов лекции, и затем по ходу лекции возвращаются к этому перечню. Это особенно актуально для синхронной продолжительной лекции, когда трудно удерживать в памяти, какие компоненты темы излагает лектор, и хорошо, если лектор об этом регулярно напоминает. В асинхронном варианте, когда мы имеем дело с записью, роль такого обзорного перечня играет контекстное меню. Обычно большая тема дробится на свои составляющие, и слушатель может ознакомиться с содержанием темы постепенно, обращаясь к ее составным элементам.

В итоге получается, что тема одной полуторачасовой лекции при подготовке ее записи дробится на 4–6 фрагментов, которые оформляются как цельные тексты и которые можно воспринимать и независимо друг от друга. У каждого такого фрагмента темы есть начало, определенная логика развития и завершение, что позволяет нам считать каждый такой элемент отдельной веб-лекцией.

Важной составляющей веб-лекции, как в ее синхронном варианте, так и в записи, является визуальная поддержка (презентация с визуально-вербальной фиксацией основных тезисов либо изображение лектора с его жестами и мимикой). Наиболее удачный вариант при этом, если лектор не повторяет написанное в презентации, а комментирует его, т. е. если визуальное сопровождение является полноправной составляющей композиции веб-лекции, носящей мультимедийный характер.

Таким образом, в целом структуру веб-лекции можно представить примерно так:

- вводная часть (проверка канала связи, представление докладчика и знакомство со слушателями, например в виде небольшого опроса через чат);
- начало лекции (представление темы и ее составляющих);
- основная часть (объяснение содержательных моментов лекции в устном и визуальном виде, например, определения понятий, исторические вехи развития рассматриваемого феномена, примеры);
- завершение лекции (выводы по теме, иногда объявление следующей темы, вопросы слушателей по прослушанной теме).

Эта структура характерна как для синхронно читаемых лекций, так и для их записей, но в последнем случае есть некоторые нюансы, касающиеся вводной и завершающей части. В вводной части записей лекций обычно предлагается логотип вуза, подготовившего лекцию, название темы и имя лектора; в завершающей части само обсуждение не производится, но упоминается возможность обсудить материал лекции в форуме.

3.4. Стилистико-языковые параметры

Стиль веб-лекции разнопланов. С одной стороны, это образец академического общения, соответственно, речь лектора строится в соответствии с нормами литературного языка, включает термины, сложные синтаксические структуры. С другой стороны, она реализуется в устном виде и в ситуации непосредственного (хотя и пространственно разобщенного) общения. Это способствует разрыхлению текста веб-лекции элементами

эмотивности, адресованности и контекстуальной привязки. Ср. два примера (признаки коммуникативной близости выделены подчеркиванием):

(1) *Уважаемые друзья, если уже мы говорим об инфографике, то я предлагаю вам для начала угадать вот с помощью этих визуальных образов, какой сегодня праздник. ....* (синхронная лекция).

(2) *We're now going to talk about Presentation Tools. Most of us are familiar with the way PowerPoint works to create slides with text and images, and sometimes videos, and share those with an audience* (запись лекции).

В приведенных примерах мы видим обращение и личные местоимения 1-го и 2-го лица, которые являются сигналами адресованности, а также указательное местоимение и наречие времени, что способствует контекстной привязке сказанного. В то же время оба примера демонстрируют достаточно сложный синтаксис и наличие профессионально окрашенной лексики (*инфографика, Presentation Tools*), т. е. несмотря на одновременность формирования мысли и высказывания и отсутствие возможности спланировать высказывание, оно имеет законченный характер и достаточно сложно и интегративно выстроено, что как указано ранее, мы объясняем риторической подготовленностью лектора и высоким уровнем его образования.

Поскольку в веб-лекции задействован звуковой канал, отметим важность фонетико-ритмических характеристик речи: здесь важно владение лектором голосом (тембр, окраска, акцентирование речи), а также ее ритмическая организация. Тембр и ритм должны быть живыми (не монотонными, что характерно для читаемого текста), а важные содержательные элементы акцентироваться. Так, в примере (3) одно из слов (выделено подчеркиванием) выделяется не только лексически, но и интонационно.

(3) *Профессионалы сейчас уже не в таком почете, поскольку любители получили возможности профессиональной работы и главное публикации результатов своей деятельности* (запись лекции).

Стилистическую разноплановость обеспечивает и интеграция в лекцию элементов обратной связи. Для слушателя не менее (в иногда и более) важно не только монологическое изложение содержания лекции, но и пояснения лектора по вопросам слушателей. В этом случае коммуникация приобретает настоящему диалогический характер, состоит из вопросно-ответных единств, причем вопрос формулируется в чате в письменном виде, затем обычно озвучивается лектором, чтобы маркировать, по какому пункту он будет пред-

лагать свои комментарии, а далее следует сам ответ лектора. Здесь коммуникация также достаточно формальна (поскольку ограничена профессиональной темой), но более ситуативна и по-настоящему спонтанна, т. к. и чат-вопрос, и устный ответ на него не являются подготовленными. Тем не менее и вопрос, и ответ на него формулируются в соответствии с литературной нормой, ср. пример (4).

(4) *Я перейду на вкладку «вопросы», есть ли здесь вопросы. «Будут ли инструменты по созданию инфографики?». По-моему, я ответила на этот вопрос. Мы предлагаем две инструкции ... (синхронная лекция).*

Пример (4) иллюстрирует, что некоторые предложения являются неполными, что является следствием спонтанного формулирования мысли коммуникантами, ср. «... на вкладку «вопросы», [чтобы узнать,] *есть ли здесь вопросы; «Будут ли [в лекции названы] инструменты...»*. Но и вопрос, и ответ на него понятны и большей частью соответствуют литературной норме.

В целом стилистико-языковые характеристики веб-лекции близки к полюсу коммуникативной дистанции, поскольку признаки спонтанной устной речи (эллиптические и неполные предложения, разговорная лексика, междометия и некоторые другие) здесь единичны, а основой речи является литературная норма. Наличие определенных элементов адресованности, живости, контекстной привязки, свойственных устной речи, обеспечивает своеобразие языкового оформления веб-лекции и ее отличие, к примеру, от текста учебника.

4. Выводы и перспективы исследования

Подводя итог нашим размышлениям, констатируем, что веб-лекция – это монологическое синхронное мультимедийное представление лектором профессиональной темы онлайн-слушателям, осуществляемое с помощью специального оборудования (веб-камера, микрофон, наушники) и программного обеспечения (разнообразные программы проведения вебинаров и телеконференций). Веб-лекция как форма монологического изложения материала имеет свой прототипический образец (синхронная лекция) и периферийную разновидность (записи лекций на образовательных платформах).

Проведенный в статье анализ веб-лекции согласно модели жанра интернет-коммуникации, включающей медийные, прагматические, структурно-семантические и стилистико-языковые параметры, доказал применимость этой модели и к устным жанрам Интернета. Правда, при изучении жанров, базирующихся на устном канале речи, представляется важным допол-

нить прагматические и языковые параметры жанра обращением к признакам коммуникативной близости/коммуникативной дистанции. Так, наш анализ продемонстрировал, что веб-лекция характеризуется мультимедийностью, наличием интерактивных элементов, синхронностью в ядерной разновидности и асинхронностью в записи, и в целом параметрами коммуникативной дистанции (публичность, монологичность, завершенность характера речи). Специфика веб-лекции (как и любого другого устного синхронного жанра интернет-коммуникации) состоит в *пространственной разобщенности коммуникантов при их ситуативной и временной близости*, что оказывается возможным благодаря специфическому каналу и средству речи. Эта специфика проявляется в структурном и языковом оформлении веб-лекции: в структуре жанра предусмотрен эксплицитный структурный блок, нацеленный на проверку канала речи, а в языковом оформлении, в целом ориентированном на литературную норму и академический стиль общения и выдержанном в монологическом ключе, присутствуют элементы диалогичности (приветствие и прощание, обращение, вопросы), а также возможны проявления эмотивности и спонтанности речи (опущения информации, паузы, неравномерный ритм речи и т. д.). В записи лекции эти элементы представлены в меньшей степени.

Перспективой исследования следует считать дальнейшую типологию веб-лекций и включение в предмет рассмотрения также скринкастов (комментируемых лектором презентаций); выявления общих и различных черт веб-лекций и других устных жанров интернет-коммуникации (научных веб-докладов, публичных веб-выступлений (типа TED Talks), видеоблогов, видеointервью и видеодискуссий, видеотрансляций и т. д.). Отметим, что во многих случаях еще даже нет единого обозначения складывающихся устных жанров, что обусловлено постоянным развитием и совершенствованием технических условий коммуникации и во многом стихийным характером освоения пользователями новой коммуникативной среды. Это тем более обуславливает интерес лингвиста к данной сфере и поиск новых форм и подходов для ее описания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bittner J.* Digitalität, Sprache, Kommunikation. Eine Untersuchung zur Medialität von digitalen Kommunikationsformen und Textsorten und deren varietätenlinguistischer Modellierung. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2003. 324 S.
2. *Кондрашов П. Е.* Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 189 с.

3. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 316 p.
4. Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе* / под ред. А. Г. Пастухова. Орел: Картуш, 2007. Вып. 5. С. 223–237.
5. Щипуцина Л. Ю. Лингвистическое преломление технических характеристик компьютерно-опосредованной коммуникации // *Вестник ЯрГУ. Сер. Гуманитарные науки*. 2010. № 1. С. 98–104.
6. Аврамова А. Г. Электронный дискурс в зеркале оппозиции «устный»/«письменный» // *Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2004. № 3. С. 119–126.
7. Трошева Т. Б. Устная речь // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 567–569.
8. *Формановская Н. И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Икар, 2007. 480 с.
9. Соломонок А. Логика знаковых систем разных типов (на примере логик высказывания и жанров речи) // *Жанры речи*. 2018. № 1(17). С. 6–20.
10. Koch P., Oesterreicher W. *Sprache der Nähe – Sprache der Distanz. Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Spannungsfeld von Sprachtheorie und Sprachgeschichte* // *Romanistisches Jahrbuch*. 1985. № 36. S. 15–43.
11. Калинина С. Д. Вебинар как форма электронного обучения в высшей школе // *Вестник МГИМО Университета*. 2015. № 2(41). С. 291–295.
12. Гайнутдинов Р. Г. Развитие лекции как формы организации обучения в высшей школе в условиях информатизации образования // *Казанский педагогический журнал*. 2014. № 2 (103). С. 157–163.
13. Мычка С. Ю., Шаталов М. А. Проведение онлайн-лекций (вебинаров) в рамках стратегии инновационного развития образования // *Электронное обучение в непрерывном образовании*. 2016. № 1 (3). С. 1189–1193.
14. Щипуцина Л. Ю. *Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации*. Архангельск: Помор. ун-т, 2009. 238 с.
15. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // *Жанры речи: сб. науч. ст.* Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
16. Orlikowski W. J., Yates J. *Genre Systems: Structuring Interaction through Communicative Norms*. Cambridge, Massachusetts, 1998. URL: <http://ccs.mit.edu/papers/CCSWP205> (дата обращения: 12.07.2018).
17. Тутова С. В., Талмо Т. Создание модели интерактивной лекции с помощью мобильной системы голосования SRS // *Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2015. № 3. С. 49–63.
18. Прохорова С. Н. Использование скайп-технологий в дистанционном обучении // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Проблемы высшего образования*. 2014. № 3. С. 83–86.
19. Елагина О. Б., Шумилина И. В. Использование технологии вебинара для отработки профессиональных компетенций на курсах повышения квалификации преподавателей // *Педагогические и информационные технологии в образовании*. 2014. № 13. С. 2.
20. Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
21. Олешков М. Ю. Коммуникативно-речевые стратегии в институциональном дискурсе // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2006. № 3. С. 16–30.
22. Bomsdorf B. *Adaptation of Learning Spaces: Supporting Ubiquitous Learning in Higher Distance Education // Mobile Computing and Ambient Intelligence: The Challenge of Multimedia: Dagstuhl Seminar Proceedings 05181*. Hagen, 2005. URL: <http://drops.dagstuhl.de/opus/volltexte/2005/371/pdf/05181.BomsdorfBirgit.Paper.371.pdf> (дата обращения: 20.03.2018).

REFERENCES

1. Bittner J. *Digitalität, Sprache, Kommunikation. Eine Untersuchung zur Medialität von digitalen Kommunikationsformen und Textsorten und deren varietätenlinguistischer Modellierung*. Berlin, Erich Schmidt Verl., 2003. 324 p.
2. Kondrashov P. E. *Komp'uternyi diskurs: sociolingvisticheskiy aspekt* [Computer-mediated discourse: a sociolinguistic approach]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Krasnodar, 2004. 189 p. (in Russian).
3. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 316 p.
4. Goroshko E. I. *Lingvistika Interneta: formirovaniye disciplinarnoy paradigmy* [Linguistics of the Internet: developing a scientific paradigm]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediyom diskurse* [Genres and text types in scientific and media discourse]. Iss. 5. Oryol, Kartush Publ., 2007, pp. 223–237 (in Russian).
5. Shchipitsina L. Yu. *Lingvisticheskoye prelomleniye tekhnicheskikh kharakteristik komp'uterno-oposredovannoy kommunikatsiyi* [Linguistic impact of computer-mediated communication's technical features]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Herald of the Yaroslavl' State University]. Ser. Human Studies, 2010, no. 1, pp. 98–104 (in Russian).
6. Avramova A. G. *Elektronnyi diskurs v zerkale oppozitsiyi "ustnyi"/"pis'mennyi"* [Electronic discourse through the opposition "oral"/"written"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Herald of the Moscow State University], Ser. 19. Linguistics and intercultural communication, 2004, no. 3, pp. 119–126 (in Russian).
7. Troshcheva T. B. *Ustnaya rech'* [Oral speech]. In: *Stilisticheskiy enciklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The Stylistic encyclopedic dictionary of Russian]. 2nd ed. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2006, pp. 567–569 (in Russian).
8. Formanovskaya N. I. *Rechevoye vzaimodeystviye: kommunikatsiya i pragmatika* [Speech interaction: communication and pragmatics]. Moscow, Ikar Publ., 2007. 480 p. (in Russian).
9. Solomonik A. *Logic of Sign Systems of Different Types (on Example of the Logic of Statement and Genres of Speech)*. *Speech Genres*, 2018, no. 1(17), pp. 6–20. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-6-20 (in Russian).
10. Koch P., Oesterreicher W. *Sprache der Nähe – Sprache der Distanz. Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Spannungsfeld von Sprachtheorie und Sprachgeschichte*. *Romanistisches Jahrbuch*, 1985, no. 36, pp. 15–43.
11. Kalinina S. D. *Vebinar kak forma elektronnoy obucheniya v vysshey shkole* [Webinar as a teaching form in high schools]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo instituta mezhdunarodnykh otnosheniy* [The Herald of the Moscow State Institute for International Affairs], 2015, no. 2, vol. 41, pp. 291–295 (in Russian).

12. Gaynutdinov R. G. Razvitiye lektsii kak formy organizatsii obucheniya v vysshey shkole v usloviyakh informatizatsii obrazovaniya [A lecture as a teaching form in high schools in the epoch of education informatization]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Kazan pedagogical journal], 2014, no. 2, vol. 103, pp. 157–163 (in Russian).

13. Mychka S. Yu., Shatalov M. A. Provedeniye onlain-lektsiy (vebinarov) v ramkakh strategiyi innovatsionnogo razvitiya obrazovaniya [Holding a web lecture according to the innovative development of education]. *Elektronnoye obucheniye v nepreryvnom obrazovanii* [Electronic teaching in lifelong learning], 2016, no. 1, vol. 3, pp. 1189–1193 (in Russian).

14. Shchipitsina L. Yu. *Zhanry komp'uterno-oposredovannoy kommunikatsii* [Genres of the computer-mediated communication]. Arkhangel'sk, Pomorskiy universitet, 2009. 238 p. (in Russian).

15. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [The speech genre model]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: coll. of sci. art.]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, pp. 88–98 (in Russian).

16. Orlikowski W. J., Yates J. *Genre Systems: Structuring Interaction through Communicative Norms*. Cambridge, Massachusetts, 1998. Available at: <http://ccs.mit.edu/papers/CCSWP205> (accessed 12 July 2018).

17. Titova S. V., Talmo T. Sozdaniye modeli interaktivnoy lektsii s pomoshch'yu mobil'noy sistemy golosovaniya SRS [Developing an interactive lecture model with the help of a mobile SRS voting system]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Herold of the Moscow State University]. Ser. 19: Linguistics and

intercultural communication, 2015, no. 3, pp. 49–63 (in Russian).

18. Prokhorova S. N. Ispol'zovaniye Skaip-tekhnologiy v distantsionnom obuchenii [Using Skype-technology in a distance learning]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Herold of the Voronezh State University]. Ser. Questions of high education, 2014, no. 3, pp. 83–86 (in Russian).

19. Elagina O. B., Shumilina I. V. Ispol'zovaniye tekhnologiyi vebinara dlya otrabotki professional'nykh kompetentsiy na kursakh povysheniya kvalifikatsiyi prepodavateley [Using a webinar technology for developing the professional competences on the professional proficiency courses]. *Pedagogicheskiye i informatsionnye tekhnologii v obrazovanii* [Pedagogical and information technologies in education], 2014, no. 13, p. 2 (in Russian).

20. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language Circle: Personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 390 p. (in Russian).

21. Oleshkov M. Yu. Kommunikativno-rechevye strategiyi v institucional'nom diskurse [Communicative and speech strategies in the institutional discourse]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [The Herold of the Pyatigorsk State Linguistic University], 2006, no. 3, pp. 16–30 (in Russian).

22. Bomsdorf B. Adaptation of Learning Spaces: Supporting Ubiquitous Learning in Higher Distance Education. *Mobile Computing and Ambient Intelligence: The Challenge of Multimedia: Dagstuhl Seminar Proceedings 05181*. Hagen, 2005. Available at: <http://drops.dagstuhl.de/opus/volltexte/2005/371/pdf/05181.BomsdorfBirgit.Paper.371.pdf> (accessed 20 March 2018) (in English).

Статья поступила в редакцию 12.07.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Шчипицина Л. Ю. Веб-лекция как устный жанр интернет-коммуникации // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 215–226. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-215-226>

For citation

Shchipitsina L. Yu. Web Lecture as an Oral Internet Genre. *Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 215–226 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-215-226>

УДК 811.161.1'27:004.773

ББК 81.2Рус-3

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-227-233>

В. И. Карасик
Москва, Россия
Тяньцзинь, Китай

Vladimir I. Karasik
Moscow, Russia
Tianjin, China

Комические аттрактивы в сетевом дискурсе

Comical Attractives in Network Discourse

Рассматриваются комические аттрактивы в сетевом дискурсе – перепоствы шуток, анекдотов, демотиваторов и других текстов, предназначенные для удовольствия читателей и состоящие в карнавальном переворачивании стереотипных представлений, мнений и способов поведения. Показаны приёмы построения таких комических текстов, которые сводятся к нарушению смыслового согласования между сценариями интерпретации этих высказываний и включают непонимание нестандартности ситуации, тавтологическая неясность, переосмысление значений слов, расхождение стилистических регистров, неконгруэнтность обиходных и смысложизненных оценок, рассогласование позиций участников диалога, интертекстуальное соединение разных жанровых установок, комичное перефразирование, комические трансформации речевых актов.

Ключевые слова: сетевой дискурс, жанры речи, аттрактив, комический текст, карнавализация.

The article deals with comical reposts treated as a genre of network discourse. They include jokes, anecdotes, demotivators and other texts designed for entertaining readers. Such texts upturn stereotypical opinions and ways of behavior. The techniques of their construction and interpretation consist in incongruities between their parts and blending of incompatible meanings which seem bizarre and hence funny. They include misunderstanding of non-standard situations, tautological evidence, reconsideration of word meanings, divergence of stylistic registers, incongruity of habitual and essential evaluations, disagreement between the positions of participants in a dialogue, intertextual combination of different genre dispositions, comical periphrasis, speech acts transformations.

Keywords: network discourse, speech genres, attractives, comical texts, carnivalization.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания.

Место работы: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва; Тяньцзиньский университет иностранных языков.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian Linguistics.

Place of employment: Pushkin State Russian Language Institute, Moscow; Tianjin Foreign Studies University.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Сетевой дискурс насыщен юмором. Общение в сети многократно увеличивает всё плохое и всё хорошее в самопрезентации наших современников: возможность спрятаться под маской ника открывает шлюзы для пошлости, грубости и неприкрытого цинизма, но возникает естественное сознательное и подсознательное противодействие расчеловечиванию человека, и юмор в этом плане выступает как надёжный способ преодоления превратностей нашей индивидуальной и коллективной судьбы.

Основные концепции юмора как отношения к реальности сводятся к идеям повышения своего статуса (смеясь над чем-либо, мы демонстрируем свое превосходство), снятия напряжения (если нечто воспринимается как смешное, это значит, что нет опасности), получения игрового удовольствия (смех

доставляет радость), а его внутренняя природа состоит в сочетании несочетающихся сценариев [1–7]. Существуют определенные юмористические паттерны, структурные схемы высказываний, вызывающих комический эффект [8–10]. Заслуживает внимания соотношение разных типов стимулов и реакций, вызывающих улыбку или смех: фарс вызывает хохот (цирковой юмор), люди обычно улыбаются, услышав шутку, с усмешкой воспринимают остроумные фразы, с ухмылкой реагируют на иронию [11]. Детально изучены жанры комического, в частности анекдоты [12–19]. Выделены типичные объекты юмористической критики в анекдотах: глупое, страшное, запретное и претенциозное [20]. Охарактеризована градация несерьезного поведения – от еле заметной игры до откровенного балагурства, с одной стороны, и от добродушных

шуток до агрессивного черного юмора, с другой стороны [21]. Суть сетевого дискурса – поддержание добрых дружеских отношений с теми, кто входит в широкий круг своих, и поэтому типичные способы демонстрации своего превосходства вступают в противоречие с предназначением сетевого общения.

Различные виды юмора в рамках сетевого дискурса можно объединить под общим названием «комические аттрактивы», поскольку их цель – доставить удовольствие участникам общения и привлечь их внимание к смешному рассогласованию между обычным и данным положением дел и, тем самым, обратить внимание на отправителя сообщения.

Распространенный текстотип юмористического высказывания состоит в форсированном предъявлении нелепого положения дел:

На приеме у врача сидит мужик, у которого из головы торчит топор.

Врач спокойно:

– В детстве корью, желтухой болели?...

Использование стандартного сценария в нестандартной ситуации вызывает улыбку.

Конкретизация самоочевидного – типичный приём построения комического эффекта:

– Назовите вашу слабую сторону.

– Я тупой.

– Мы вам перезвоним.

– Кому вам?

Демонстрация непонимания того, что должно быть понятно каждому, представляет собой разыгрывание комедийного сюжета.

Комичность тавтологии видна в следующем примере:

– Почему ваш ребенок непрерывно орет? Чего он хочет?

– Он хочет орать!

Мы допускаем, что констатация наблюдаемого может ничего не объяснять, но в таком случае подобный ответ содержит импликацию о неуместности вопроса.

Комическое осмысление очевидной ситуации соответствует рубрике «идиотская очевидность»:

– Золушка, почему ты плачешь? Что случилось?

– Я не могу пойти сегодня на бал!!!

– Но почему?

– Да потому что бал завтра!!!

Такие шутки по своей функции соответствуют пустоговоркам, высказываниям, назначение которых – заполнить паузу и вызвать к себе доброе расположение адресата неприятельным цирковым приёмом развлечения.

Переосмысление исходного значения слова либо одного из исходных смыслов часто используется как приём создания комического эффекта:

– Кто любит людей вне зависимости от их национальности, вероисповедания и места жительства?

– Крокодилы.

Семантика глагола «любить» зависит от контекста, в данном случае происходит накладка двух сценариев осмысления этого глагола.

Подобное переосмысление может касаться переносных значений слова:

В трамвае Костик уступил место ясновидящей старушке. «Спасибо, внучек! – поблагодарила она. – Насидишься ещё».

В этой шутке обыгрывается переносное значение глагола «сидеть» – «сидеть в тюрьме». Старушка благодарит воспитанного мальчика, но предрекает ему трудную судьбу.

Комический эффект строится на рассогласовании когнитивных сценариев участников общения, обычно это серьезная и несерьезная коммуникация:

– Девушка, дайте мне таблетку.

– Вам какую?

– Белую.

– Послушайте, это аптека. У нас много белых таблеток.

– Дайте мне одну.

Провизор находится на работе, просьба дать клиенту белую таблетку не является информативной, и дальнейший разговор переводит общение в сферу комического абсурда. Возникают разные импликации применительно к слову «много»: для фармацевта это знак неопределенности просьбы, для посетителя – основание для такой просьбы.

Рассогласование сценариев может быть сфокусировано на несоответствии пресуппозиций относительно типичных коммуникативных ситуаций:

– Что везёте? Оружие, наркотики есть?

– Сейчас посмотрю. Меня мама собирала.

Персонаж этой шутки отвечает на дежурный вопрос службы контроля бессмысленным высказыванием, возлагая ответственность за транспортировку запрещенных предметов на маму.

Интересна серия комических аттрактивов, в которых обыгрываются смысложизненные наблюдения:

– Никто не возвращается из путешествий таким, каким он был раньше.

– Ты же просто сходил за хлебом.

– Я видел людей.

В этом диалоге показан смысловой зигзаг: первое предложение представляет собой сентенцию о значимости путешествий для расширения кругозора человека и понимании жизни, второе резко принижает пафосную направленность предшествующей фразы, но третье возвращает нас на уровень серьезных

наблюдений. Действительно, даже простое посещение магазина по соседству может быть поучительным.

Близкий по типу пример:

Я вдоволь насмотрелся на людскую жестокость, на мёртвые лица, на беспричинное насилие, а потом наконец вышел на своей остановке.

Начало этого предложения заставляет нас подумать о жизненном эпилоге человека, которому многое пришлось испытать, но затем происходит резкий сдвиг в сторону обыденности (стилистическая фигура «батос»). Вместе с тем окончание фразы допускает неоднозначное осмысление: во-первых, из любого опыта можно вывести наблюдения о смысле жизни и закономерностях жизненного пути, и, во-вторых, словосочетание «выйти на своей остановке» может интерпретироваться как уход из жизни. Такая интерпретация пересекается с восприятием поэтических текстов, например, название мюзикла Лесли Брикасса и Энтони Ньюли «Остановите Землю – я сойду».

В подобных случаях нарушения конгруэнтности информации (ее согласованности) комический эффект возникает в пояснении, которое обычно следует за пафосным рассуждением:

– Да кто мы такие, чтобы противостоять силам природы?! Так, пылинки на окраине Вселенной...

– Петрович, бери лопату и убирай снег!

Мы понимаем, что персонаж на самом деле хочет увильнуть от работы.

Неконгруэнтность (инконгруэнтность) частей единого высказывания может быть комичной при парадоксальном переходе ситуаций в иной тип:

Однажды тамаду Сидорова остановил инспектор ГИБДД и выписал штраф за обгон через сплошную, за непристёгнутый ремень, за тонировку, за здоровье, за родителей, за тех, кто в море, за любовь и на посошок!

Первая часть этого сообщения касается стандартного описания санкций сотрудника службы безопасности движения по отношению к нарушителю правил такого движения (обгон через сплошную, непристёгнутый ремень, тонировка), но ситуация становится комичной, когда мы понимаем, что виновник этих нарушений, будучи тамадой, предлагает патрульному офицеру выпить с ним (приводятся типичные тосты).

Юмор часто строится на полном противоречии между пресуппозициями о нормальной картине мира и содержанием высказывания:

Объявления

Делаю копии с любых документов. Оригинал не требуется.

Копия, у которой нет оригинала, есть нонсенс.

Смещение обиходной реакции в область профессионально значимой ситуации может быть комичным:

«Я могу управлять самолетом!» – раздался радостный возглас из кабины пилота, и все пассажиры рейса Москва – Анталия миготом протрезвели.

Пассажиры понимают, что за пультом управления воздушным лайнером оказался человек, впервые принявший на себя роль пилота. Комизм ситуации состоит в несопадении реакций субъектов этой ситуации: детская радость того, кто решил поиграть в лётчика, и ужас пассажиров.

Комичным является неожиданное совмещение повествовательных стереотипов:

И тут они сели в лифт и умчались в неизвестном направлении...

Первая часть фразы описывает обычное положение дел, а вторая относится к приключенческим сюжетам, при этом мы понимаем, что лифт может двигаться только вверх или вниз, и поэтому контаминация этих сюжетов вызывает улыбку.

Подобное совмещение может касаться сфер общения:

Котлеты – на плите.

Борщ – в холодильнике.

Смысл жизни – в служении гуманистическим идеалам человечества.

Целую

В записке, предназначенной близкому человеку, совмещены разноплановые темы – обиходная и этико-философская, и констатация смысложизненных ценностей в контексте бытового дискурса выглядит комично.

Интересны случаи игры с условностями:

Объявление в детском саду:

«Уважаемые родители! Не верьте, пожалуйста, всему тому, что рассказывает ваш ребёнок про детский сад! В свою очередь, мы обещаем не верить всему тому, что он рассказывает про вас».

Предполагается, что ребёнок рассказывает родителям о том, как ему плохо в детском саду, а воспитателям говорит о том, что его обижают родители. Условность этой шутки состоит в обещании не верить: мы понимаем, что такие обещания давать бессмысленно, но можно делать вид, что подобная договорённость достигнута.

К числу подобных комичных замещений относятся и квазипарольные замены очевидных обозначений произвольными знаками:

Вниманию сотрудников

Не забудьте, 29 декабря работаем.

Работаем с самого утра. Как начнём утром работать, так до самого вечера и ра-

ботаем. Приносим с собой из дома купленную заранее работу и работаем. Ходим друг к другу в кабинеты и пробуем работу друг друга. Главное – работу нужно правильно закусывать, а то можно не увидеть конца рабочего дня.

В данном контексте слово «работа» обозначает «спиртное». Этот приём является неприятным распространённым способом комической трансформации знаков и по своей сути близок цирковому юмору. Аналогичные обозначения видны в старом анекдоте:

– *Сколько книг вмещается в твой портфель?*

– *Думаю, шесть по 0,5.*

Шутки о выпивке подразумевают понимание того, что эту тему желательнее обозначать косвенно.

Перевод содержания в подтекст бывает комичным:

Раньше ведь оно как было?

– *Как?*

Вот именно! а теперь что?

– *Что?*

Вот и я говорю.

Перед нами пародирование диалога, включающего эхо-реплики. Обычно такие реплики направлены на демонстрацию поддержки собеседника, сохранение эмоционального контакта, но в ряде случаев они свидетельствуют о непонимании, которое является смешным.

Интересны случаи вербализации иллюзий, которые не должны быть словесно обозначены (иллюзивное самоубийство):

Переубедить вас мне не удастся, поэтому сразу перейду к оскорблениям.

Высказывание «я вас оскорбляю» превращает акт оскорбления в нонсенс.

Комичными являются распространённые случаи демонстративного рассогласования позиций участников диалога:

– *Доктор, а я на операции не умру?*

– *Что вы, нас так за это ругают!!!*

Ответ врача свидетельствует о том, что его система ценностей радикально отличается от установок пациента (пациент в данном случае ассоциируется с представителями всего сообщества). Обратим внимание на то, что в шутках на медицинские темы врачи шуточно оценивают себя:

Если больной хочет выздороветь, медицина бессильна.

Мы понимаем, что не всё зависит от врачей, но всё-таки что-то зависит (сравним с возможной заменой начала фразы *Если больной не хочет выздоравливать...* – такое высказывание вряд ли допускает шуточную интерпретацию).

В сетевом дискурсе шуточно оцениваются приоритеты представителей разных профессиональных групп:

Если внимательно понаблюдать за сотрудниками Макдональдса, можно сразу заметить филологов: они кладут котлеты в булочки, а не ложат, как остальные.

Насмешка над ненормативным глаголом «ложить» вызывает улыбку. Аналогичный эффект прослеживается в демотиваторе (шуточном плакате), на котором изображены грешники в адском котле в окружении чертей. Подпись: «Они не различали “тся” и “ться”». Такая ошибка весьма частотна в интернет-общении.

Контаминация интерпретативных сценариев требует осознания современной картины мира:

Утром ехал на автобусе, задумался и, выходя на своей остановке, всем громко сказал: «До свидания». Потом дошло, что сморозил глупость, притормозил в дверях и обернувшись добавил: «А впрочем, прощайте». Вы бы видели, как они все за мной выпрыгивали.

Пассажиры в общественном транспорте не приветствуют друг друга и не прощаются при выходе. Герой повествования делает коммуникативную ошибку, пытается исправиться, но это приводит к развёртыванию другого сценария: слово «прощайте» произносится, когда прощаются навсегда, в наши дни первое, что приходит в голову нашим современникам в такой ситуации, это предупреждение о наличии взрывного устройства в транспорте. Перед нами пример чёрного юмора, назначение которого – критически оценить сегодняшнюю реальность.

Юмор в сетевом дискурсе может строиться на фигурах интертекстуальных связей, например, так обыгрывается жанр полезных советов:

Мало кто знает, что для украшения квартиры на новый год достаточно бросить петарду в винегрет.

Взрыв петарды в винегрете приведет к тому, что на всех стенах будут следы овощей. В какой мере квартиру после этого можно назвать красивой, – это дискуссионный вопрос.

Часто обыгрывается жанр рекомендаций. Комично выглядит контаминация реальной и сказочной ситуации:

При встрече с медведем постарайтесь не совершать резких движений, не есть из его миски и не спать в его кровати.

Первая часть рекомендации выглядит вполне соответствующей подобному жанру, а вторая является аллюзией к известной русской народной сказке. В результате такого совмещения рекомендация как таковая вызывает улыбку.

Популярно также обыгрывание жанра «объявление». Шутливое переворачивание пресуппозиций прослеживается в следующем примере:

Объявление в зоопарке: «Уважаемые обезьяны, до вас дойдёт быстрее: не ешьте у людей с рук!»

Обычно в зоопарках вывешиваются объявления о том, что животных нельзя кормить. Абсурдное замещение адресатов текста вызывает улыбку.

В ряде случаев комизм таких текстов представляет собой черный юмор:

Объявление

Таксисту, нашедшему в своей машине документы с грифом «Совершенно секретно», предлагается застрелиться самому...

Здесь сталкиваются две объяснительные линии: 1) знакомство с секретной информацией смертельно опасно и 2) найти такого таксиста не представляется возможным, и поэтому ему предложено самостоятельно застрелиться.

Интересны случаи комических диалогов с самим собой:

Встретилось слово «скарификатор». Решил глянуть в словаре, что это. «Скарификатор – это инструмент для скарификации перикарда». Я так и думал.

Обыгрывается непонятное неспециалисту толкование медицинских терминов. Предполагается, что словарь должен раскрыть значение слова. Скарификация в медицине – это создание мелких поверхностных насечек, соответственно, скарификатор – это инструмент для прокалывания, перикард – тканевая оболочка, окружающая сердце. Такая операция используется для борьбы с аритмией. Непонимание терминов вполне простительно для людей, не имеющих специального образования. Комичным в этой ситуации является комментарий: «Я так и думал». Словарь, как выясняется, не всегда раскрывает значение непонятных слов.

Вызывают улыбку некоторые классификации:

В принципе, окружающие делятся на две категории – на тех, кто меня хвалит, и тех, кто совершенно не разбирается в людях.

Из этой шутливой дихотомии вытекает вывод: те, кто меня не хвалит, не разбираются в людях, т. е. меня нужно хвалить. Подобные шутки строятся по определённому образцу, например:

По этому поводу есть две точки зрения – моя и неправильная.

Комичным в ряде случаев бывает перефразирование:

Никогда не говори: «Я ошибся». Лучше скажи: «Надо же, как интересно получилось!».

Отметим, что подобные заместительные обороты часто юмористически обыгрываются в анекдотах:

В одном детском садике дети стали использовать нецензурные выражения. Выяснилось, что несколько дней назад там меняли водопроводную трубу. Рабочих спросили: не ругались ли те при детях? Мастера ответили отрицательно. Тогда вопрос уточнили: не произошло ли чего-то необычного во время замены трубы? Один из рабочих вспомнил, что его напарник уронил ему на ногу тяжёлую трубу. «И что же вы сказали? – Вот незадача!».

Мы понимаем, что на самом деле были сказаны другие слова, а их замена этим выражением выглядит как смешной эвфемизм.

Комичными бывают и трансформации речевых актов. Например, угроза:

Вечерняя электричка. В переполненный вагон входит мальчик с барабаном на шее. Весело оглядев усталых и мрачных пассажиров, он звонко кричит:

– Ну что, граждане, или по десяточке, или я начинаю свой концерт!

Барабанный концерт в вечерней электричке вряд ли будет приятен пассажирам. Комизм ситуации состоит в том, что артисту обычно платят за его игру, за демонстрацию умения развлечь публику. В данном случае подразумевается, что платить нужно за то, чтобы остаться в покое. Происходит карнавальное переворачивание типичной ситуации.

Подобные трансформации могут затрагивать и осмысление примет:

– Дорогой, соль рассыпалась ... говорят это к ссоре.

– Дорогая, не переживай, может, обойдетсся?

– Ну уж нет, милый, я уже настроилась!

Предполагается, что обычно люди стремятся избежать ссор и огорчаются, если появляются знаки, предвещающие ссору. Героиня этой шутки переворачивает привычное положение дел и демонстрирует желание поссориться без всякой причины. Рассыпанная соль становится просто удобным поводом для такого поведения.

Комичной может быть и прагматика сослагательного наклонения:

Как известно, евро в последнее время сильно подешевел по отношению к доллару. Если бы у меня был миллиард евро, то как представляю – аж плохо становится. А так всё нормально...

Обычно люди огорчаются, если у них нет денег. Герой этого нарратива переворачивает ситуацию: ему приятно, что у него нет причины для огорчения, поскольку изменение курса евро его никак не затрагивает. Такая пози-

ция вызывает улыбку, но отметим, что в этом повествовании можно найти и нескрываемое злорадство по поводу того, что некоторые миллиардеры потеряют свои богатства.

Комментарии к аттрактивам носят свёрнутый характер: читатели обычно просто ставят стилизованные знаки одобрения – лайки.

Резюмирую.

Комические аттрактивы в сетевом дискурсе представляют собой перепосты шуток, анекдотов, демотиваторов и других текстов с изображениями или без них, предназначенные для удовольствия читателей и состоящие в карнавальном переворачивании стереотипных пред-

ставлений, мнений и способов поведения. Приёмы построения таких комических текстов состоят в различных вариантах нарушения смыслового согласования между сценариями интерпретации этих высказываний: непонимание нестандартности ситуации, тавтологическая самоочевидность, переосмысление значений слов, расхождение стилевых регистров, неконгруэнтность обиходных и смысловых жизненных оценок, рассогласование позиций участников диалога, интертекстуальное соединение разных жанровых установок, комичное перефразирование, комичные трансформации речевых актов.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода» (2019–2021)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Attardo S. *Linguistic Theories of Humor*. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1994. 426 p.
2. Davies C. *Jokes and their relation to society*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1998. 244 p.
3. Davis M. S. *What's So Funny? The Comic Conception of Culture and Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1993. 386 p.
4. Morreall J. *Philosophy of Humor* // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Ed. Edward N. Zalta. 2016. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/humor/> (дата обращения: 10.10.2018).
5. Mulkay M. *On Humor: Its Nature and Place in Modern Society*. Cambridge: Polity Press, 1988. 232 p.
6. Raskin V. *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht: Reidel, 1985. 284 p.
7. Yus F. *Humor and Relevance*. Amsterdam: John Benjamin's, 2016. 367 p.
8. Chiaro D. *The Language of Jokes: Analysing Verbal Play*. L.; N. Y.: Routledge, 1992. 129 p.
9. Hofstadter D., Gabora L. *Synopsis of the workshop on humor and cognition* // *Humor*. 1989. Vol. 2, iss. 4. P. 417–440.
10. Shouse E. *Tales of the bizarre: Notes on the Nature of Humor and Reality* // *Israeli Journal for Humor Research*. 2017. Vol. 6, iss. 2. P. 50–67.
11. Cassar M. A. *Kinds of Pleasure and Types of Laughter in the Analysis of Laughter Provocation* // *Israeli Journal for Humor Research*. 2017. Vol. 5, iss. 2. P. 42–51.
12. Белоусов А. Ф. Современный анекдот // *Современный городской фольклор*. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003. С. 581–598.
13. Габидуллина А. Р. Анекдот с точки зрения прагматической лингвистики // *Востокукраинский лингвистический сборник*. Вып. 6. Донецк: Донеччина, 2000. С. 295–302.
14. Душенко К. В. «Право на анекдот». Современный анекдот как социокультурный феномен // *Человек:*

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-012-00609 A “Modern Russian Axiosphere: semantic and pragmatic transformation of the Russian cultural code” (2019–2021)).

образ и сущность: Ежегодник. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 132–160.

15. Курганов Е. Я. Анекдот как жанр. СПб.: Академический проект, 1997. 123 с.
16. Норман Б. Ю. К анализу анекдота как жанра непрямого коммуникации // *Прямая и непрякая коммуникация: сб. науч. ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2003. С. 283–290.*
17. Столович Л. Н. Анекдот и миф // *В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество*. М.: Академический проект; РИК, 2005. С. 476–484.
18. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. *Русский анекдот: Текст и речевой жанр*. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с.
19. Щурина Ю. В. *Шутка как речевой жанр: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Новгород, 1997. 24 с.
20. Слышкин Г. Г. *Лингвокультурные концепты и метаконцепты*. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
21. Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

REFERENCES

1. Attardo S. *Linguistic Theories of Humor*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1994. 426 p.
2. Davies C. *Jokes and their relation to society*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1998. 244 p.
3. Davis M. S. *What's So Funny? The Comic Conception of Culture and Society*. Chicago, University of Chicago Press, 1993. 386 p.
4. Morreall J. *Philosophy of Humor*. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Edward N. Zalta (ed.). 2016. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/humor/> (accessed 10 October 2018).
5. Mulkay M. *On Humor: Its Nature and Place in Modern Society*. Cambridge, Polity Press, 1988. 232 p.
6. Raskin V. *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht, Reidel, 1985. 284 p.
7. Yus F. *Humor and Relevance*. Amsterdam, John Benjamin's, 2016. 367 p.

8. Chiaro D. *The Language of Jokes: Analysing Verbal Play*. London, New York, Routledge, 1992. 129 p.
9. Hofstadter D., Gabora L. Synopsis of the workshop on humor and cognition. *Humor*, 1989, vol. 2, iss. 4, pp. 417–440.
10. Shouse E. Tales of the bizarre: Notes on the Nature of Humor and Reality. *Israeli Journal for Humor Research*, 2017, vol. 6, iss. 2, pp. 50–67.
11. Cassar M. A. Kinds of Pleasure and Types of Laughter in the Analysis of Laughter Provocation. *Israeli Journal for Humor Research*, 2017, vol. 5, iss. 2, pp. 42–51.
12. Belousov A. F. Sovremennyj anekdot [Modern anecdote]. In: *Sovremennyj gorodskoj fol'klor* [Modern urban folklore]. Moscow, Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 2003. pp. 581–598 (in Russian).
13. Gabidullina A. R. Anekdot s tochki zreniya pragmalingvistiki [Anecdote from the point of view of pragmalinguistics]. *Vostochnoukrainskij lingvisticheskij sbornik* [East Ukrainian linguistic collection]. Vol. 6. Doneck, Donechchina Publ., 2000, pp. 295–302.
14. Dushenko K. V. “Pravo na anekdot”. Sovremennyj anekdot kak sociokul’turnyj fenomen [“The right to anecdote”. Modern anecdote as a sociocultural phenomenon]. In: *Chelovek: obraz i sushchnost’: Ezhegodnik* [Man: Image and Essence: Yearbook]. Moscow, INION RAN, 2000, pp. 132–160 (in Russian).
15. Kurganov E. Ya. *Anekdot kak zhanr* [Anecdote as a genre]. Saint Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 1997. 123 p. (in Russian).
16. Norman B. Yu. K analizu anekdota kak zhanra nepryamoj kommunikacii [Analysis of the anecdote as a genre of indirect communication]. In: *Pryamaya i nepryamaya kommunikaciya: sb. nauch. st.* [Direct and indirect communication]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh” Publ., 2003, pp. 283–290 (in Russian).
17. Stolovich L. N. Anekdot i mif [Anecdote and myth]. In: *V perspektive kul'turologii: povsednevnost', yazyk, obshchestvo* [In the perspective of cultural studies: everyday life, language, society]. Moscow, Akademicheskij proekt, RIK Publ., 2005, pp. 476–484 (in Russian).
18. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkij anekdot. Tekst i rechevoj zhanr* [Russian anecdote. Text and speech genre]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2002. 144 p. (in Russian).
19. Shchurina Yu. V. *Shutka kak rechevoj zhanr* [Joke as speech genre]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Filol.). Novgorod, 1997. 24 p. (in Russian).
20. Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguistic-cognitive concepts and metaconcepts]. Volgograd, Peremena Publ., 2004. 340 p. (in Russian).
21. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 3.12.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Карасик В. И. Комические аттрактивы в сетевом дискурсе // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 227–233. DOI: <https://dx.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-227-233>

For citation

Karasik V. I. Comical Attractives in Network Discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 227–233. DOI: <https://dx.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-227-233>

ЖАНРЫ В ФИЛО- И ОНТОГЕНЕЗЕ

УДК 811.161.1'242

ББК 81.2Рус-3

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-234-239>

А. В. Сидоренко
Стерлитамак, Россия

Alexey V. Sidorenko
Sterlitamak, Russia

Отговорка и отговор в системе речевых жанров

The Otgovorka and the Otgovor in the System of Speech Genres

Исследование посвящено двум близким жанрам, находящимся на периферии актуальной речежанровой системы. Отговорка является жанром детского фольклора, отражающим одну из специфических форм коммуникативного поведения детей. Она позволяет защититься от вербальной агрессии с помощью некоторого перечня известных в детской субкультуре клишированных (чаще всего рифмованных) текстов. В речи взрослых ей соответствует отговор – жанр, нехарактерный для литературной речи, сфера его бытования представлена народным типом речевой культуры. Он восходит к особой разновидности проклятия, назначение которой – защититься от вербальной агрессии. В современной русской речи отговор представлен спорадическими явлениями, однако, по данным словарей, жанр в предыдущие эпохи развития русского языка и культуры был более развит. Отговорка и отговор рассматриваются как риторические жанры.

Ключевые слова: отговорка, отговор, вербальная агрессия, детский фольклор, народная культура, проклятие, система речевых жанров современности.

The research deals with two related genres, representing the periphery of the contemporary system of speech genres. The otgovorka is a genre of children's folklore, reflecting a specific form of children's communicative behavior. It allows to defend oneself against verbal aggression with the help of a certain list of cliched (most often rhymed) texts well known in children's subculture. In the speech of adults it corresponds to the otgovor – a genre uncharacteristic of literary speech, the sphere of its usage is folk culture. It goes back to a special type of curse, the purpose of which is to protect oneself from verbal aggression. In modern Russian speech, the otgovor is represented by sporadic phenomena, however, according to dictionaries, the genre was more typical of the previous stages of the development of the Russian language and culture. The otgovorka and the otgovor are studied as rhetorical genres.

Keywords: otgovorka, otgovor, verbal aggression, children's folklore, folk culture, curse, the contemporary system of speech genres.

Сведения об авторе: Сидоренко Алексей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Место работы: Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал.

E-mail: alexeysidorenkoff@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9656-6820>

About the author: Sidorenko Alexey Vladimirovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language.

Place of employment: Sterlitamak Branch of the Bashkir State University.

E-mail: alexeysidorenkoff@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9656-6820>

Вводные замечания

Хорошо известно, что «в каждую эпоху развития литературного языка задают тон определенные речевые жанры...» [1: 165]. Очевидно, что эти жанры без труда опознаются носителями языка, у них есть общеизвестные «имена». В то же время жанры, не соответствующие «речежанровой картине современности», «внешнекультурной и внутрикультурной парадигме» [2: 84], часто не имеют общепризнанных имён, а их точная квалификация вызывает затруднения. Такие явления, которые, на наш взгляд, уместно именовать

«речежанровыми маргиналиями» (например, заклинание в детской речи [3]), полностью не уходят из употребления и существуют в виде своего рода реликтов. Их изучение позволяет увидеть, как со временем меняются очертания речежанровой действительности.

Нередко названия подобных речевых жанров являются в настоящее время частью терминосистемы определенной области специального знания (фольклористики, этнолингвистики и др.). В этом случае рядовой носитель языка либо не знает соответствующего определенному жанру термина (*благопожелание*,

закличка), либо смешивает близкие жанры (*примета* и *запрет*, *заклинание* и *заговор*). Как пишет К. А. Богданов, классификация фольклорных жанров является плодом научной мысли, и поэтому просьба к информанту рассказать, например, *предание* бессмысленна [4: 23]. Научна и разрабатываемая типология речевых жанров, поэтому, несмотря на то что абсолютное большинство имен речевых жанров в силу своей прозрачной внутренней формы и соотносительности с соответствующими глаголами речевой деятельности (*донос* – *доносить*, *клятва* – *клясться*, *исповедь* – *исповедоваться* и т. п.) хорошо известны рядовому носителю языка (чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на их обширный перечень, представленный в монографии В. В. Дементьева «Теория речевых жанров» [5: 294–304]), неспециалист по-журденовски может открыть для себя, что воспроизводит, к примеру, *рассказ-пластинку* или вступает в *фатический диалог*.

Отговорка в системе жанров детского фольклора

Идея исследования описываемого в данной статье речевого жанра родилась в ходе изучения речежанровой картины советского детства [3, 6]. Проблема заключается в следующем: едва ли носитель русского языка, не обладающий специальной подготовкой в области детского фольклора, сможет правильно определить актуальный в детской коммуникации речевой жанр, представленный текстами типа «*На горе стоишь – сам на себя говоришь*», «*А я лесенку поставлю и все буквы переставлю*» и т. п. Его специфическое, конвенционально закрепленное в детской субкультуре назначение – нивелировать оскорбительный потенциал любого обращенного к адресату агрессивного высказывания, нередко перенаправляя уничтожительную характеристику на самого агрессора.

Известным психологом, исследователем детской субкультуры М. В. Осориной для данного жанра был предложен термин *отговорка*. По указанию автора, так называют соответствующие ему тексты сами дети. «Отговорка – это обычно рифмованный фольклорный текст, который используется детьми в качестве защитного клише на вербальную агрессию определенного типа. Дети младшего возраста считают их наиболее адекватным и оптимальным орудием защиты в ситуации дразнения» [7: 58].

Отговорка – реактивный жанр, в речежанровой системе детского фольклора парный по отношению к *дразнилке* (или *издевке* и т. п.). Имя данного жанра принадлежит термино-

системе фольклористики. (Оно омонимично названию другого речевого жанра, свойственного повседневному общению и известного среднему носителю языка: «ссылке на что-либо с целью уклониться, отказаться от чего-нибудь» [8: 1309]). К тому же сам жанр, представленный в детской речи в основном рифмованными текстами, имеет очень узкую применимость, ограниченную лишь одной, четко заданной коммуникативной ситуацией, и, показательно, имеет четкие возрастные ограничения, налагаемые на образы автора и адресата (согласно модели речевого жанра Т. В. Шмельевой [9]): появляясь в речи детей дошкольного периода, достигает пика употребительности к 7–8 годам и постепенно уступает место другим подобным жанрам с той же коммуникативной целью (в частности, *остротам* типа «*Все про себя да про себя, а про меня ни слова*» или «*А тебе завидно? Завидуешь молча!*») примерно к 11 годам [7: 61].

М. В. Осорина предложила классификацию текстов отговорок «по содержанию»: 1. «Магическую манипуляцию словами и буквами» представляют тексты типа «*Черная касса – ключ у меня, / Кто обзывается – сам на себя*», «*А я лесенку приставлю / И все буквы переставлю*». 2. «Имитации дедуктивно-логического заключения» соответствуют формулы типа «*Я дурак, а ты дурнее, / Значит, я тебя умнее*». 3. «Позитивная расшифровка обзывания» выглядит следующим образом: «*Дура – дорогая, уважаемая, родная, обожаемая*». 4. Наконец, «защита-нападение» реализуется как «*Я – дурочка Снегурочка, / Мой папа – Дед Мороз, / А мамочка – фиалочка, / А ты – сопливый нос*» [7: 60]. *Отговорка* эффективна потому, что она представляет собой удачное, остроумное (с точки зрения детского вкуса) высказывание. Показательно, что в зачине ряда текстов, выполняющих защитную функцию, присутствует эстетическая оценка высказывания агрессора: «*Не складно, не ладно, в твоих трусах прохладно...*», «*Не в склад, не в лад, поцелуй корову в зад...*» и т. п.

Ценность *отговорки* как этикетного жанра заключается в том, что она позволяет восстановить социальное равновесие, погасить конфликт, не прибегая к ответной агрессии (помимо того «агрессивного» компонента, который заложен в *отговорках* типа «защита-нападение»). И хотя исследования М. В. Осориной осуществлены более 30 лет назад и за это время существенно изменилась общекультурная парадигма, *отговорка* (как и парная ей *дразнилка*) остается, по словам фольклористов, актуальным жанром детской речи даже в среде, не располагающей к сохранению детского фольклора [10: 285]. Однако, подобно *мирилкам* и *правовым приговорам*, *отговорка*

почти не исследована [11: 41] (как и множество иных жанров, «которые не изучены вообще и даже практически не изданы» [12: 226]). Нередко их вообще нет в сборниках детского фольклора.

Итак, название *отговорка* «подслушано» у детей и введено М. В. Осориной в научный оборот в качестве названия жанра. Однако даже сами фольклористы не всегда им пользуются: так, в относительно недавно изданном сборнике детского фольклора этот жанр представлен под именем «*дразнилочка-перепалочка*» [13: 553–555]; в другом сборнике *отговорки* помещены вместе с *дразнилками* и не отграничены от них [14: 85]. *Отговорке* посвящена отдельная статья в культурно-антропологическом словаре С. Б. Борисова «Русское детство» [15: 81–82].

Есть ли отговорка в речи взрослых?

В работе [6] мы показали, что в детской речи советского периода жанр *клятвы* имел весьма своеобразную модификацию, представленную в основном устойчивыми текстами, созданными по фольклорным законам. Аналогичным образом такой актуальный для детей дошкольного возраста жанр, как *мирилка* (наиболее известны представляющие его тексты с зачином «*Миришь, миришь, миришь, и больше не дерись...*», хотя есть и иные [13: 555–556]), в речевом жанре может быть рассмотрен как вариация «взрослого» жанра *примирения*, что соответствует, по-видимому, идее Т. В. Шмелёвой о «регулярной реализации речевых жанров, которые будут различаться прежде всего по сферам общения» [9: 97] и точке зрения, высказанной в недавней статье В. А. Салимовского и Д. В. Яруллиной, согласно которой «тождество жанра» определяется «по первичному замыслу, соответствующему иллокуции» [16: 156]. В обоих случаях бахтинское противопоставление «стандартных» и «более свободных и творческих» [1: 187] жанров, если принять данную точку зрения, становится не актуальным: у взрослых жанр воплощается в более или менее свободных высказываниях, а у детей – в устойчивых формулах. Это объясняется как формирующейся жанровой компетенцией ребенка («жанрами нужно хорошо владеть, чтобы свободно пользоваться ими» [1: 187] – овладевая непростым этикетным жанром *примирения*, ребенок пользуется готовыми формулами-*мирилками*), так и востребованностью «коммуникативных клише» в детской субкультуре, «завораживающей» ребенка «магической силой ритмического текста» [7: 61].

В связи с высказанными соображениями напрашивается вопрос о наличии жанра, по-

добного *отговорке* (или тождественного ему), в речи взрослых. Если идти от параметра языкового оформления, становится ясно: никаких клише, кроме «*сам дурак*» (название рубрики выходившей с 1980-х гг. телепередачи Дм. Крылова «Телескоп», где критикуемый деятель кино или ТВ мог развернуто ответить своим критикам) или «*от X-а слышу*» (« – *Самозванец. / – От самозванца слышу*» из диалога царя и И. В. Бунши в комедии Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию»; « – *Ну и дурак. / – От дурака слышу. / – Ну ладно, ладно... уж и слова не скажи!*») [Вен. Ерофеев. Москва – Петушки (1970)], по нашим наблюдениям, в современной русской речи не представлено. Хотя у В. И. Даля есть выражения, как будто подходящие для выражения данной интенции, например, «*Твой приговор, да тебе же во двор*» [17: 1064]. Насущная проблема: как ответить на акт вербальной агрессии, не теряя достоинства и не переходя к перебранке с чередой взаимных оскорблений, судя хотя бы по комментариям к публикациям в популярных группах социальных сетей, в мире взрослых не решена.

Таким образом, несоответствие *отговорки* речевом жанру современности также не способствует закреплению названия данного жанра в широком обиходе. С точки зрения критерия, предложенного А. Д. и Е. Я. Шмелевыми («отнесенность конкретной речевой деятельности к тому или иному речевому жанру определяется способностью носителей языка идентифицировать и назвать его как таковой» [18: 18]), можно предположить, что перед нами *оскорбление* или *перебранка* – эти имена жанров всегда на слуху.

Словари русского литературного языка XX–XXI веков не фиксируют лексемы *отговорка* в значении названия данного жанра. Однако в БАС'е находим слово *отговор*, одно из значений которого: «У суеверных людей – заклинание, якобы имеющее силу отвратить что-либо» [8: 1309]. В «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847) *отговор* (слово характеризуется пометой *старое*) значит «ответ, отповедь, возражение» [19: 101]. В «Словаре русского языка XI – XVII вв.» его прямое значение – «ответ» [20: 215]. Среди пяти значений слова *отговорити*, выделенных в том же словаре, в аспекте изучаемой проблемы нас интересуют следующие: «возражая, отвести, отклонить, отменить» [20: 216].

Еще более интересные результаты дает обращение к «Словарю русских народных говоров». *Отговаривать* значит «говорить в ответ; отвечать»; также зафиксирован оттенок значения «грубо отвечать кому-либо; огрызаться»: «*Мы у батьки жили, никогда не отговаривали; и дети у меня не отговаривали*».

(Отметим: согласно словарю, *отговаривать* не всегда значит *огрызаться*: это близкие, но разные жанры). *Отговариваться* значит «грубо отвечать кому-либо; огрызаться». *Отговор* в данном словаре имеет два значения: 1. «Резкое возражение на чье-либо замечание, отповедь». 2. «В суеверных представлениях – заклинание, якобы способное вызвать болезнь, порчу и т. п.» [21: 152]. Синонимом *отговора* в первом значении выступает *отбрёх*: «ругань в ответ на ругань; отговорка, возражение» [21: 122]. Фиксируются также дериваты *отговорчивый* («находчивый в разговорах, бойкий на язык»), *отговорщик* («тот, кто грубо отвечает старшим, огрызается», а также «знахарь, колдун, якобы способный избавить о болезни, наговора, порчи») и *отговорщица* [21: 152]. В БАС'е находим также просторечные глаголы *отбрёхиваться* в значении «отбраниваться, отругиваться» [8: 1249] и *отругиваться* – «бранью защищаться от нападков» [8: 1585].

Таким образом, в просторечии и диалектах существуют глаголы речевой деятельности (*отругиваться*, *отбрёхиваться*, *отговаривать*) и соответствующие им существительные (*отбрёх*, *отговор*), именующие особый речевой жанр, не характерный для сферы литературной речи. По-видимому, этот жанр следует отнести к риторическим (в соответствии с критериями, предложенными О. Б. Сиротининой [22]). Не каждый способен *отговаривать* (*отбрёхиваться*, *отругиваться*): словарь фиксирует лексемы *отговорчивый*, *отговорщик* и *отговорщица* для обозначения лиц, обладающих соответствующей жанровой компетенцией. Спрос на подобную компетенцию сегодня порождает предложение на рынке популярной психологической литературы (вспомним: впервые к исследованию отговорки обратился именно психолог). Таковы книга В. Петровского и А. Ходорыча «Энкоды: как договориться с кем угодно и о чем угодно» (М.: Эксмо-Пресс, 2011), обещающая научить «блокировать любую словесную агрессию», адресованная «деликатным умным людям, страдающим от окружающего хамства» работа М. Литвака «Психологическое айкидо» (Ростов н/Д: Феникс, 2011) и многие другие.

Отговор как проклятие

В сфере детской речи *отговору* соответствует *отговорка*. Формальная организация многих текстов, воплощающих данный жанр, их коммуникативная цель (защита от акта вербальной агрессии), заложенная в них концепция адресанта и адресата и другие параметры позволяют говорить о том, что *отговорка* наследует определённому типу традицион-

ных славянских *проклятий*, произносимому «в условиях словесного поединка, в ходе перебранки», примером чего являются следующие «речежанровые сценки» (выражение В. В. Дементьева) на белорусском языке: «*Брэшэш ты! – Нехай тваго бацька дзеці брэшуць!*»; «*Пацалуў ў сраку! – Каб на тваю сраку чэрвей з сабаку!*» [23: 290]. По словам исследователей традиционной славянской культуры, «подобные злоречения призваны не столько проклясть обидчика, сколько дать ему отпор, оскорбить, ответить бранью на брань» [23: 290]. Приведенные здесь примеры позволяют увидеть хотя бы отдаленную близость *отговорки* и данного типа *проклятия* с точки зрения языкового воплощения представляющих их текстов. Так, уже по двум приведенным текстам становятся заметны «подхват» лексемы, являющейся составной частью инвективы, наличие местоимений второго лица, как это проявляется во многих отговорках («*Я дурак, а ты дурнее...*», «*Я – дурочка-Снегурочка..., а ты – сопливый нос*»), ответное оскорбление, нередко на основе лексикой сферы материально-телесного низа («*Обзываетя сколько влезет –/На тебя понос налезет*», «*Не складно, не ладно, /В твоих трусах прохладно*») и т. д. Тексты же вроде «*На горе стоишь – сам на себя говоришь*», «*Кто так обзывается, тот сам так называется*» [13: 554] построены по модели, свойственной другому типу *проклятия* – «вербальному оберегу, имеющему целью защитить от порчи, от опасных контактов, вредоносных сил», коммуникативная цель которого – «не только отвернуть от себя «черное слово», но и переадресовать его тому, кто проклинает, «пересылая» угрозу на говорящего («Из твоих уст тебе на голову»)» [23: 290]. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» находим примеры белорусских, польских, сербских, болгарских *проклятий-оберегов*: «*Каб твае клятвы да табе ў пяты!*», «*Каб твае рэчы да табе ў плечы, твае слаvesа да табе за пояса!*», «*Клят, клят ды на сябе бяры!*», «*Чужым вочам – соль да пячаль. Што думаеш мне, получи сабе!*», «*Кто klnie, to na niego Ignie!*», «*Немој ме проклету-сујеш, тебе че те стигне!*» [«*Не кляни меня, на тебя это падет!*»], «*Како ми помислиш, све тебе стига!*» [«*Что думаешь мне, все настигнет тебя*»] [23: 290]. Показательно, что в рамках разных славянских традиций были выработаны специальные наименования для данного типа *проклятий*: у белорусов это *адкляцці*, у поляков – *odzywki* (или *odwroczenie bluzgow*). Нетрудно заметить, что внутренняя форма этих имен жанра аналогична русскому *отговору*, одно из значений которого, напомним, – «у суеверных людей – заклинание, якобы имеющее силу отвратить что-

либо» [8: 1309]. Эти параллели подтверждают давно выявленную закономерность: при утрате сакральности магического слова в детском фольклоре сохраняются его «стилистический уровень и тропика» [24: 54–55].

Выводы

Отговорка и *отговор* находятся на периферии речевжанровой системы. Первая входит в систему жанров детского фольклора и употребляется детьми примерно до 11–12-летнего возраста, второй же вообще присущ потерявшему свои былые позиции народному типу речевой культуры (о типах речевой культуры см. [25]), для которого очень характерны т.н. «народные паремии», обслуживающие разные коммуникативные ситуации [26] (типа «*Твой приговор да тебе же во двор*»), в том числе запретные для обсуждения носителей элитарного типа речевой культуры. *Отговорка* позволяет ответить на акт вербальной агрессии (а также иногда и невербальной, например: « – *А мне не больно, курица довольна!*») таким образом, что говорящий не только защищает себя, но и пресекает дальнейшие словесные нападки, делая их бессмысленными и небезопасными (агрессор рискует быть названным «*сопливым носом*», у него может «случиться» «*в трусах понос*» и т. п.). *Отговор* в речи взрослых как минимум должен защитить от вербальной агрессии, а как максимум – пресечь бессмысленную и взаимно невыгодную *перебранку (ссору)*, однако не каждый владеет компетенцией *отговорщика* или *отговорщицы*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. // М. М. Бахтин Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Русские словари, 1996. С. 159–206.
2. Дементьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107.
3. Сидоренко А. В. Заклинание как речевой и фольклорный жанр в детской речи // Славянский альманах 2018. Вып. 1–2. М. : Индрик, 2018. С. 261–277.
4. Богданов К. А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб. : Азбука, 2015. 416 с.
5. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
6. Сидоренко А. В. Детская клятвенная в советскую эпоху: речевжанровые характеристики // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 72–78.
7. Осорина М. В. О некоторых традиционных формах коммуникативного поведения детей // Этнические стереотипы поведения. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. С. 47–64.
8. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. Т. 8. М. ; Л. : АН СССР, 1959. 1840 с.

9. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.

10. Петкевич Г. С. Русский детский фольклор в Литве: проблемы бытования и методика записи // От конгресса к конгрессу : материалы Второго Всерос. конгресса фольклористов : сб. докладов : в 4 т. Т. 4. М. : Гос. респ. центр рус. фольклора, 2012. С. 280–290.

11. Детский фольклор / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М. Ю. Новицкой, И. Н. Райковой. М. : Русская книга, 2002. 560 с.

12. Белоусов А. Ф., Головин В. В., Кулешиев Е. В., Лурье М. Л. Детский фольклор: проблемы и перспективы изучения // I Всерос. конгресс фольклористов : сб. докл. : в 4 т. Т. 1 / ред. А. С. Каргин. М. : Гос. респ. центр рус. фольклора, 2005. С. 215–239.

13. Карпунин И. Е. Русский детский фольклор в Башкортостане. Уфа : Баш. энцикл., 2013. 654 с.

14. Тверской детский фольклор / сост. Л. В. Брадис и Л. Г. Шомина. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2001. 179 с.

15. Борисов С. Б. Русское детство XIX – XX вв. : культурно-антропологический словарь : в 2 т. Т. 2. СПб. : «Дмитрий Буланин», 2012. 832 с.

16. Салимовский В. А., Яруллин Д. В. О тождестве речевого жанра // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 151–159.

17. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля : в 4 т. Т. 3. М. ; СПб. : Издание т-ва М. О. Вольф, 1907. 1782 с.

18. Шмелева Е. Я., Шмелёв А. Д. Русский анекдот : текст и речевой жанр. М. : Языки славянской культуры, 2002. 144 с.

19. Словарь церковнославянского и русского языка : в 4 т. Т. 1. СПб. : Императорская Академия наук, 1847. 415 с.

20. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. М. : Наука, 1987. 319 с.

21. Словарь русских народных говоров. Вып. 24. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. 368 с.

22. Сиротинина О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2. С. 26–31.

23. Виноградова Л. Н., Седакова И. А. Проклятие // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. Т. 4 / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 2009. С. 286–294.

24. Лойтер С. М. Русский детский фольклор и мифология : Исследование и тексты. Петрозаводск : КГПУ, 2001. 296 с.

25. Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Речевая культура // Энциклопедия «Русский язык» / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М. : Дрофа, 1997. С. 413–415.

26. Свалова Е. Н., Подкоков И. А. К пиру едется, а к слову молвится // Народная паремия Пермского края. СПб. : «Маматов», 2014. 176 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: Bakhtin M. M. *Sobraniye sochinenii* : v 5 t. T. 5 : *Raboty 1940-kh nachala 1960-kh godov* [Collected works in 5 vols. Vol. 5 : Works of the 1940s–1960s]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, pp. 159–206 (in Russian).
2. Dementyev V. V. Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nyye protsessy sovremennoy rechi ["Speech genre"]

theory and actual processes in contemporary speaking]. *Vo-prosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 2015, no. 6, pp. 78–107 (in Russian).

3. Sidorenko A. V. Zaklinanie kak rechevoj i fol'klornyj zhanr v detskoj rechi [Incantation as a speech and folklore genre in children's speech]. *Slavjanskij al'manah* [Slavic almanac, 2018]. Moscow, Indrik Publ., 2018, iss. 1–2, pp. 261–277 (in Russian).

4. Bogdanov K. A. *Povsednevnost' i mifologija: issledovaniya po semiotike fol'klornoj dejstvitel'nosti*. [Daily life and mythology: research on the semiotics of folklore reality]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2015. 416 p.

5. Dementyev V. V. *Teorija rechevyh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).

6. Sidorenko A. V. Children's oath in the soviet era: speech genre characteristics. *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 73–79. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-72-78 (in Russian).

7. Osorina M. V. O nekotoryh tradicionnyh formah kommunikativnogo povedenija detej [About some traditional forms of communicative behavior of children]. In: *Jetnicheskie stereotipy povedenija* [The ethnic stereotypes of behavior]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie Publ., 1985, pp. 47–64 (in Russian).

8. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: v 17 t. T. 8* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols.], vol. 8. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1959. 1840 p.

9. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: coll. of sci. art.]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).

10. Petkevich G. S. Russkij detskij fol'klor v Litve: problemy bytovaniya i metodika zapisi [Russian children's folklore in Lithuania: problems of existence and recording technique]. *Ot kongressa k kongressu: materialy Vtorogo Vseross. kongressa fol'kloristov: sb. dokl.: v 4 t. T. 4* [From congress to congress: materials of the Second Russian Congress of specialists in folklore: in 4 vols.], vol. 4. Moscow, Gos. resp. tsentr rus. fol'klora, 2012, pp. 280–290 (in Russian).

11. *Detskij fol'klor*. Sost., vstup. st., podgot. tekstov i komment. M. Ju. Novickoj, I. N. Rajkovej [The children's folklore]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 2002. 560 p. (in Russian).

12. Belousov A. F., Golovin V. V., Kuleshov E. V., Lur'e M. L. Detskij fol'klor: problemy i perspektivy izuchenija [Children's folklore: problems and prospects of studying]. *I Vseross. kongress fol'kloristov: sb. dokl.: v 4 t. T. 1* [First Russian congress of specialists in folklore: of ref.: in 4 vols], vol 1. Moscow, Gos. resp. tsentr rus. fol'klora, 2005, pp. 215–239 (in Russian).

13. Karpuhin I. E. *Russkij detskij fol'klor v Bashkortostane* [Russian children's folklore in Bashkortostan]. Ufa, Bash. entsikl. Publ., 2013. 654 p.

14. *Tverskoj detskij fol'klor*. Sost. L. V. Bradis i L. G. Shomina [The children's folklore of Tver]. Tver, Tverskoj gos. un-t, 2001. 179 p.

15. Borisov S. B. *Russkoe detstvo XIX–XX vv.: kul'turno-antropologicheskij slovar': v 2 t.* [Russian childhood of the XIX–XX centuries: cultural and anthropological dictionary: in 2 vols.], vol 2. Saint Petersburg, "Dmitrii Bulanin", 2012. 798 + 829 p.

16. Salimovsky V. A., Yarullin D. V. On a Speech Genre Identity. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 151–159. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-151-159 (in Russian).

17. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka Vladimira Dalja: v 4 t. T. 3* [Explanatory Dictionary of the Russian Language by Vladimir Dahl: in 4 vols], vol. 3. Moscow, Saint Petersburg, Izdanie t-va M. O. Vol'f, 1907. 1782 p. (in Russian).

18. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkii anekdot: tekst i rechevoj zhanr* [Russian anecdote: text and speech genre]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2002. 144 p. (in Russian).

19. *Slovar' cerkovnoslavjanskogo i russkogo jazyka: v 4 t. T. 1* [Dictionary of Church Slavonic and Russian language: in 4 vols], vol. 1. Saint Petersburg, Imperatorskaja Akademija nauk, 1847. 415 p.

20. *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries], iss. 13. Moscow, Nauka Publ., 1987. 319 p.

21. *Slovar' russkikh narodnyh govorov* [Dictionary of Russian dialects], iss. 24. Leningrad, Nauka Leningr. otd-nie Publ., 1989. 368 p.

22. Sirotinina O. B. Nekotorye razmyshlenija po povodu terminov "rechevoj zhanr" i " ritoricheskij zhanr" [Some reflections on the terms "speech genre" and "rhetorical genre"]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. art.]. Saratov, 1999, vol. 2, pp. 26–31 (in Russian).

23. Vinogradova L. N., Sedakova I. A. Prokljatje [Curse]. *Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskij slovar': v 5 t. T. 4* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.], vol. 4. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009, pp. 286–294 (in Russian).

24. Lojter S. M. *Russkij detskij fol'klor i mifologija: Issledovanie i teksty* [Russian children's folklore and mythology: Research and texts]. Petrozavodsk, KGPU, 2001. 296 p.

25. Gol'din V. E., Sirotinina O. B. Rechevaja kul'tura [The speech culture]. In: *Enciklopedya "Russkij jazyk"* [The Encyclopedia of Russian language]. Moscow, Drofa Publ., 1997, pp. 413–415.

26. Svalova E. N., Podjukov I. A. K piru edetsja, a k slovu molvitsja [To the feast is going to say the word]. In: *Narodnaja paremika Permskogo kraja* [People's Paremics of Perm Krai]. Saint Petersburg, Mamatov Publ., 2014. 176 p.

Статья поступила в редакцию 29.07.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Сидоренко А. В. Отговорка и отговор в системе речевых жанров // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 234–239. DOI: <https://dx.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-234-239>

For citation

Sidorenko A. V. The Otgovorka and the Otgovor in the System of Speech Genres. *Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 234–239. DOI: <https://dx.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-234-239>.

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *Т. А. Трубникова*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 28.08.2019. Подписано в свет 31.08.2019
Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 9.33 (10.0). Тираж 500. Заказ 108-Т. Цена свободная.

Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.

ISSN 2311-0740

9 772311 074001

19003